

А. В. КРАВЧЕНКО

ЯЗЫК И ВОСПРИЯТИЕ

Когнитивные аспекты языковой категоризации

Издательство

Иркутского государственного университета

2004

УДК 81

ББК 81

К 78

К 78 А. В. Кравченко. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. - Иркутск: Изд. Иркут. гос. ун-та, 2004 (2-е исправл. издание). - 206 с.

ISBN 5-7430-0412-9

Книга посвящена проблеме когнитивных истоков языковой категоризации; в ней рассматривается комплекс вопросов, связанных с общей проблемой представления знаний в языке. На конкретном материале показывается феноменологический характер базовых когнитивных структур пространства и времени, участвующих в формировании языковой картины мира. Предлагается когнитивная модель категории вида в русском языке, анализируется эпистемическое соотношение именной и местоименной систем.

Для лингвистов широкого профиля, филологов, историков языка.

ББК 81

ISBN 5-7430-0412-9

© Кравченко А. В., 2004.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава 1

Структура знания и языковая система

- 1.1. Человек как субъект познавательной деятельности 5
- 1.2. Типы знания, представленного в языке 18
- 1.3. Источник информации и языковая указательность 26

Глава 2

Восприятие пространства и его отражение в языке

- 2.1. Истоки языкового локализма 33
- 2.2. Трехмерность пространства в языковом отражении 35
 - 2.2.1. Иерархия пространственных измерений 35
 - 2.2.2. Два типа пространственной категоризации 38
 - 2.2.3. Когнитивные основания пространственных концептов 42
- 2.3. Истоки предметной асимметрии и норма 50
- 2.4. Предметы и места 53
 - 2.4.1. "Предмет" vs. "пространство" 53
 - 2.4.2. *Здесь (сюда, отсюда) - там (туда, оттуда)* 57
- 2.5. Пространственные наречия, наблюдатель и норма 66

Глава 3

Языковое представление времени

- 3.1. Вводные замечания 71
- 3.2. Гносеология временных понятий 74
 - 3.2.1. Объективное и субъективное время 74
 - 3.2.2. Генезис времени 78
- 3.3. Языковая функция грамматического времени 90
 - 3.3.1. Темпоральная локализация и точка отсчета 90
 - 3.3.2. Грамматическое время и когнитивные структуры .. 99
- 3.4. Время и имя 104
 - 3.4.1. Временной компонент в значении имени 104
 - 3.4.2. Эпистемические показатели имен-синонимов 109

Глава 4

Глагольный вид и картина мира

4.1. Введение	118
4.2. Предел и целостность действия	124
4.3. Грамматика вида	127
4.3.1. Морфология вида	127
4.3.2. Грамматическая парадигма глагола	133
4.3.3. Синтаксис вида	139
4.3.3.1. Глаголы СВ ₁ /НСВ ₂ и СВ ₂ /НСВ ₂	140
4.3.3.2. Глаголы НСВ ₁ /НСВ ₂	143
4.4. Значение вида	144
4.5. Совершенный вид и настоящее время	146
4.6. Глаголы НСВ и префиксация	147
4.7. Вид и пассивный залог	150
4.8. Заключительные замечания	152

Глава 5

Имена и местоимения

5.1. Логика наивной таксономии	155
5.2. Этимология	157
5.3. Анафоричность и антецедентность	159
5.4. Морфологические категории	165
5.4.1. Лицо	165
5.4.2. Род	168

Вместо заключения

Библиография

Предметный указатель

Глава 1

СТРУКТУРА ЗНАНИЯ И ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

1.1. Человек как субъект познавательной деятельности

История языкознания как науки насчитывает не одно тысячелетие, и хотя развитие науки о языке прошло через целый ряд знаменательных этапов, связанных с определенной концептуальной ориентацией лингвистической мысли в ту или иную эпоху, в целом современный понятийный аппарат языкового описания остается во многом традиционным, уходя корнями в работы античных философов (так называемый “атомистический” подход). Наиболее очевидна эта связь в современных описательных грамматиках, в принципе мало чем отличающихся от древних греко-латинских грамматик. Наряду с этим, в 20-м столетии большое влияние на развитие языкознания оказало стремление приблизить его к точным наукам, стимулировавшее возникновение целых лингвистических направлений со своим формально-понятийным аппаратом описания (структурализм, глоссематика, генеративизм, функционализм и др.). Как следствие этого, значительно усложнилась метаязыковая система: с одной стороны, весьма затруднительным (в рамках этой системы) представляется достаточно последовательная инвентаризация лингвистических понятий и номенклатур, с другой стороны, серьезная теоретическая лингвистика все больше становится уделом немногих посвященных, так как понятийно-терминологический аппарат языкового описания имеет устойчивую тенденцию к усложнению. Другими словами, существует как бы два теоретических полюса, между которыми практически теряется важнейший аспект языкознания — прикладной. Один из парадоксов ситуации состоит в том, что язык знают и могут им пользоваться все (включая не-

грамотных), а объяснить принципы и законы функционирования языковой системы “могут” лишь немногие.

Стремление преодолеть эту ситуацию проявилось в повышенном внимании, которое в последнее время уделяется прагматическим аспектам функционирования языковой системы, а именно, характеру связи “человек — язык”. Проблема человеческого начала в языке в последние десятилетия стала одной из центральных проблем языкознания. В этой связи можно говорить о том, что в последней четверти 20-го столетия происходит постепенное но верное изменение лингвистической парадигмы в целом, вызванное осознанием того, что язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем. Извечный вопрос: “Почему мы так говорим?”, волновавший философов языка во все времена, обречен оставаться без ответа до тех пор, пока не будут детально изучены и полностью раскрыты все законы и механизмы функционирования языка в его взаимодействии с познающим мир человеком. Этим, в частности, объясняется значительное расширение традиционных рамок лингвистических исследований, приведшее к возникновению целого спектра частных лингвистических дисциплин, опирающихся на данные смежных наук — таких, как социология, психология, физиология, нейрофизиология, психофизиология, антропология, этнология и др.

Интерес, проявляемый лингвистами к различным сторонам функционирования языковой системы, закономерен, поскольку традиционные методы описания языкового значения, во многом исходившие из принципов композиционной семантики и рассуждений на уровне здравого смысла, оказались не в состоянии объяснить характер соотношения между лингвистической семантикой и интерпретацией текста (Fillmore 1986). Синтактика и семантика как традиционные области лингвистики, связанные с изучением межзнаковых отношений и отношений между знаками и обозначаемыми ими предметами и явлениями действительности, недостаточны для объяснения многих явлений, традиционно не включавшихся в собственно языковую систему, но которые играют важнейшую роль в актуализации языкового

значения. К таким явлениям относятся, в первую очередь, различные параметры речевой ситуации, в условиях которой осуществляется высказывание, или контекст. Эти параметры влияют не только на характер поверхностной структуры высказывания, задавая определенные правила выбора той или иной языковой формы — на пропозициональном уровне даже условия истинности предложений могут, в общем случае, зависеть от этих параметров, образующих невербальный контекст высказывания (M. Bennett 1978; Sgall 1980; Perry 1993). Не случайно поэтому исследования в области общей теории языкового значения все больше ориентируются на положения герменевтической философии как науки об искусстве понимания: “Язык — это универсальная среда, в которой осуществляется само понимание. Способом этого осуществления является истолкование” (Гадамер 1988: 452). Как отмечает В. В. Петров,

использование языка следует отождествлять не со способностью устанавливать истинностные значения предложений, а скорее с более широкой способностью интерпретировать речевое поведение других лиц. ...Понимание значения предполагает объединение лингвистических и экстралингвистических знаний, явной и фоновой информации.

(Петров 1987: 8 и сл.)

На проблему, связанную с теорией значения, для которой центральным является понятие истины, указывает М. Даммит (1987: 141 и сл.):

Теория значения, принимающая истину в качестве центрального понятия, должна объяснить, что означает знание условий истинности предложений. [...] Но явное знание условий истинности некоторого предложения может дать говорящему понимание его значения только для тех предложений, которые вводятся посредством чисто вербальных объяснений в процессе постепенного усвоения языка: увы, мы попали бы в порочный круг, если бы стали утверждать, что понимание говорящим языка заключается, вообще говоря, в его способности выражать каждое предложение другими словами, т. е. с помощью явно экви-

валентного предложения того же языка. Понимание наиболее фундаментальной части языка, его глубинных уровней невозможно объяснить таким путем: если это понимание заключается в знании истинностных условий предложений, такое знание должно быть неявным, следовательно, теория значения должна дать нам понимание того, каким образом это знание проявляется.

Очевидно, что для того, чтобы выяснить, каким образом знание, о котором говорит М. Даммит, проявляется в нашей способности пользоваться языком как средством коммуникации, необходимо всестороннее и тщательное изучение особенностей функционирования языка как системы, инкорпорирующей такие знания. «Построение научной теории языка — ... это прежде всего задача моделирования информационных процессов, моделирования языка как средства хранения, передачи и построения информации, какова бы ни была природа его носителей» (Павилёнис 1986: 8). Можно предположить, что «понятия *когнитивного состояния* носителей языка, *контекста* (включая микро- и макроструктуру текста, социально-культурные характеристики контекста и т. д.), *акта употребления* (включающего стратегии планирования и управления дискурсом) связаны между собой и, более того, совместно «работают» для объяснения общего феномена понимания и порождения языка. Но как это происходит в рамках единой модели, пока не совсем ясно» (Петров 1987: 6).

Изучением особенностей употребления языка занимается особая область лингвистики — прагматика (Morris 1946). Если про семантику можно сказать, что она имеет дело с идеализированным объектом, «теоретическим конструктом», то объект прагматики — более индивидуальный, эмпирический. «Прагматические теории ориентированы скорее не на прояснение отношений между языком и реальностью (как семантические), а на экспликацию знания, уже данного в имплицитной способности субъекта» (Петров 1987: 9). Вместе с тем, как отмечает А. Вежбицкая,

...Моррисово деление науки о знаках на семантику, синтактику и прагматику... не имеет смысла применительно к естественному языку, синтаксические и морфологические средства которого (так же как и ил-

локутивные средства) сами по себе являются носителями значения. В естественном языке значение заключено в интерпретации мира человеком. Оно субъективно, оно антропоцентрично, оно отражает преобладающие культурные ценности и специфичные для данной культуры способы социального взаимодействия... «Прагматические значения» неразрывно переплетены в естественном языке со значениями, основанными на «денотативных условиях».

(Wierzbicka 1989: 732 ff).

Другими словами, «формального различия уровней между семантикой и прагматикой нет» (Jackendoff 1987: 97). Наглядное представление о соотношении семантики, синтактики и прагматики дает схема, представленная на рис. 1 (Ч — человек, Зн. — знак, Пр. — предмет).

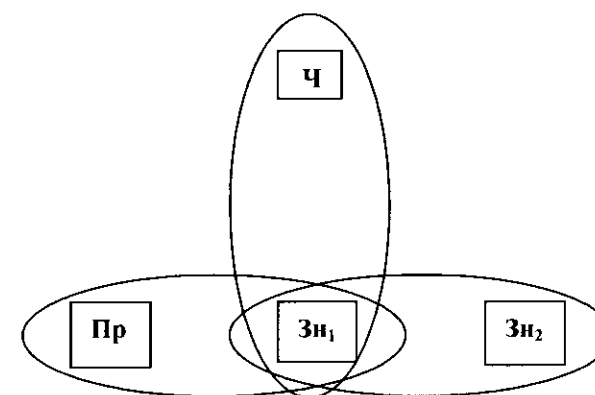

Рис. 1. Соотношение трех областей лингвистики

В центре лингвистики, образуемом пересечением трех ее областей, стоит знак, поскольку язык — знаковая система. Однако между разными типами отношений, в которые вступает знак, существует определенная иерархия, легко выявляемая на уровне их

логического соотношения. Отношение “человек → знак” онтогенетически первично, так как языковой знак имеет антропогенную природу: в природе знаки не существуют сами по себе подобно предметам, они являются “человеческим” продуктом, призванным удовлетворять определенные потребности. С удовлетворением этих потребностей связана языковая функция знака — репрезентация предмета (свойства, отношения) действительности. Отношение “предмет → знак” представляет первый уровень такой репрезентации, за которым следует второй уровень “знак₁ → знак₂”; в обоих случаях экспликация содержательной сущности устанавливаемого отношения невозможна без учета первичного отношения “человек → знак”. Следовательно, ни семантика, ни синтактика не могут рассматриваться как самостоятельные, независимые типы отношений, т. е. в отрыве от прагматики.

В последнее время все большее число исследователей связывает решение различных вопросов теории языкового значения и функционирования языка с изучением особенностей представления знаний в языке и, следовательно, с когнитивной деятельностью человека. В этой связи в лингвистический обиход прочно вошли такие понятия, как “языковая картина мира”, “языковое видение мира”, “наивная модель мира” и т. п. (восходящие к идеям В. Гумбольдта о языке как особом *мировидении*), суть которых заключается в том, что в системе языка, в его грамматическом строе и лексиконе отражается то, как человек видит окружающий его реальный мир и свое место в нем, при этом условия естественной среды обитания отдельной языковой общности играют немаловажную роль в формировании концептуальной системы того или иного языка (Комлев 1981; Geert 1983; Апресян 1986; Вежицкая 1986; Chafe & Nichols 1986; Lakoff 1987; РЧФЯ 1988; Почепцов 1990; Фрумкина и др. 1990; Колшанский 1990). При этом важно помнить, что “если всякий язык есть мировидение, то он обязан этим не тому, что он являет собой определенный тип языка (в каком-либо качестве его и рассматривает ученый-лингвист), но тому, что говорится или соответственно передается на этом языке” (Гадамер 1988: 510). В то же время само понятие “мир”, модель которого описывается, целесообразно по-

нимать как человека и среду в их взаимодействии; в этом смысле мир есть результат переработки информации о среде и о самом человеке, причем “человеческие” структуры и схемы часто экстраполируются на среду, которая описывается на языке антропоцентрических понятий (Топоров 1988: 161).

Когнитивная теория языкового употребления (Dijk 1977), опирающаяся на такие базовые понятия, как выборочная обработка информации, общий фонд знаний, когнитивная модель (концепт, образ), концептуальная система (фрейм) и концептосфера, контекстуальное решение (т. е. модификация концептуального фрейма), точка зрения и т. п., завоевывает все большую популярность, так как она позволяет пролить свет на целый ряд вопросов, связанных с интерпретацией языкового значения (Minsky 1975; Dijk 1981; Jackendoff 1983, 1989; Langacker 1991; G. Lakoff 1987, 1989; Givyn 1989; DeLancey 1990; Лихачев 1993 и др.).

Языковые знаки “означают” не в силу того факта, что имеется прямая связь между знаками и внешним миром, а в силу того, что они соотносятся с человеческим опытом, образующим основу **знания**. “Знание — проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в мышлении человека; обладание опытом и пониманием, которые являются правильными и в субъективном и в объективном отношении и на основании которых можно построить суждения и выводы, кажущиеся достаточно надежными, для того чтобы рассматриваться как знание” (КФЭ 1994). Как подчеркивал К. Льюис,

не существует других источников знания, кроме как, с одной стороны, чувственные данные и, с другой стороны, наши собственные вкладываемые значения. Эмпирическое знание составляет один класс; все, что известно независимо от чувственного опыта — априорное и аналитическое — составляет другой класс и определяется как истинное через референцию к нашим значениям
(Lewis 1946:35).

Проблема познания как общефилософская проблема сложна и многогранна, и решением отдельных ее аспектов занимается комплекс научных дисциплин, известный под общим названием

когнитивная наука (КН)¹. Одно из центральных мест в когнитивной парадигме по праву занимает языкознание.

Обращение КН к лингвистическим данным, мотивируемое на первый взгляд лишь тем, что язык отражает некие общие принципы, управляющие восприятием мира, фактически связано и с тем важнейшим обстоятельством, что языковые единицы, языковые категории и языковые классы указывают — хотя и с разной степенью опосредствования — на ту содержательную информацию, которая уже стала продуктом человеческой обработки. Полученная в ходе предметно-познавательной деятельности, эта информация обретает в языковых формах свое отражение и свою фиксацию. Ее можно изучать объективными способами. Лингвистика и важна для КН как предоставляющая для обдумывания данные о значении своих форм. Здесь и смыкается исследование знания и значения.

(Кубрякова 1994:45; см. также Панкрац 1992).

В качестве примера такого подхода к исследованию сопряжения знания и значения можно привести известную работу Х. Кларка “Пространство, время, семантика и ребенок”. В этой работе выдвигается и обосновывается тезис о том, что процесс овладения языковыми формами выражения пространственных и временных отношений ребенком заключается в научении применять эти выражения к априорному знанию о пространстве и времени, которым ребенок уже обладает. Это знание составляет сферу перцептуального (perceptual) пространства (Р-пространства), включающего сенсорные, биологические и другие структуры. Позднее ребенок должен научиться применять пространственные выражения к этому перцептуальному пространству, поэтому структура Р-пространства в большой степени определяет, чему и как быстро научается ребенок. При этом ребенок не может правильно употребить некоторое выражение, если он уже

¹ См. напр. обзор истории вопроса в (Демьянков 1992; 1994).

не имеет соответствующий концепт в своем Р-пространстве. Отсюда следует важный вывод: концепция пространства, лежащая в основе пространственных выражений (или L-пространство), должна совпадать с Р-пространством, а свойства, обнаруживаемые в L-пространстве, должны присутствовать и в Р-пространстве (Clark 1973).

Уникальность языка как знаковой системы заключается в том, что он является не только продуктом познавательной деятельности человека, но одновременно и одним из главных способов осуществления этой деятельности (Meseguer 1992). С одной стороны, в системе языка находят отражение когнитивные процессы, в основе которых лежит психофизиологическая деятельность человека, или “живое созерцание действительности” (S. Palmer 1975; 1990; Geert 1983); с другой стороны, на уровне абстрактного мышления происходит вторичная категоризация обработанной на первом уровне информации, определяющая ту или иную степень фактивности пропозиционального содержания высказывания (Quine 1975). “Фреймовая канва в том или ином виде всегда представляет обобщенные данные феноменального восприятия или знания в виде шаблонов-структур” (Лазуткина 1994: 58). Как указывал в свое время Б. Рассел, необходимо различать знакомство с предметом — например, через его восприятие — и знание о предмете. “Всякое мышление необходимо начинается со знакомства; но оно продолжается в размышлении о многих вещах, с которыми мы не знакомы” (Russell 1905/1956: 41 ff). Это, в частности, ведет к тому, что чисто “внутриязыковое” решение проблемы смысла, строго говоря, невозможно, так как необходимо учитывать глубокие и тонкие механизмы, превращающие некоторый набор эмпирических данных в теоретическое знание, на основе которого разворачиваются новые формы предметно-практического взаимодействия человека с окружающим миром (Гусев 1990: 77). “Без различения между языковым значением и когнитивным содержанием адекватное решение семантических вопросов невозможно (Sgall 1977: 270; Dretske 1986).

Интересной в этом отношении является предложенная Р. Джекендоффом теория концептуальной структуры, продол-

жающая развитие идей, высказанных М. Минским (Minsky 1975) в связи с проблемой представления знаний. Под концептуальной структурой понимается информация, несомая в равной степени визуальной (т. е. чувственной. — А. К.) и языковой модальностями; другими словами, существует единый уровень мыслительной репрезентации, концептуальная структура, на котором языковая, сенсорная и моторная информация сопрягаются. В подтверждение этого положения Р. Джекендофф приводит известные своей парадоксальностью примеры восприятия определенных изображений (витгенштейновский “утко-кролик” и др.), когда то, что человек видит, не может быть охарактеризовано как что-то чисто внешнее, независящее от воспринимающего субъекта, а определяется некоей привносимой организацией, которая, в свою очередь, должна быть частью процесса собственного кодирования мозгом поступающей информации о внешнем мире. Каждый в принципе обладает одинаковой способностью к формированию концептов — но концепты, формируемые в действительности, должны зависеть в определенной степени от опыта (Jackendoff 1983; Пиаже 1969; 1994).

Аналогичная теория концептуальной системы подробно развивается Р. И. Павилёнисом в связи с проблемой смысла:

Еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной (истинной или ложной) информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных представлений человека о мире. Построение такой системы до усвоения языка есть *невербальный* этап ее образования. На этом этапе человек знакомится с объектами, доступными непосредственному восприятию

(Павилёнис 1983: 101).

Поэтому необходимо различать “знание наблюдателя” и “знание деятеля” (Itkonen 1978: 193).

Говоря об особенностях восприятия, Ю. Юнгер подчеркивает, что “каждый человек имеет какие-то когнитивные схемы, которые подготавливают его/ее к принятию каких-то определенных видов/единиц информации, нежели чем других” (Junger 1987: 658). Другими словами, деление мира с помощью языка осуществляется путем наложения на мир концептуальной сетки (т. е. путем выделения концептов) и ситуационной сетки (т. е. путем выделения ситуаций) (Почепцов 1990: 112). Таким образом, отношения между языковой формой и ее функцией с необходимостью отражают свойственную человеку концептуальную структуру и общие принципы когнитивной категоризации. Нельзя описать язык в терминах соответствия между Словом и Миром, если под Миром не понимать картину мира, порождаемую нашим опытом (Sweetser 1990: 4 ff). Благодаря тому, что активное воздействие языка на человеческое сознание носит направленный характер,

в структуре языковых значений содержится компонент, направляющий использование языка и его воздействие на процесс восприятия мира в конкретных ситуациях общения. ...Реконструкция этого интенционального компонента языкового значения на базе теоретических представлений о структуре и нормах языковой деятельности, реконструкция этого компонента как предпосылки теоретического знания о языке, обеспечивающей необходимую общность восприятия мира в конкретных, частных ситуациях общения является важнейшей задачей современной лингвистики.

(Козлов, Пружанин 1984: 99).

Когнитивные процессы первичного уровня по своей природе индивидуальны, поскольку всякое первичное знание есть результат познавательной деятельности психологического индивида. Когнитивные процессы вторичного уровня индивидуальны лишь в том смысле, что категоризируемое с их помощью знание актуализируется в процессе речевой деятельности индивида, но по своей природе они носят обобщенный характер, так как всякий психо-

логический субъект на этом уровне познавательной деятельности опирается на общий для всех случаев фонд первичных знаний. Применительно к языковому значению, нужно учитывать, что для каждого индивида как интересубъективное, с одной стороны, оно фиксирует индивидуальный опыт, с другой — в этом опыте самом по себе отражается опыт поколений (Шахнарович, Юрьева 1990).

Говоря о двух уровнях знания, мы, естественно, имеем в виду не всякое знание вообще, а только знание, представленное в языке, поскольку, в соответствии с эпистемологической теорией Ж. Пиаже, язык есть лишь один из способов представления знаний. В. Б. Касевич (1990а: 99 и сл.) предлагает различать две основные разновидности языкового знания — собственно языковое и текстовое знание: “Языковые знания суть не что иное, как компонент наивной картины мира данного этноса, закодированный в самой системе языка, т. е. в его словаре и грамматике. Текстовые знания, в отличие от языковых, — это некоторая система информации о действительности, составляющая план содержания текста или множества текстов”. Как отмечает Е. С. Кубрякова (1992: 27),

в организации знания надо, по всей видимости, разграничивать структуры, напрямую связанные с языком, “языковленные” или же представленные с помощью языка, и, напротив, структуры, прямо с языком не связанные. Конечно, сам вопрос о том, как соотносятся между собой структуры знания, объективированные и опосредованные языком, и структуры, представленные в голове человека принципиально иными способами (умениями, навыками и т. п.), еще далек от разрешения, но лингвистика позволяет поставить в первую очередь вопрос именно о тех формах репрезентации, которые так или иначе связаны с языком.

Существование двух уровней категоризации знания осознавалось уже стойками, которые утверждали, что не бывает общих фактов, которым бы не соответствовали отдельные факты. Вопрос о соотношении отдельного и общего занимал многих философов, особенно в связи с проблемой высказываний типа *Кто-то*

украд мой карандаш, где неопределенный характер субъекта затрудняет отнесение описываемого явления (“кража карандаша”) к разряду общего или отдельного. В частности, А. Прайор на уровне логического анализа пытался доказать, что такое высказывание описывает общий факт, поскольку понятие “неопределенный индивид” является надуманным, и в природе неопределенных индивидов нет (Prior 1968: 12). Однако мы знаем, что язык не копирует реальность, а лишь определенным образом отражает процесс ее познания человеком:

Первичная система репрезентации (ПСР) дает модель мира, основанную на чувственных данных, памяти, interoцепции и проприоцептивной обратной связи. Вторичная система репрезентации (ВСР) дает модель этой модели, в которой мир и наши действия в нем выражаются, или потенциально могут быть выражены, словами. ПСР чувствует, ощущает и реагирует, ВСР выражает это все словами

(Bickerton 1990: 209).

Это значит, что сначала наше чувственное восприятие мира накладывается на концептуальную репрезентацию, а затем эта концептуальная репрезентация накладывается на языковую репрезентацию. Ступенчатый характер этого процесса предполагает наличие некоторых промежуточных уровней, отражающих переход от конкретного к абстрактному по мере усложнения структуры приобретенного знания (Quine 1975). В современной лингвистической теории двум эпистемологическим уровням знания соответствуют понятия событийного и фактообразующего значений (Арутюнова 1988; Анна Зализняк 1990), а проблема неопределенности решается в рамках теории референции, оперирующей такими понятиями, как определенный, неопределенный и обобщенный референт (Ломтев 1972; Wright & Givón 1987; Степанов 1988).

1.2. Типы знания, представленного в языке

Язык является знаковой системой, при этом знаковость как совокупность определенных свойств материального (форма) и идеального (содержание) характера присуща не только слову как типичному представителю языковых знаков (слово — знак первичного означивания), но и единицам более высокого уровня (знакам вторичного означивания), или полным языковым знакам, иерархической вершиной которых являются высказывание и текст (ЛЭС 1990). Разные типы знаков, будучи членами единой репрезентативной системы, каковой является язык, с необходимостью отражают определенные аспекты концептуальной картины мира, или знание о мире. Это знание является составной частью значения единиц, образующих собственно систему языка — лексикон и грамматику (Апресян 1980; 1986).

Собственно языковое знание как содержательный аспект знания различных языковых единиц существенно отличается от текстового знания по своему онтологическому статусу, так как всякое текстовое знание строится путем концептуальной и функциональной утилизации знания языкового. Усвоение системы языкового знания, представленного в лексиконе и грамматике, происходит на начальном этапе осознанного бытия человека и является частью процесса формирования сознания представителя той или иной языковой общности. Усвоение текстовых знаний составляет одну из наиболее существенных сторон жизнедеятельности человека на протяжении всей его жизни, и эффективность этой деятельности во многом определяется уровнем усвоения собственно языкового знания. Критерием соответствия текстовых знаний реальной действительности является эмпирический опыт индивида, основанный на физическом взаимодействии с предметным миром через чувственное восприятие. Наглядным примером этому служит познавательная деятельность ребенка, для которого текстовое знание, существующее в готовом виде, становится собственно знанием о мире, как правило, после

того, как оно подкрепляется индивидуальным чувственным опытом. Можно внушить ребенку, что огонь опасен, но чаще всего эта истина усваивается прочно и на всю жизнь после того, как ребенок обожжется. Процесс взросления человека и уровень его интеллекта не в последнюю очередь определяются тем, насколько рационально в своей повседневной деятельности он пользуется критерием индивидуального опыта, усваивая систему знаний о мире, накопленных человечеством: “Умный человек учится на ошибках других, глупый — на своих собственных”.

Система языковых знаний как компонент наивной модели мира только начинает изучаться, и наука делает лишь первые шаги в этом направлении. Масштаб задачи огромен, поскольку предстоит переосмыслить многие теоретические положения традиционного языкознания, основываясь на новых данных когнитивной науки о характере механизмов взаимодействия человека с окружающим миром посредством языка. Важную роль при этом играет изучение того, как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы объективного и субъективного порядка имеют определяющее значение в формировании картины мира определенным этносом. Одной из центральных проблем следует признать “проблему зависимости строения и организации языка (как в его генезисе, так и в его реальном синхронном состоянии и функционировании) от общих принципов восприятия мира человеческим сознанием” (Кубрякова 1992:31).

Физиология и психология восприятия имеют непосредственное отношение к тому, как в языке отражается то или иное видение мира. С одной стороны, восприятие, членение и концептуализация мира отражаются в существовании универсальных понятийных категорий, свойственных разным языкам. Эти категории отражают то, что мы видим. Именно эта универсальность делает в конечном счете возможным овладение иностранными языками. “Языки, которые мы способны выучить, не так уж сильно отличаются от языков, данных нам врожденно, и предложения, которые мы в состоянии понять, не так уж отличны от тех формул, которые их репрезентируют внутри нас” (Fodor 1976: 156). С

другой стороны, в каждом отдельном языке имеется система специфических понятий, свойственных именно этому языку и несвойственных другим — в этих понятиях, как правило, отражается то, как мы видим мир. В первом случае мы имеем дело с восприятием (в широком смысле, или, по Пиаже, перцептивной деятельностью) как психофизиологическим процессом объективного порядка, во втором случае речь идет о субъективированном процессе наложения концептуальных структур (своеобразной модальной рамки) на воспринимаемые предметы и отношения действительности. Другими словами, имеется два уровня категоризации действительности — конкретно-предметный и абстрактно-системный. Конкретно-предметный уровень категоризации в общих чертах представлен в лексиконе естественного языка, абстрактно-системный — в его грамматическом строе.

Лексикон естественного языка можно рассматривать как более или менее объективированную таксономическую систему, в основе которой, независимо от типа языка, лежит относительно последовательная классификация мира на предметно-бытийные сущности. Независимость физиологии восприятия от принадлежности человека к тому или иному этносу проявляется в том, что ядро лексикона в различных языках образуют слова, выражающие универсальные в своей общности понятия (вряд ли есть языки, в которых нет слов *человек, животное, земля, вода, огонь, дождь* и т. п.). Словарный состав того или иного языка может быть беднее или богаче, отраженная в нем классификация предметов и явлений — проще или сложнее, но исходный принцип ее организации остается неизменным: это членение мира на предметные сущности (реальные или мнимые), доступные восприятию. Этим, в конечном счете, объясняется самая возможность составления двуязычных и многоязычных словарей, в которых отдельные универсальные понятия соотносятся с различными формами их выражения. Наоборот, грамматический словарь написать чрезвычайно трудно, так как, будучи системой абстрактных отношений (“вторичной системой репрезентации” по Бикертону), грамматический строй языка отражает субъективированную картину мира, в которой концептуализация и категори-

зация межпредметных связей и отношений происходит в тесной зависимости от географических, исторических, социальных и т. п. условий бытия данного этноса.

Вместе с тем, субъективированный характер этой картины не означает полное отсутствие в ней определенного объективного начала, ибо в таком случае понимание и овладение грамматическим строем неродного языка было бы в принципе невозможным. Как справедливо отмечает Х.-Г. Гадамер (1988: 448),

если мы действительно владеем языком, то нам уже не только не требуется перевод, но перевод кажется нам невозможным. Понимание языка само еще не является действительным пониманием и не включает в себя никакой интерпретации — это жизненный процесс. Мы понимаем язык постольку, поскольку мы в нем живем.

Достижение системного знания иностранного языка с уровнем языковой компетенции, близким к уровню языковой компетенции в родном языке, возможно изучающим при наличии у него представления о той картине мира, которая свойственна его родному языку, и соотношении ее с картиной мира, отраженной в системе изучаемого языка. Такое сопоставление, в свою очередь, представляется возможным благодаря универсальному характеру базовых когнитивных категорий, содержание которых не зависит от того, на каком языке говорит человек, а определяется теми когнитивными факторами, на которых строится вся познавательная деятельность человека. К числу таких факторов относятся, в первую очередь, наблюдатель и говорящий.

Хотя многие лингвисты по традиции, восходящей к трудам Б. Рассела, К. Бюлера и др., до сих пор связывают проблему субъективного в языке с фактором говорящего, который присваивает себе язык в момент — и на момент — речи (см. напр. Степанов 1985), проблема субъекта как управляющего и регулирующего начала в функционировании языковой системы не может быть сведена исключительно к фигуре говорящего. Как показывают многочисленные факты (Кравченко 1992а; 1995а), в

системе языка закреплена его ориентированность не столько на говорящего, сколько на человека вообще, т. е. речь следует вести о языковом антропоцентризме и его проявлениях в различных языковых структурах. В частности, выделяется категориальная основа (инвариантная сущность) языка во всех его ипостасях, являющаяся носителем антропоцентризма; эта категория есть точка зрения — “система антропогенных позиций, выступающих поразному (то актуально, то виртуально) в языке, речи, речевой деятельности и поэтике” (Байков 1990:5), при этом самый термин “точка зрения” прочитывается как “местоположение” — место в пространстве, с которого видится объект восприятия (Чернейко 1994). При таком подходе под ЭГО следует понимать не говорящего, а познающего мир человеческого индивида — не случайно Н. Д. Арутюнова (1988) пользуется терминами “эгоцентрический” и “гомоцентрический” как синонимами.

В основе мысли, выраженной посредством языка, лежит опыт, данный в ощущениях, или восприятие. Именно особенностями восприятия как свойства, присущего человеку, объясняются явления языкового антропоцентризма и антропоморфизма, которые “вплетены в самую ткань языка” (Lyons 1977: 690). Антропоцентризм является “отправной точкой теоретической и практической деятельности человека” (Колшанский 1990: 86). Познавательная деятельность первичного уровня, содержательную сторону которой составляет категоризация языковыми средствами феноменологического знания, т. е. знания, извлеченного в результате прямого чувственного опыта, своей отправной точкой имеет непосредственно фигуру познающего реальный мир человеческого индивида. Лингвистами давно признано, что пространственная сущность, определяемая как человеческое тело, служит плодородной почвой для метафорической категоризации опыта (Ullmann 1963; Ellen 1977; Schaefer 1985).

Основу феноменологического знания составляют предметы, события, явления идентифицированные в определенной системе пространственных координат, на которую проецируются все возможные между элементами реального мира виды отношений, зафиксированных в предикатах. Поэтому языковой антропоцен-

тризм и антропоморфизм особенно четко проявляются в различных пространственных выражениях, так как пространственные отношения между предметами и явлениями действительности, воспринимаемые человеком, всегда ориентированы на субъект восприятия как точку отсчета (см. Merleau-Ponty 1945).

Ориентированность на субъект восприятия как точку отсчета, составляющая когнитивное содержание значения языковых единиц, свойственна не только пространственным выражениям. Такое указание содержится в значении многих лексических единиц и целого ряда грамматических категорий, таких как лицо, время, вид, залог, таксис и др. (Кравченко 1993) — не случайно фактор наблюдателя как элемент интерпретативной модели языкового значения в последние годы прочно вошел в систему языкового анализа (см. напр. Ли Тоан Тханг 1993; Langacker 1994; Яковлева 1994).

Говорящий, описывая в высказывании какую-то ситуацию, имеет в своем распоряжении лексические и грамматические средства, с помощью которых он маркирует наблюдаемость этой ситуации, хотя необязательно в роли наблюдателя должен выступать он сам. Например, в английском языке по этому критерию различаются так называемые простые (Simple) времена, немаркированные по признаку “наблюдаемость”, и сложные временные формы (Progressive, Perfect), маркированные по данному признаку (Кравченко 1990a). В русском языке указание на наблюдаемость обозначенного глаголом действия является основой противопоставления парных коррелятов среди глаголов движения типа *идти* — *ходить* (подробно это явление рассматривается в главе, посвященной глагольному виду). В турецком языке морфологически закреплена противопоставленность двух форм прошедшего времени по признаку источника информации, в качестве которого выступает непосредственный чувственный опыт или опосредованный чувственный опыт (Slobin & Aksu 1982), т. е. конкретный или неопределенный наблюдатель. В языке хопи наблюдаемость действия говорящим и адресатом имеет такое же значение для информативной интерпретации высказывания, какое имеет характерное для индоевропейских языков противо-

поставление прошедшего и настоящего (Whorf 1958), в армянском языке этот признак лежит в основе противопоставления форм аориста и перфекта (Козинцева 1984).

Указание на наблюдателя в разных языках связано не только с функционированием глагольных форм. Например, в языке южных пайутов дихотомия “одушевленный — неодушевленный” сочетается с одновременной формализованностью признака “видимый” (Sapir & Swadesh 1964), который также находит обязательное выражение в языке куакиутль (Voas 1964). В русском языке представление эмоциональных состояний (ЭС) связано с существованием особой модальной рамки, рамки “наблюдения”:

Когда мы говорим мне скучно, он обрадовался то здесь ЭС осознается субъектом и интерпретируется с помощью соответствующих предикатов. Говорящего в этих случаях нельзя отождествлять с чувствующим субъектом, он смотрит на него как бы со стороны, даже если речь идет о самонаблюдении. Таким образом, сама структура ЭС, состоящая из субъекта ЭС, предиката ЭС и причины, может быть включена в модальную рамку как бы “второго порядка”, куда входят, эксплицитно или имплицитно, субъект-наблюдатель и предикат наблюдения.

(Вольф 1989: 68 и сл.).

Феноменологическому знанию противостоит другой тип собственно языкового знания — структуральное знание (Goldsmith & Woisetschlaeger 1982). Это знание есть форма категоризации информации, полученной и обработанной не как часть эмпирического опыта индивида, но как обобщающий итог опыта поколений, т. е. оно принадлежит не индивиду, а языковому социуму в целом, поэтому для языкового индивида оно является данным, существующим знанием.

Наглядный пример противопоставления двух типов знания дает сравнение видо-временных форм глагола в английском языке. Утверждения из разряда так называемых “вечных истин” типа *Wood burns well* (‘Дерево хорошо горит’) или *The sun rises in the east* (‘Солнце встает на востоке’), в которых употребляется форма простого времени, сообщают знание, абстрагированное от своего

источника — данная информация существует как бы в готовом виде. Для того, чтобы эта информация была воспринята и усвоена, вовсе не обязательно, чтобы предметы и явления, о которых идет речь, наличествовали в ситуации осуществления высказывания. Если высказывание *The sun rises in the east* осуществляется глубокой ночью, это никак не влияет на его истинность, поскольку формальная организация этого высказывания (простая форма *rise*) указывает на отсутствие привязки описываемой ситуации к какой-то конкретной системе пространственно-временных координат, организованной вокруг определенной точки отсчета. Соответственно, высказывание *The sun rises in the west* (‘Солнце встает на западе’) будет ложным, поскольку противоречит существующему накопленному опыту. Однако если я наблюдаю какое-то странное природное явление и описываю его высказыванием *The sun is rising in the west!*, вопрос об истинности или ложности данного утверждения для меня не может стоять в принципе, так как основу пропозиции здесь составляет мой непосредственный чувственный опыт — указание на это и составляет когнитивное значение сложной формы *Progressive*. Наличие в значении форм прогрессива указания на наблюдателя как субъекта восприятия ситуации, описываемой в высказывании, помещает ситуацию в конкретную систему пространственно-временных координат, точкой отсчета которой является воспринимающий и мыслящий субъект. Важным следствием этого является требование соблюдения принципа эпистемического согласования субъекта и предиката на референциальном уровне, когда определенный характер глагольного референта как правило требует определенной референции субъекта и наоборот: *The paper is burning well; ? Paper is burning well.*

В русском языке феноменологический статус знания закреплен, например, в значении ряда событийных имен, обозначающих природные явления, такие как дождь, снег, гроза и т. п. Некоторое положение вещей категоризируется как предметно-бытийная сущность определенного вида (например, гроза) только в условиях непосредственной чувственной данности описываемого фрагмента мира. Озвученное высказывание *Гроза* истинно в том слу-

чае, если описываемое им положение вещей дано человеку в непосредственном ощущении, т. е. оно наличествует в момент осуществления высказывания, поэтому приписываемый ему предикат — например, глагол движения — также должен указывать на текущее восприятие, исключая возможность несогласованности типов языкового знания, представленных в имени и глаголе, ср.: *Гроза (дождь, снег, град) идет/ *ходит; Волна катит/ *катает; Ручей бежит/ *бегает*. В то же время употребление глагола, значение которого не связано с указанием на текущее наблюдение, влияет на референтную отнесенность имени субъекта, которая в этом случае имеет обобщенный характер: *Дождь бывает мелкий и сильный, короткий и затяжной*. В этой связи вполне правомерным представляется вывод о том, что “точка зрения в данный период развития естественного языка уже задана самим языком и как компонент входит в семантику языка” (Прянишникова 1987:109).

1.3. Источник информации и языковая указательность

Центральное положение эгоцентрической теории языкового употребления заключается в том, что “говорящий... все соотносит со своей точкой зрения” (Lyons 1977: 638; McGinn 1983). Бесспорно, роль психологического субъекта, т. е. говорящего, в осуществлении коммуникативной функции языка велика, но сводить всю сложность понятия “психологический субъект” к одной лишь фигуре говорящего нельзя. Е. В. Падучева (1993) различает у говорящего 4 роли: 1) Говорящий как субъект речи; 2) Говорящий как субъект дейксиса; 3) Говорящий как субъект сознания; 4) Говорящий как наблюдатель (субъект наблюдения) — но все равно это все та же, величественная в своей единственности, фигура говорящего. Отметим, что, логически, эта последовательность ролей носит обратный характер: от восприятия (наблю-

дения) — к сознанию (ибо не может быть сознания без восприятия) и пространственно-временной идентификации элементов воспринимаемой действительности, а уже от них — к речи. При этом язык как система (словарь и грамматика), будучи в момент речи присвоенным говорящим индивидом и отражая поток индивидуального сознания, не утрачивает своей социальной сущности, он продолжает оставаться общим достоянием данного этноса. Тот факт, что он может присваиваться практически любым отдельным представителем этноса, указывает на то, что в языке как системе изначально заложена способность приписывания говорящему различных ролей, т. е. ролевые идентификаторы являются частью когнитивного содержания языкового значения. Игнорирование этого положения может привести к неадекватности анализа при интерпретации семантических аномалий. Так, рассматривая пример *К Мише нас не пустили. *Он был сейчас с дамой*, Е. В. Падучева объясняет возникающее противоречие тем, что *сейчас* выражает одновременность ситуации с моментом речи, а прошедшее время представляет ситуацию как предшествующую этому же моменту (там же, с.38). В действительности же аномалия возникает потому, что *сейчас* указывает на наблюдателя (‘мы’), т. е. пропозитивное содержание второго высказывания представляется как вытекающее из эмпирического опыта наблюдателя (феноменологическое знание), тогда как на самом деле оно дается (сообщается) наблюдателю в готовой форме и не связано с его чувственным опытом².

На семантическом уровне противопоставление феноменологического и структурального знания проявляется в двух принципиально различных типах значения — событийного и фактообразующего (пропозитивного). Различие между этими значениями нередко вуалируется общностью формы, в результате предложение может допускать двоякую интерпретацию, ср.: *Появление в городе канатоходца Тибула не было замечено...* При фактообразующем субъекте предикат приведенного предложения

² Подробнее о когнитивном содержании значения слова *сейчас* см. Кравченко (1990б).

означал бы, что никто не обратил внимания на приезд Тибула (хотя, возможно, некоторые из жителей были свидетелями этого события), так как он не нарушил привычного течения городской жизни. При событийной (процессуальной) интерпретации субъекта предикат должен быть понят в самом прямом смысле: никто из жителей не видел, как Тибул входил в город (Арутюнова 1988: 104).

При формальной невыраженности психологического субъекта в высказывании проблема разведения логического и психологического субъектов не возникает, ср.: *В этот раз он решил подождать* в отличие от *В тот раз он решил подождать*. В подобных случаях отсутствие видимой корреляции между “эгоцентриком” (*этот*) и говорящим (автором высказывания) принято объяснять явлением так называемой “дейктической проекции”, когда подразумевается, что говорящий становится на точку зрения другого лица (Chafe 1976; Levinson 1983; Rauh 1984; Zribi-Hertz 1989). Однако такой подход представляется спорным, так как не совсем ясны мотивы, по которым говорящий предпочитает точку зрения другого лица своей собственной, особенно учитывая присвоение себе говорящим языка в момент речи. Распространенное мнение, что таким образом достигается определенная “живость” повествования, не раскрывает сути проблемы, так как говорящий — тоже живое лицо, и находящийся в его распоряжении большой арсенал средств выражения модальности предоставляет ему широкое поле деятельности в этом отношении.

Можно привести множество примеров, когда те или иные языковые явления не могут быть с достаточной последовательностью объяснены только через их соотнесение с говорящим. Функционирование многих так называемых эгоцентриков (т. е. единиц, значение которых, в соответствии с эгоцентрической теорией, ориентировано на говорящего), в контексте неканонической речевой ситуации не позволяет отождествить точку отсчета осуществляемого ими указания с говорящим. Ярким примером служат явления семантической аномальности в высказываниях от 1-го лица, связанные с разными употреблениями *я* — субъектным и объектным (см. Wittgenstein 1960). Так, в япон-

ском языке, по описанию С. Куроды, в нормальном переводе английского *I am hot* 'Мне жарко' будет употреблена адъективная форма, тогда как при переводе *You are hot* 'Тебе жарко' или *John is hot* 'Джону жарко' будет употреблена глагольная форма слова со значением 'hot'. С другой стороны, если *I am hot* перевести с помощью глагольной формы (которую приблизительно можно сравнить с формой прогрессива в английском), то получится высказывание, отсылающее одновременно к двум видам ЭГО: субъективному, ощущающему, внутреннему ЭГО, и объективному, наблюдающему, внешнему ЭГО (цит. по: Lyons 1982).

Подобное явление отмечается в русском языке в текстах, представляющих собой повествование от 1-го лица и допускающих высказывания с двумя эпистемическими показателями, напр.: *Я затаился, надеюсь, что, может быть, пронесет* (В. Быков). Как отмечает Е. Р. Иоанесян (1989: 120), здесь “мы практически всегда имеем дело с совмещенной точкой зрения, т. е. с одновременным использованием в повествовании двух точек зрения — точки зрения субъекта (= объекта) описания в описываемый момент и точкой зрения субъекта описания в момент описания. Таким образом, в текстах такого рода говорящий (автор) “раздваивается”, выступая одновременно и объектом описания (действующим лицом), и субъектом”. Такое раздвоение часто имеет место и в высказываниях, описывающих эмоциональное состояние субъекта, когда субъект-наблюдатель реализует себя в двух вариантах: как субъект, который как бы идентифицирует себя с субъектом эмоции, его можно назвать квазинаблюдателем, и как собственно наблюдатель, который судит об эмоциях извне, по их проявлениям (Вольф 1989).

Связь семантических аномалий в высказываниях от 1-го лица с фактором наблюдателя прослеживается на примере функционирования глаголов, в семантику которых, помимо основного значения, отражающего тем или иным образом категоризованный способ существования предмета, входит компонент “наблюденность”. В английском языке это глаголы типа *show, lurk, scuttle* и т. п.; их употребление в высказываниях от 1-го лица ведет к аномальности: *A rider showed on the road; *I showed on the road;*

*Someone was lurking in the dark shadow; *I was lurking in the dark shadow.* В подобных случаях аномальность вызывается противоречием между ролью “субъект восприятия”, в которой выступает субъект действия, и признаком “наблюденность”, представленным в значении глагола и отражающим априорную когнитивную категоризованность описываемого события. Ср. также: *He sounds businesslike; *I sound businesslike; She seems tired; *I seem tired* и т. п. Сравнивая предложения *I seem (to be) angry* и *John seems (to be) angry*, из которых первое аномально, а второе нет, М. Льюнг объясняет это явление действием двух эпистемологических принципов (ЭП) и разговорного постулата (РП):

ЭП I: Говорящие часто ошибаются, особенно когда говорят о мыслях и чувствах других. ЭП II: Говорящие никогда не ошибаются относительно своих собственных мыслей. РП I: Если ясно, что у говорящего должны быть все основания, необходимые для того, чтобы сделать высоко ассертивное утверждение, то он не может использовать сигнализатор слабости оснований. В более простой форме РП I сводится к следующему: “Не говори меньше, чем знаешь”.

(Ljung 1980:52 ff; см. также Linville & Ring 1991).

Аналогичные явления наблюдаются в русском языке: высказывание **Я показался на дороге в тот самый момент* аномально, тогда как *Они видели (сказали), что я показался на дороге в тот самый момент* нормально (Падучева, Зализняк 1982). Эта же особенность характерна для таких глаголов, как *маячить, виднеться, желтеть, зеленеть, темнеть* и т. п. Фразы типа *Только тело Ивана белело в темноте* вполне правильны, а фразы типа *Только мое тело белело в темноте* в высшей степени сомнительны (Апресян 1986).

Указание на источник информации о положении дел, описываемом в высказывании, проявляется в наличии постоянного пресуппозиционного фона типа *Я (он, она) чувствую, вижу, ощущаю, слышу* и т. п. в случаях тематизации неодушевленного существительного в винит. падеже со значением места в предложе-

ниях, имеющих каузативный глагол с семой движения. Субъект наблюдения может быть не назван, но он обязательно имплицитно присутствует в высказывании, например: *Мое лицо заливаает краска смущения; Костя видит, как глаза ребяташек горят живым пониманием, как жадно они слушают рассказчика-военкома, — глаза Костины охватывает туман* (Лазуткина 1994: 60).

Вопрос о соотношении говорящего и другого лица как источника содержащейся в высказывании информации возникает при исследовании смысловых особенностей так называемой свободной косвенной речи, например, *Он сказал, что мой акцент напоминает ему о тебе.* Из данного высказывания неясно, что же именно сказал “он” — либо *Твой акцент напоминает мне X.*, либо что-нибудь вроде *Ты говоришь так же чудно, как X.* Следовательно, логично предположить, что в косвенной речи говорящий (автор всего высказывания) ответственен за все входящие в него элементы, включая оценочные слова типа придурковатый, как, например, в предложении *Гарри сказал, что его придурковатый брат приезжает в город* — что обычно и делают. Однако Дж. Маккай ставит под сомнение правомерность такого объяснения. По данным проведенного ею опроса, слово *придурковатый* в приведенном предложении, предъявленном вне контекста, большинство испытуемых интерпретировали как ориентированное на Гарри. Определение того, чья точка зрения отражается в высказывании с косвенной речью (автора всего высказывания или включенного говорящего), зависит от многих факторов — не только контекстуальных и языковых переменных. Слушающий должен учитывать характер отношений, существующих между тем, кто говорит, и тем, кто передает его слова в косвенной речи, надежность лица, передающего чужую речь, их отношение к описываемой ситуации и т. д. Тем не менее, даже в художественном произведении, где зачастую косвенная речь не имеет antecedента в виде прямой речи и, казалось бы, не позволяет разрешить вопрос об источнике информации, интерпретация таких высказываний больше склоняется в сторону приписывания со-

общаемой информации не автору всего высказывания, а другому лицу (McKay 1978).

Семантическая нормальность и возможная интерпретация высказываний определяются характером взаимодействия двух факторов — говорящего и наблюдателя, при этом наблюдатель не всегда совпадает с говорящим. В литературе в таких случаях принято говорить о “расщепленном” Я (см. напр.: Бахтин 1979; Ильин 1992). Говорящий, сообщая в высказывании какую-то информацию, оперирует языковым знанием, полученным на двух уровнях когнитивной категоризации: на феноменологическом уровне (уровне компетенции наблюдателя) и на структуральном уровне (уровне компетенции говорящего). В языке существуют такие единицы, в значении которых закреплён феноменологический статус когнитивной категоризованности предметов, явлений, событий — в противном случае самое существование общего фонда знаний оказалось бы в прямой зависимости от когнитивной деятельности отдельного индивида, т. е. говорящего. Социальная природа языка как средства коммуникации как раз обусловлена практически бесконечным множеством актов первичной когнитивной деятельности, получающих различное преломление в его системе. Абсолютизация роли говорящего ведет к признанию фактора непредсказуемости и, следовательно, к отрицанию самой системы.

Глава 2

ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

2.1. Истоки языкового локализма

Сопоставление данных различных языков указывает на то, что важнейшей характерной чертой языка является *локализм*, который определяется как

тенденция в период первоначального этапа существования человеческой речи выражать в терминах места и пространства любые отношения, которые в дальнейшем могут развиваться в более тонкие различия грамматических категорий, таких, как падеж, время, наклонение и т. д. [...] Локализм, по-видимому, является одной из важнейших составляющих человеческой речи вообще, в какой бы части земли или в какой бы специфической форме морфологического или структурного порядка он себя не обнаруживал

(Blok 1955: 383 ff).

Описание языка с этих позиций известно как *пространственная* или *локалистская* грамматика (D. & K. Henry 1969; J. Anderson 1973; Hymes 1975; Svorou 1994; Крейдлин 1994).

Чем объясняется та важная роль, которую пространственные понятия и отношения играют в естественном языке? В чем заключаются истоки языкового локализма? Нельзя дать ответы на эти вопросы вне когнитивной парадигмы языкового анализа. Такой анализ должен исходить из учета особенностей формирования и представления знаний в языке, из того, каким образом реальность преломляется и отражается в языковом сознании человеческого социума. Это предполагает обращение к феноменологии восприятия, ибо восприятие есть тот фундамент познаватель-

ной деятельности человека (см. Ананьев, Ломов 1959), на котором строятся все существующие системы знаний: “Проблема восприятия должна быть поставлена и разработана как проблема психологии образа мира” (Леонтьев 1982: 37).

Главным каналом поступления информации о мире является зрительное восприятие. Доминантность зрительной системы определяется также тем, что она играет роль внутреннего канала связи между всеми анализаторными системами и является функциональным органом — преобразователем сигналов. Зрительная система обладает способностью превращать незримое в зримое, визуализировать любые чувственные сигналы (кинестетические, вкусовые, обонятельные, вестибулярные, внутриорганические) (Ананьев 1982; см. также Ryle 1954). Поэтому роль наблюдения в познании исключительно велика.

Пропозициональное содержание любого высказывания в прототипическом случае базируется на чувственном опыте — говорим ли мы *Вот собака*, или *Дождь идет*, или *Урожай в этом году обещает быть хорошим*. С помощью языка мы можем описать практически бесконечное множество предметов, явлений, событий и отношений, наблюдаемых в нашей повседневной деятельности. Однако установлено, что процесс восприятия и обработки зрительной информации человеческим мозгом связан с функционированием двух модулей зрительной перцепции: один обеспечивает восприятие предметов, другой — восприятие мест (Vaina 1990). **Предмет** и **место** — эти два вида объективной реальности даны человеку в ощущениях, и на них строится все здание концептуальной картины мира, представленной в языке как знаковой (репрезентативной) системе.

Обыденное, тривиальное понимание предмета как материального явления, вещи отражает зафиксированную в языковой системе концептуализацию некоторого обобщенного зрительного образа как элемента воспринимаемой и членимой на сущности действительности. Материя действительна, действительность — материальна. Всякая сущность, воспринимаемая посредством органов чувств, материальна, и только материальные сущности

способны выступать в качестве объектов восприятия. Пространство есть форма существования материи, следовательно восприятие и концептуализация любой материальной сущности невозможны без определения ее пространственной природы как необходимого условия бытийности. Известное положение о том, что “бытие определяет сознание”, можно понимать в том смысле, что концептуальная картина мира, отраженная в системе естественного языка, имеет гносеологические корни в определенных когнитивных структурах, порождаемых пространственным опытом. Этот опыт составляет основу всякого феноменологического знания — знания, порождаемого на уровне индивидуального взаимодействия человека с окружающим миром. Это взаимодействие всегда протекает в системе некоторых пространственных координат, точкой отсчета которой является человек — субъект восприятия, сознания, действия и познания.

2.2. Трехмерность пространства в языковом отражении

2.2.1. Иерархия пространственных измерений

Пространство как сфера бытия, познаваемого человеком через ощущения, характеризуется трехмерностью. Трехмерность пространства как объективное свойство действительности, в свою очередь, есть отражение когнитивных механизмов, лежащих в основе восприятия и познания мира человеком. В той мере, в какой это касается естественного языка, мир без человека не имеет измерений — точнее, мир существует только в человеческом измерении, ибо точкой отсчета и мерой всего, в конечном итоге, является человек. На эту особенность восприятия и познания действительности обращал внимание Э. Гуссерль:

К сфере феноменологического данного принадлежит сознание пространства (Raumbewußtsein), т. е. переживание, в котором интуитивное постижение пространства (Raumanschauung) осуществляет себя как восприятие и фантазия. Если мы открываем глаза, то мы смотрим в объективное пространство — это означает (как показывает рефлектирующее наблюдение): мы имеем визуальные содержания ощущений, которые фундируют явление пространства и явление определенных, так-то и так-то пространственно расположенных вещей. Если мы абстрагируемся от любого трансцендирующего толкования и сведем явление восприятия (Wahrnehmungsercheinung) к первично данным содержаниям, то они дают континуум поля зрения, который есть нечто квази-пространственное, но не является, скажем, пространством или плоской поверхностью в пространстве. Грубо говоря, этот континуум есть двойственное непрерывное многообразие. Мы обнаруживаем там такие отношения как одно рядом с другим, одно над другим, одно внутри другого, замкнутые линии, которые полностью отграничивают часть поля и т. д. Но они не являются объективно пространственными отношениями. Не имеет вовсе смысла, например, говорить, что точка зрительного поля отдалена здесь на один метр от угла этого стола, или находится рядом, или над ним.

(Гуссерль 1994, т. I, с. 7).

Базовые пространственные понятия — осевые горизонтальные измерения “перед - зад”, “право - лево” и осевое вертикальное измерение “верх - низ”, а также понятие “вмещенности” — в большинстве языков мира носят ярко выраженный антропоморфный характер (Svorou 1994; Ли Тоан Тханг 1993). Концептуализация и языковая категоризация именно этих, а не других, теоретически возможных, координатных осей обусловлены самими условиями осознанного бытия человека.

Главным пространственным измерением в языке является вертикаль. Понятие “горизонталь” включает в себя два измерения: асимметричное “перед - зад” и симметричное “право - лево”, при этом первое является более значимым, чем второе. Другими словами, с точки зрения языка между координатными осями пространства существует следующая иерархия: 1) вертикаль, 2) горизонталь по оси “перед - зад”, или фронтальная горизонталь,

3) горизонталь по оси “право - лево”, или латеральная горизонталь. Подобная иерархия может показаться немотивированной на первый взгляд, так как в сфере объективных пространственно-предметных связей и отношений нет ничего, что указывало бы на бóльшую значимость одного измерения по сравнению с другими — более того, самый вопрос о значимости того или иного измерения вне его соотношения с человеком не имеет смысла.

Главенство вертикального измерения, нередко получающего в языке двойную маркировку (Рузин 1994: 90), отражает характерную для человека пространственную ориентированность его тела в нормальных условиях, т. е. в положении стоя, которое можно назвать “каноническим положением” (H. Clark 1973). Благодаря особенностям анатомического строения (в частности, расположению органов чувств), восприятие и концептуализация холистической предметной сущности “человеческое тело” направлено по оси “верх - низ”, поэтому человеческому телу “вертикальность” присуща как изначальное свойство, составляющее когнитивную сторону предметной сущности. Но поскольку в своей когнитивной деятельности человек является, по меткому выражению Протагора, “мерой всех вещей”, наложение такой пространственной структуры на любой предмет является первым естественным шагом в отождествлении и категоризации его именно как предметной сущности. Когда в высказывании моделируется когнитивная ситуация, мы говорим *В конце улицы стояло высокое квадратное (но не *квадратное высокое) здание; У входа в зал он заметил высокую стройную (но не *стройную высокую) девушку* и т. п., т. е. признак предмета, связанный с измерением по вертикали, является для нас более значимым, чем признаки, связанные с другими измерениями, что и проявляется в линейной последовательности имен признаков. Более высокая значимость фронтальной оси по сравнению с латеральной также объясняется особенностями восприятия мира и взаимодействием с ним человека: в канонических условиях движение человека в пространстве осуществляется по оси, совпадающей с осью направления взгляда, поскольку возможность и безопасность пере-

движения в пространстве находятся в прямой зависимости от объема поступающей визуальной информации.

В процессе языковой категоризации предметов как трехмерных областей пространства, обладающих объемом, абстрагирование от одного или нескольких измерений отражает особенности человеческого восприятия — в частности, зрительной перцепции. Собственно зрительный образ, отражаемый глазной сетчаткой, двухмерен, подобно зеркальному отображению он складывается из точек, образующих линии и плоскости. Трехмерность пространства как свойство его организации оформляется в когнитивный концепт в результате совокупного опыта, приобретаемого человеком в ходе его взаимодействия с окружающим миром.

2.2.2. Два типа пространственной категоризации

Объективно (т. е. в научной картине мира), всякая материальная сущность, данная человеку в восприятии, должна иметь длину, ширину и высоту (глубину), или объем. Вместе с тем в языке многие предметы представлены как двухмерные, одномерные, либо как вообще не обладающие ни одним из измерений, т. е. они концептуализируются как идеальные плоскости, линии и точки, ср. рус. *дорога* в предметном значении: *на дороге, вдоль дороги, по дороге, поперек дороги*, но **в дороге* ('внутри дороги'), **из дороги* ('изнутри дороги'). В русской языковой картине мира предмет "дорога" — это плоскость, в отличие, например, от трехмерного предмета "река": *вдоль реки, по реке, поперек реки, в реке, из реки*. Примером линейной концептуализации предметной сущности (имеются в виду тривиальные употребления имен) является *молния*, точечной — *звезда, искра, огонек* и т. п. Для ряда предметных понятий характерно отсутствие дифференциации по двум из трех измерений, что обусловлено параметрическим еди-

нообразием (симметрией) двух измерений предмета в одной плоскости. В таких случаях мы имеем дело с совокупным измерением, напр. "толстый/тонкий": *толстый карандаш, тонкий волос* и т. п., но не **толстый стол* или **тонкий стул*.

Разные способы концептуализации предметов связаны с двумя "взглядами" на мир, с тем, как человек видит мир пространственных свойств и отношений. В одном случае этот взгляд отражает то, что говорит человеку его совокупный чувственный опыт (т. е. чувственно-наглядное восприятие и представление предмета), в другом случае мы имеем дело с логической абстракцией, связанной с выделением топологических признаков "мерных" предметов, или геометрической концептуализацией. Дифференциация пространственных отношений на основе непосредственного восприятия предполагает чувственную систему отсчета, для которой важны такие понятия, как "верх - низ", "перед - зад", "право - лево" (подробнее об этом речь пойдет в разделе, посвященном предметной асимметрии и понятию нормы). Наоборот, геометризация пространства предполагает логическую классификацию предметов на обобщенном уровне различий по измерениям, когда предметы делятся на одномерные, двухмерные и трехмерные.

Геометрическое отображение пространства заключается в создании проективных структур предметов — точек, линий, плоскостей и объемов, отношения между которыми выражаются чаще всего посредством системы пространственных предлогов. Предлог служит показателем отношений между предметами, один из которых ориентируется (локализуется) относительно другого, при этом выбор предлога зависит от того, к каким топологическим классам относятся предметы-участники пространственного отношения. Один и тот же физический объект может восприниматься по-разному в зависимости от нашего "топологического взгляда" на него. Например, ящик рассматривается нами а) как точка в пространстве в ситуации, описываемой высказыванием: *Ящик стоит недалеко от стенки*; б) как какая-то поверхность (плоскость): *Он сидел на ящичке*; в) как закрытое пространство: *Яблоко лежит в ящичке* (Ли Тоан Тханг 1993:67; см. также Кульпина 1985).

Рассмотрим возможные виды пространственных характеристик такого предмета, как забор. С точки зрения объективных пространственных отношений предмет “забор” есть трехмерное тело, обладающее высотой, длиной и толщиной: *высокий (длинный, толстый) забор*, однако в различных языковых выражениях он может представлять как член разных топологических классов.

I. *На месте богатой когда-то усадьбы стоял лишь покосившийся обгоревший забор.* В данном случае забор концептуализируется как некоторая точка на плоскости (‘в таком-то месте находится такой-то предмет’), и то, что он является “мерным” предметом, в коммуникативном плане несущественно.

II. *Лаз под забором, тропинка вдоль забора, велосипед у забора/за забором, сад за забором* и т. п. В приведенных фразах забор выступает в роли линии-ориентира, относительно которой характеризуется пространственное положение ориентируемого предмета. Линейная концептуализация предмета “забор” обусловлена его функциональным предназначением, которое заключается в проведении или установлении границ какой-то территории (плоскости) с целью предотвращения возможности пересечения обозначенной таким образом линии.

Вместе с тем, выбор того или иного предлога связан с чувственной системой отсчета, отправной точкой которой является местоположение наблюдателя: *велосипед у забора* — велосипед ближе к наблюдателю по фронтальной оси, чем забор; *велосипед за забором* — забор ближе к наблюдателю, чем велосипед. Фраза *тропинка вдоль забора* сама по себе не содержит указания на то, с какой стороны обозначенной забором линии проходит тропинка, однако в тривиальных употреблениях ее смысл сводится к тому, что тропинка находится с внешней стороны ограниченного забором пространства, и с этой же стороны находится наблюдатель. Такая интерпретация локативного выражения обусловлена совокупным опытом, который говорит, что а) нельзя наблюдать то, что находится по другую сторону забора в непосредственной близости от него, б) забор устанавливается для недопущения пе-

рехода через некоторую границу, поэтому если люди встречают забор на своем пути, они вынуждены идти вдоль него, пока забор не кончится, обходя ограниченную забором территорию. Таким образом, в подобных предложных фразах отражается как чувственно-наглядное, так и геометризованное представление предметно-пространственных отношений, причем последнее исходит из принципа функциональной утилитарности.

III. *Дыра в заборе, листовка на заборе, надпись через весь забор, доска поперек забора* и т. п. В данных примерах забор рассматривается как плоский предмет, обладающий двумя измерениями (топологическая характеристика), а его функциональное назначение нерелевантно. Благодаря этому смысловое содержание подобных выражений не зависит от канонической (вертикальной) ориентации предмета “забор” — оно сохраняется и в случае, если забор повален (например, ураганом) и лежит на земле, чего нельзя сказать о примерах 2-й группы.

IV. *Птицы на заборе* — забор концептуализируется как трехмерный вертикальный предмет, верхняя часть которого предстает как горизонтально ориентированная плоскость. Отметим, что для реализации этого смысла важна именно вертикальная ориентация забора: *На заборе сидели птицы* не может быть истолковано в этом плане, если забор лежит на земле; в таком случае уместно предложение типа *На поваленном заборе сидели птицы*, которое будет относиться к примерам 3-й группы (забор как идеальная плоскость).

Топологическая классификация предметов при выражении статичных пространственных отношений накладывает определенные ограничения на выбор ориентира при отнесенности предметов, получающих ту или иную пространственную квалификацию, к разным топологическим классам. Так, точка не может, как правило, выступать в роли ориентира для предмета, концептуализированного как линия, плоскость или объем; соответственно, линия не может служить ориентиром для плоскости или

объема, а плоскость — ориентиром для объема. Так, если объемный предмет (напр., дом) ориентируется относительно линейного предмета (напр., дорога), то в языковом выражении ориентируемый предмет предстает в виде проективной точки: *Дом стоял у самой дороги*. Наоборот, в высказывании *Дорога лежала у самого дома* линейный предмет “дорога” отвлекается от свойственного ему измерения “длины” и рассматривается как точка (т. е. ‘ближайший к дому участок дороги’) — рис. 2.

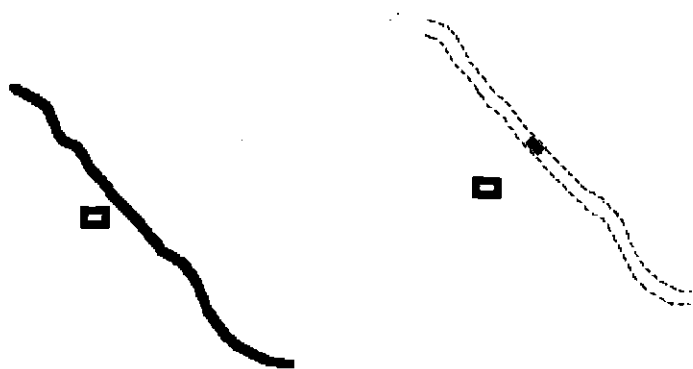

Рис. 2. “Дом у дороги” и “дорога у дома”

2.2.3. Когнитивные основания пространственных концептов

Концептуальная структура пространства, отраженная в естественном языке, не исчерпывается названной системой относительно простых понятий. Так, мы говорим *толстая/ый* (но не

**высокая/ий*) *книга/кирпич*, *высокий* (но не **толстый*) *дом*, *дерево* может быть и *высоким*, и *длинным*, *телевизор* может быть *большим* или *маленьким*, но вряд ли *высоким*, *широким*, *длинным* или *толстым* и т. д. Сочетаемостные ограничения прилагательных-имен признаков, связанных с осевыми измерениями, зачастую бывает трудно объяснить, ср.: *толстый/тонкий нос*, *толстые/тонкие губы*, *толстые/ ?тонкие уши*, *толстые/*тонкие щеки*. Словарные дефиниции соответствующих прилагательных здесь не помогают. Например, *толстый* имеет толкование ‘большой в обхвате, поперечнике’, *тонкий* — ‘небольшой в обхвате, поперечнике’; *поперечник* имеет определение ‘размер в ширину, диаметр’, а *ширина* — ‘наименьшее измерение в плоскости’. Методом подстановки получаем следующее толкование: (*тонкий*)/*толстый* — ‘(не)большой в наименьшем измерении в плоскости’. Формулы “большой в наименьшем измерении” и “небольшой в наименьшем измерении” вряд ли можно признать толкованиями в собственном смысле слова, поскольку один относительный признак характеризуется через другой, антонимически противопоставленный относительный же признак (вспомним о порочном круге, о котором говорит Х.-Г. Гадамер). И все-таки, почему щеки могут быть *толстыми*, но, как правило, не бывают *тонкими*?

Рис. 3. Геометрические оси симметрии предметов “губы” и “нос”

Относительность значения этих прилагательных предполагает наличие точки отсчета, каковой является такая величина соответствующего горизонтального измерения, которая отождествляется с нормой. В случае предметов-частей тела такой нормой является наиболее часто встречающаяся (средне-статистическая) величина, отклонения от которой возможны как в ту, так и в другую сторону. Отметим, что оба вида отклонений регистрируются зрительно как занимаемые предметом области пространства, либо не достигающие, либо превосходящие размерами область пространства, ассоциируемую с нормальными размерами предмета; при этом отсчет во всех случаях идет от некоторой воображаемой оси, делящей предмет на две более или менее симметричные части, обращенные к наблюдателю (рис. 3).

В случае продолговатых предметов ось симметрии, относительно которой определяется соотношение между наименьшим измерением в плоскости и нормой, совпадает с осью наибольшего измерения, поэтому любая часть тела, имеющая отчетливо выраженную продолговатую форму, может быть тонкой или толстой (рука, нога, палец и т. п.). Наоборот, щека, например, не может быть охарактеризована как предмет продолговатой формы; более того, сама категоризация предмета “щека” связана с выделением области пространства как части условной плоскости, образующей одну из сторон предмета “лицо”. Эта плоскость и является той точкой отсчета, отклонения от которой в ту или иную сторону позволяют давать признаковую характеристику составных частей этой плоскости, категоризованных как предметные сущности. Поскольку точкой отсчета является условная плоскость, а не линия, наблюдаемое отклонение от нормы в положительную сторону (в сторону увеличения наименьшего измерения, равного нулю), позволяет рассматривать щеку не как плоскость, но как предмет, обладающий объемом, поэтому можно сказать, что она *толстая*. Отклонение в отрицательную сторону связано не с уменьшением величины исходного измерения (от нуля к отрицательным значениям), а с наблюдаемым несопадением плоскости “щека” с плоскостью “лицо”, поэтому вместо *тонкие щеки* мы говорим *впалые щеки, ввалившиеся щеки*.

Рассмотренные примеры дают представление о двух основных типах предметов, которые могут характеризоваться как тонкие или толстые: это предметы, концептуализируемые как линии — напр., бревно, карандаш, игла, колбаса и т. п., — и предметы, концептуализируемые как плоскости, напр., стекло, стена, доска, книга и т. п. Здесь возникает вопрос о норме, служащей исходной точкой при надении предмету соответствующим признаком, поскольку тонкое бревно всегда будет толще самого толстого карандаша, а толстый лист бумаги всегда тоньше листа тонкого стекла. Очевидно, что критерии нормы в разных случаях различны. Для многих линейных предметов, особенно артефактов, норма определяется удобством манипуляции этими предметами человеком — на это, в частности, указывает словарная дефиниция “(не)большой в обхвате”. Для линейных предметов-натурфактов (дерево, волос, сосулька) нормой чаще всего является некоторая среднестатистическая величина. Для плоских предметов-артефактов (стена, доска, бумага) норма чаще определяется условиями функциональной утилитарности, хотя среднестатистический показатель также может иметь значение в случае таких предметов, как книга, журнал и т. п.

Говоря о предметах, концептуализируемых в языке как плоскости, нужно учитывать, что такая концептуализация основывается на информации о предмете, поступающей в виде чувственных данных. Объем информации о предмете, данной человеку в ощущениях, может быть различным. Область пространства, концептуализируемая как плоскость и категоризуемая как тот или иной предмет, может быть доступной зрительному восприятию во всех трех измерениях — напр., *стена, книга*; в таких случаях предмет может характеризоваться как *толстый* или *тонкий*. Однако в ряде случаев предметы категоризуются как плоскости, обладающие двумя измерениями (третье измерение отсутствует или физически недоступно зрительному восприятию) — напр., *равнина, дорога, озеро*, про которые можно сказать, что они широкие или длинные, но нельзя сказать, что они толстые или тонкие. Объективно существующее третье измерение таких предметов, как озеро, категоризуется через понятие “(не)глубокий”, связан-

ное с измерением по вертикали и отражающее совокупный чувственный опыт, возникающий, как правило, в результате перемещения в пространстве наблюдателя или какого-либо предмета от точки отсчета, в роли которой выступает предмет-плоскость, по вектору, обращенному от наблюдателя. В таких случаях, согласно Дж. Гибсону (1988), поверхность противостоит вертикальной оси и, деля ее пополам, выступает системой отсчета. Если такое перемещение в пространстве невозможно, предмет категоризируется в языке как идеальная (двухмерная) плоскость, напр., *дорога, равнина* и т. п.: *длинная (широкая) / *толстая (*глубокая) дорога*

Разнообразие концептуальной репрезентации понятий характерно также для глаголов со значением пространственной ориентации предмета типа *стоять* ('находиться в вертикальном положении'), *лежать* ('находиться на поверхности чего-л. в горизонтальном положении'), *сидеть* ('находиться в положении, при котором туловище опирается на что-н. нижней своей частью, а ноги согнуты или вытянуты.'): объективно одинаковое положение предметов приблизительно одной формы и сопоставимых по размеру может описываться по-разному. Так, мы говорим *Шкатулка стоит на столе*, но *Кирпич лежит на столе*, хотя если кирпич поместить так, чтобы наибольшее из его измерений совпадало с вертикалью, мы скажем *Кирпич стоит*, но не *лежит*. Предметы посуды — тарелки, блюда, сковороды и т. д. — *стоят*, хотя условно вертикальное измерение у них может быть наименьшим из трех, тогда как яблоко или помидор всегда *лежат* независимо от размера. Булка хлеба, напоминающая формой кирпич, *лежит на столе* и в случае, когда наибольшее из измерений совпадает с горизонталью, и тогда, когда оно совпадает с вертикалью. Для носителя русского языка предложение **На столе стояла мышь* явно аномально по сравнению с предложением *На столе сидела мышь*, тогда как кошка может и *сидеть*, и *стоять*. Курица может *сидеть* или *стоять*, а голубь, как правило, *сидит* и т. д. Очевидно, приводимые в словарях толкования неадекватно отражают концепты, зафиксированные в семантике таких слов, так как не учитывают определенные когнитивные

структуры (фреймы), порождаемые опытом и участвующие в формировании языкового значения.

Важнейшим фактором в формировании пространственных концептов является характер восприятия человеком предметов окружающей действительности, которые классифицируются по таким признакам, как размерная сопоставимость, подвижность/неподвижность, отношение к норме и т. п. (Herskovits 1985, 1986, 1988; Carlson-Radvansky & Irwin 1993). Нахождение шкатулки на столе при определенных условиях соответствует нормальному положению вещей, элементом которого является критерий сохранения стабильности ситуации (постоянное нахождение шкатулки в данном месте, т. е. ее неподвижность). Наоборот, кирпич на столе — явное отклонение от нормы, которая определяется опытом, поэтому данная пространственная ситуация воспринимается как нестабильная, временная, при этом кирпич наделяется имплицитным признаком подвижности. Такие предметы, как тарелка или блюдо, характеризуются внутренней асимметрией по вертикальной оси (они имеют дно, или глубину как емкости). Эта асимметрия обусловлена функциональным назначением предмета и характером взаимодействия с ним человека: процесс наполнения или опустошения емкости представляет собой перемещение вещества в пространстве по векторам, совпадающим, в прототипическом случае, с вертикалью. Характер взаимодействия человека с такими предметами, как яблоко или помидор, не связан с требованием того, чтобы эти предметы в момент их использования имели какую-то специфическую пространственную ориентацию в системе координатных осей, хотя они также обладают структурной асимметрией по вертикальной оси (верхняя и нижняя части): для большинства людей не имеет никакого значения, с какой стороны они начинают есть тот или иной плод. Для человека назначение многих плодов и других съедобных предметов состоит в том, чтобы быть съеденными, поэтому в большинстве случаев присущая им структурная асимметрия по вертикальной оси с точки зрения человека не является существенным (бытийным) признаком предмета, что и находит отражение в языке. Именно этим объясняется то, что булка хлеба всегда *лежит* на

столе независимо от своей относительной пространственной ориентации.

Тот факт, что в значении глаголов *стоять*, *лежать* закреплены определенные когнитивные структуры, отражающие опыт взаимодействия человека с окружающим миром, находит выражение в различных смысловых интерпретациях высказываний с этими предикатами. Так, в высказывании *На столе лежал арбуз* говорится о том, что предмет “арбуз” находился в определенном пространственном отношении с предметом “стол” и не более. Замена предиката *лежал* на предикат *стоял* — *На столе стоял арбуз* — ведет к возникновению дополнительного смысла: ‘предмет “арбуз” помещен на предмет “стол” с целью быть съеденным’. Возникновение этого смысла связано с тем, что употребление предиката *стоял* указывает на наличие у предмета “арбуз” признаков пространственно-ориентационного характера, составляющих эпистемическую основу концепта, категоризируемого в семантике глагола. В данном случае таких признаков может быть два: значимость возникающей вертикальной оси (“верх - низ”), обусловленная характером воздействия человека на арбуз (арбуз начинают есть сверху вниз, а не слева направо или сзади и вперед) и относительной неподвижностью арбуза в процессе его поедания. Кроме того, употребление предиката *стоял* может быть обусловлено и метонимическим переносом в случае, если арбуз помещен на блюдо — ср. также *На столе лежали/стояли фрукты*.

Употребление глаголов *стоять* и *сидеть* с именами животных тоже отражает особенности восприятия и концептуализации предметов и их существенных признаков в терминах пространственной ориентированности по вертикальной оси. Как следует из словарного толкования значения глагола *сидеть*, одним из главных условий его употребления является выделимость структурной части предмета как средства его передвижения и опоры; при этом опорно-двигательный аппарат животного как частная предметная сущность должен отвечать двум условиям: а) структурная выделимость в тривиальной ситуации восприятия, б) ориентированность по вертикальной оси. Про морского ежа нельзя ска-

зать, что он идет или стоит; тюлени и другие ластоногие (а также черепахи, раки, различные насекомые и т. п.) не ходят, а ползают потому, что их двигательный аппарат либо не концептуализируется как опора, либо структурно не выделяется в тривиальной ситуации восприятия (конечности большинства насекомых можно разглядеть лишь в непосредственной близости). По этой же причине мы говорим про мышей, что они ползают, но не ходят, сидят, но не стоят, так как особенности их передвижения и размерная сопоставимость опорно-двигательного аппарата с телом животного таковы, что их опорно-двигательный аппарат не воспринимается как четко выделяемая структурная область предмета, ориентированная по вертикальной оси. Как следствие этого, высказывание *На столе лежала мышь* скорее всего будет интерпретировано в том смысле, что мышь мертва. Аналогичным образом, курица (а также журавль, цапля, страус и т. п.) может стоять или сидеть, тогда как про большинство летающих пернатых — даже крупных по размеру — мы говорим, что они сидят.

Итак, *стоят* обычно следующие предметы: а) неживые натурфакты и подвижные и неподвижные артефакты, имеющие отчетливую вертикальную ориентацию (*дерево, гора, мачта, башня, зонтик, метла*), б) артефакты, неподвижные в нормальных условиях (которые определяются прагматически направленной деятельностью человека), при этом относительная величина вертикального измерения не играет существенной роли (*дом, стол, печельница*), в) мобильные артефакты, нормальное использование которых связано с их перемещением в пространстве (*автомобиль, поезд, велосипед*); если относительная пространственная ориентация таких предметов меняется, и вертикальная в норме ось предмета совпадает с горизонталью, мы говорим про них что они *лежат*, напр., *У обочины дороги лежал/а велосипед/машина*. Ср. также: *На столе лежали тарелки* (= ‘вверх дном’), г) животные, восприятие которых связано с вычленением вертикально ориентированной структурной части предмета, выполняющей функцию опоры (ноги, лапы). Глагол *лежать* употребляется с именами следующих предметов: а) неживых неподвижных и подвижных натурфактов, имеющих отчетливую гори-

зонтальную ориентацию (*дорога, река, поле, равнина, бревно, палка*), б) неживых натурфактов и артефактов, не имеющих горизонтальной ориентации, для которых состояние неподвижности в нормальных условиях не является стабильным признаком (*камень, куча [песка, камней], мяч, кошелек* и т. п.), в) подвижных артефактов и животных, дистинктивным предметным признаком которых является максимальное преобладание одного из линейных измерений над другими, когда пространственная ориентация оси этого измерения совпадает с горизонталью (*палка, веревка, карандаш, тюлень, змея*), г) животных с относительно длинными ногами (лапами).

2.3. Истоки предметной асимметрии и норма

В соответствии с существующей точкой зрения на природу пространственных понятий в естественном языке, горизонтальные оси системы координат трехмерного пространства определяются внутренней асимметрией объектов реального мира (Апресян 1980; Иоанесян 1984). При этом выделяются три вида асимметрии: 1) асимметрия как исконное свойство внутренней структуры данного объекта, или абсолютная ориентация, основанная на понятии нормы (напр., стул vs. табурет), 2) асимметрия, не связанная с внутренним устройством объектов, или относительная ориентация (напр., электричка), 3) асимметрия, основанная исключительно на положении говорящего в пространстве относительно квалифицируемого предмета. В последнем случае имеются две возможности: а) говорящий может приписывать объекту свою ориентацию по оси “перед - зад”, б) говорящий может рассматривать объект как обращенный передней частью к себе. Эти две возможности получили название эго-совмещенной (ego-aligned) и эго-обращенной (ego-facing) стратегий (Hill 1975).

Такая классификация видов асимметрии оставляет открытыми два вопроса: о природе асимметрии вообще и о понятии нормы, определяющей ту или иную пространственную квалификацию объекта. Все объекты реального мира делятся на два класса: естественные объекты (натурфакты) и артефакты, при этом в классе натурфактов выделяется четкая концептуальная сфера “Живое” (Schwartz 1979; Keil 1986; Gelman 1988; Atran 1989). Для естественных неживых объектов (гора, овраг, камень и т. п.) вопрос об асимметрии как исконном свойстве их внутренней структуры не стоит. Фразы типа *передняя часть дерева* или *задняя часть горы* вне конкретной ситуации не имеют смысла, так как асимметрия натурфактов определяется их относительной ориентацией, учитывающей местоположение наблюдателя. Асимметрия не является также исконным свойством артефактов, для которых характерно параметрическое единообразие в горизонтальной плоскости — таких, как мяч, табурет, банка и т. п., что на языковом уровне проявляется в отсутствии дифференцированной квалификации таких предметов по горизонтальным измерениям (**широкий мяч, *длинный табурет*). Сопоставление второго и третьего видов асимметрии (относительная ориентация и ориентация в соответствии с эго-совмещенной и эго-обращенной стратегий) показывает, что между ними нет принципиальной разницы, так как точкой отсчета в обоих случаях является наблюдатель.

При выборе одной из двух возможных стратегий действуют определенные ограничения, связанные с особенностями восприятия. Например, выбор предлога *перед* при описании взаимного расположения двух объектов на одной горизонтальной оси зависит от их размерной сопоставимости. Описывая одну и ту же ситуацию, можно сказать *Бутылка находится перед банкой*, т. е. “бутылка ближе ко мне” (эго-обращенная стратегия) и *Банка находится перед бутылкой*, т. е. “банка дальше от меня” (эго-совмещенная стратегия), но нельзя сказать **Дерево находится перед банкой*, хотя можно *Банка находится перед деревом*. Однако если одним из квалифицируемых предметов, пусть даже меньшим по размеру, является человек, возможны оба варианта:

Он стоял (прямо) перед горой; Гора стояла (прямо) перед ним. Предложение типа *Гора стояла прямо перед домом* также возможно, но только потому, что оно имплицитно антропоцентрично, так как подразумевается, что гора находится со стороны фасада (лицевой части) дома, через окна и двери которого человек может эту гору наблюдать. Если гора находится с другой стороны дома, уместным будет предложение *Гора стояла прямо за домом*.

Все артефакты, внутренней структуре которых свойственна асимметрия, являются продуктами прагматически направленной деятельности и призваны удовлетворять определенным потребностям человека. Обычно выделяют три вида маркированности передней стороны у таких объектов: а) сторона, через которую осуществляется нормальное использование объекта (напр., телевизора), б) часть объекта, которая при нормальном перемещении первой достигает пункта назначения (напр., велосипед), в) часть объекта, где в норме происходит действие, для которого объект предназначен (напр., зрительный зал) (Н. Clark 1973; Иоанесян 1984). Очевидно, что в случае (а) мы имеем дело с обязательной (фиксированной) эго-обращенной стратегией, а случаи (б) и (в) представляют собой фиксированное употребление эго-совмещенной стратегии, т. е. здесь точкой отсчета также является наблюдатель. Поэтому в названных случаях отношения по фронтальной оси также характеризуются антропоцентричностью (см. Крылов 1984; Svorou 1994).

Среди натурфактов особняком стоят представители животного мира, для которых характерная структурная асимметрия по фронтальной оси, казалось бы, не зависит от человеческого фактора. По мнению С. А. Крылова, она определяется конструктивной, или анатомической ориентацией. Но и в этом случае эталонным является анатомическая ориентация человеческого тела, для которого передняя часть та, где расположены органы чувств, в первую очередь, органы зрения (именно поэтому мы говорим, например, про рака, что он «пятится назад»). Другими словами, структурная асимметрия животных организмов антропоморфна.

Исходя из приведенных соображений, понятие нормы, относительно которой определяется пространственная асимметрия объектов по фронтальной оси, как и в случае с асимметрией по вертикальной оси, оказывается связанным с особенностями человеческого восприятия и отражает антропоцентрическую и антропоморфную ориентацию пространственной оси — и это доказано экспериментально (см. Gibson & Peterson 1994).

2.4. Предметы и места

2.4.1. «Предмет» vs. «пространство»

Всякий раз, когда мы говорим о пространственных отношениях и способах их выражения, мы чаще всего имеем в виду не то, каким образом наше пространственное представление о мире выражается в языковой форме, но то, каким образом те или иные предметы получают пространственную характеристику в некоторой системе координат. Обычно такую характеристику связывают с функционированием различных пространственных элементов, к числу которых относят наречия, предлоги, префиксы, послелоги и т. п. Пространственную характеристику предмета можно рассматривать под двумя углами зрения: в терминах геометрического (объективированного) пространства, когда система пространственных отношений предстает как независимая от восприятия и оценки этих отношений субъектом (понимание пространства по Ньютону), и в терминах относительного пространства (по Лейбницу), когда пространство — «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемых порядком сосуществования вещей...» (Топоров 1983: 228). В этой связи принято говорить об абсолютной и относительной ориентации предметов (Апресян 1974; 1986). Примером абсолютной пространственной ориентации в названном смысле являются вы-

ражения типа *книга на столе, стул у стола, в пяти километрах от города* и т. п., примерами относительной ориентации — выражения типа *первый дом справа, за ближайшим поворотом* и т. п. Вместе с тем, “местонахождение физических объектов может быть выявлено, на психо-физиологическом уровне, и описано, на лингвистическом уровне, только относительно других объектов, находящихся вблизи первого [объекта]. «...» Люди осознают пространство не через систему координат, относительно которых задается местоположение объектов независимо от других объектов, а скорее через отношения, существующие между объектами в этом пространстве” (Svorou 1994: 8, 15). Пространственные отношения в общем виде есть соположение в пространстве какого-либо предмета, действия и т. п. и некоторого пространственного ориентира — локума. “*Локум* — это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака) и характер их взаимоотношений (статический, динамический)” (Всеволодова, Владимирский 1982: 6). В этой связи представляет интерес вопрос о соотношении предмета и пространства.

“Краткая философская энциклопедия” дает следующее определение предмета: “Вещь, объект в самом широком смысле, всякое сущее, которое благодаря наглядному образу или внутреннему смысловому единству выступает как ограниченное и в себе завершённое. В этом смысле предметом является всякое данное простому переживанию (сознанию) нечто, имеющее индивидуальную форму”. Пространство, в свою очередь, определяется как “то, что является общим всем переживаниям, возникающим благодаря органам чувств. ... Пространство как таковое никогда не дано нам... напротив, оно постоянно наполнено множеством более или менее всеобъемлющих систем отношений, к которым принадлежат различные предметы” (КФЭ 1994). Прототипическим предметом является вещь — физический, принадлежащий внешнему миру предмет. Иначе говоря, предметность как понятие абстрактного уровня отражает свойство бытийных сущностей определенного типа (тел) сохранять занимаемый ими пространственный объем во времени. Предмет есть область пространства,

вычленяемая из пространственного универсума по принципу конкретности (физической данности через восприятие), компактности (концентрации физических признаков, служащих основанием для противопоставления данной области пространства другим) и стабильности (способности сохранять свойство компактности во времени) (Жаботинская 1992: 65; Givón 1993: I, 54). Таким образом, уже самая природа понятия “предмет” предполагает его тесную связь с понятием “место”. Возникает вопрос: в чем состоит различие между этими двумя понятиями? То, что это различие есть, не подлежит сомнению — на это указывает хотя бы тот факт, что оба понятия репрезентируются в языке разными знаками, *предмет* и *место*.

“Место” как понятийный концепт когнитивного уровня отражает бытийность прототипического предмета как необходимое условие его языковой категоризации посредством имени. Этим, в частности, объясняется предметное значение слова *место*: *У него было всего два места (багажа)*. Вместе с тем тот факт, что понятие, закрепленное в значении слова *место*, носит отвлеченно-обобщенный характер (бытийный признак предмета “отвлекается” от самого предмета), проявляется в значении “неквантифицированности”, которое *место* имеет в предложениях типа *Идите играть во двор, там много места (*много мест)*; *В ее сумке не осталось места (*ни одного места)*. Таким образом, прототипическим значением слова *место* является “вместилище”, т. е. “область пространства, могущая быть занятой каким-либо предметом”, ср.: *Это место (= стул, часть пляжа и т. п.) не занято?*

Предмет как понятие, закрепленное в языке, можно охарактеризовать следующим образом: “область пространства как холистическая бытийная сущность, отраженная в зрительном образе”. Понятию места можно дать такое определение: “область пространства, определяемая как форма проявления бытийных сущностей (единичных предметов и/или их совокупностей) через их физическую (чувственную) данность”. Другими словами, отношение между этими двумя понятиями есть отношение между ар-

гументом (“предмет”) и функцией (“место”). Как подчеркивает Е. С. Яковлева,

пространство не является простымместилищем объектов, а скорее наоборот — конституируется ими и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам. Поскольку часто пространство ощущается, воспринимается именно через “эманацию” вещей, его заполняющих, для описания пространственных отношений релевантны такие признаки, как “положение наблюдателя”; “характер и условия восприятия” и под.”

(Яковлева 1994: 21).

Пространство “всегда заполнено и всегда вещно; вне вещей оно не существует” (Топоров 1988б:340). Это принципиальное положение находит непосредственное отражение в языковой системе — в частности, в морфологической категории падежа, свойственной многим языкам, и в том, как в языке выражаются различные виды пространственных понятий и отношений.

Места всегда ассоциируются с предметами: *Где? — На столе (в доме, за рекой, на горе и т. п.)*. Референция к месту как объективно существующей области пространства, определяемой наполняющими ее системами отношений между предметами (т. е. вне ее соотносительности с фигурой наблюдателя/говорящего), осуществляется именем и только им. Не существует именованных мест, отличных от имен как знаков предметов. Ср.: *Река — это (хорошее) место; *Место — это (хорошая) река*. Референция к месту как субъективно выделяемой области пространства, границы которого зависят от целого ряда переменных факторов (физиологических, психологических, социальных и др. особенностей индивидуального восприятия и оценок), осуществляется индексальными словами — в первую очередь, местоименными наречиями *здесь, там*, которые традиционно рассматриваются как лишенные предметного значения. Однако здесь возникает определенное логическое противоречие: если словесный знак указывает на нечто, что не является предметом (в определенном выше смысле), то что в таком случае выступает в роли объекта указания? Рассмотрим модель относительной пространственной ориентации, представленной в системе местоименных наречий

места, ядром которых является противопоставление *здесь/там*, связанное с указанием на место так сказать в чистом виде.

2.4.2. *Здесь (сюда, отсюда) — там (туда, оттуда)*

Индексальным словам *здесь* и *там*, особенностям их значения и функционирования в разных языках посвящена обширная литература (см. напр. Weissenborn & Klein 1982). Это обусловлено той ролью, которую они играют в выражении субъективированных пространственных отношений, и которая заключается в указании на некоторый пространственный предел относительно определенной точки отсчета. В современных теориях дейксиса и эгоцентризма в качестве такой точки отсчета принято рассматривать говорящего, однако как было показано (Кравченко 1992а), точкой отсчета является наблюдатель, который может совпадать или не совпадать с говорящим, ср.: *Здесь нет для меня ничего нового; Он внимательно осмотрелся. Ничего нового для него здесь не было*. В 1-м примере, который представляет собой высказывание от 1-го лица, слово *здесь* осуществляет указание на некоторую область пространства (место) относительно автора высказывания (говорящего/наблюдателя); во 2-м примере в качестве точки отсчета такого указания выступает уже не говорящий, а то лицо, на чей чувственный опыт (восприятие) ссылается говорящий, т. е. *он*.

Проблема определения объективных границ пространства, на которое указывают слова *здесь* и *там*, составляет одну сторону вопроса, связанного с представлением пространственных понятий в языке; не останавливаясь на ней подробно, отметим лишь, что пространственные пределы, к которым отсылают эти слова, организованы вокруг так называемого личного пространства (см. напр. Sommer 1969; Hayduk 1981; Slane et al. 1981) наблюдателя, имеющего психологическую природу и зависящего от целого ря-

да как объективных, так и субъективных факторов (см. Кравченко 1990б).

Другой стороной вопроса является то, как, каким образом происходит формирование пространственных концептов, лежащих в основе значения этих слов. В частности, интересно проследить феноменологические истоки этих концептов с целью установить их возможную связь с понятием предметности, поскольку, как отмечалось выше, в языковой модели мира место как понятийная функция имеет своим аргументом понятие "предмет". Для этого совершим небольшой этимологический экскурс, отталкиваясь от морфологической структуры слов *здесь*, *там* и их производных.

Здесь прослеживается от др.-русс. *сьде*, сдѣ и *сьдесе*, восходящих к праславянскому *sьde, образованному от местоимения *сь* (= *сей*); форма *sьde была усилена присоединением частицы *-се*, затем ослабленной в *-сь* (здесь и далее данные приводятся по Фасмер 1986/1987). *Сюда* и *отсюда* также производны от праславянского местоимения *sь, которое, в свою очередь, восходит к и.-е. *k̑is 'этот'. Происхождение и значение форманта *-de* в слове *здесь* и его производных в словаре не поясняется, но он выделяется в слове *езде* и его производных: *езде* связано с др.-русс., ст.-слав. *вьсь* + наречный суффикс *-де*; слова *всюду*, *повсюду*, *отовсюду* также происходят от *вьсь*, праслав. *vьxъ, нареч. *vьxodu, *vьxode, включающих формант *-du* и соотносимых с др.-прусс. *stwendau*, *isstwendau* 'оттуда'. Если допустить, что формант *-de* в словах *здесь* и *езде* имеет одинаковое происхождение и обладает (или обладал) самостоятельным лексическим значением, то морфологическая структура слов группы *здесь* и слов группы *езде* позволяет рассматривать их как производные от элемента *de*, образованные по модели *этот /весь + de*.

Подтверждение этому находим в морфологии слов *туда*, *оттуда* (смысловых производных от *там/тут*, связанных с праслав. *tu 'тот'): *туда* - ст.-слав. ТЖДОУ, болг. *тудя*, *тудява* 'где-то здесь', сербохорв. тудá 'этим путем', словен. tŕdaj, tŕd 'этим путем, в этой местности', чеш. tudy 'в эту сторону', польск. tędy 'этой дорогой' и под.; *куда* - ст.-слав. КЖДОУ, болг. кѣде, сербохорв.

кѹда, кѹд 'куда', словен. kŕd 'каким путем', чеш. kudy - то же и под. В статье на слово *туда* М. Фасмер по поводу славянских окончаний *-du*, *-da*, *-dĕ* отсылает к статье на слово *куда* (т. 4, с. 114), но там о них ничего не говорится, так же как не поясняется происхождение и значение этого элемента в статьях на слова *где*, *когда*, *тогда*, *всегда* и т. п. Во всех случаях в словарной статье дается этимология лишь первого элемента слова — указательного местоимения (*этот*, *тот*) или квантификатора (*весь*), хотя не подлежит сомнению, что смысловая общность наречий, образующих регулярные противопоставления типа *сюда - туда*, объясняется как раз наличием в их морфологической структуре общего компонента *de* (*da*, *du*), предположительно имевшего значение, связанное с идеей эмпирически вычленяемой области пространства (ср. с совр. нем. *da* и его производными *darin*, *daraus*, а также гуссерлевым и хайдеггеровским *Dasein* "тут-бытие"). В пользу такого предположения говорит этимология слова *даль* ж. (укр. *даль* ж., сербохорв. дáль ж., словен. dálja, чеш. dál ж., польск. dól ж.): "Обычно рассматривается как ступень чередования с *d̑liti, *d̑lgъ (см. *длить*, *длинá*, *дóлгий*) и далее греч. δολυχός, ἐνδελεχής 'продолжительный', др.-инд. dīrghás 'длинный', авест. drājah 'расстояние, длина' и т. д. ... Однако допустимо также вторичное сближение с этим корнем или давѣ 'давно', если считать слав. dālь родственным лит. tolì 'далеко', tolùs 'удаленный', лтш. tāls ...К последним словам нужно отнести чеш. otáletì 'сunctari'. [Возм., из местоименного *do- (см. *да*) + lь; ср. *to- + -l- в лит. tolì. Прочие этимологии менее вероятны «...»] (Фасмер 1986/87, т. 1, с. 483). Последнее замечание относительно возможности происхождения слова *даль* от и.-е. указ. *do-, от которого прослеживается совр. русск. нареч. *да*, представляется весьма существенным, так как позволяет установить связь между словами *здесь*, *сюда*, *туда* и под. с одной стороны, и словами *даль*, *да* (ср. *Вот и все. Да, еще одна новость*), с другой. Эту связь можно представить в виде схемы, приведенной на рис. 4.

Итак, выявляются следующие морфологические особенности рассматриваемых слов.

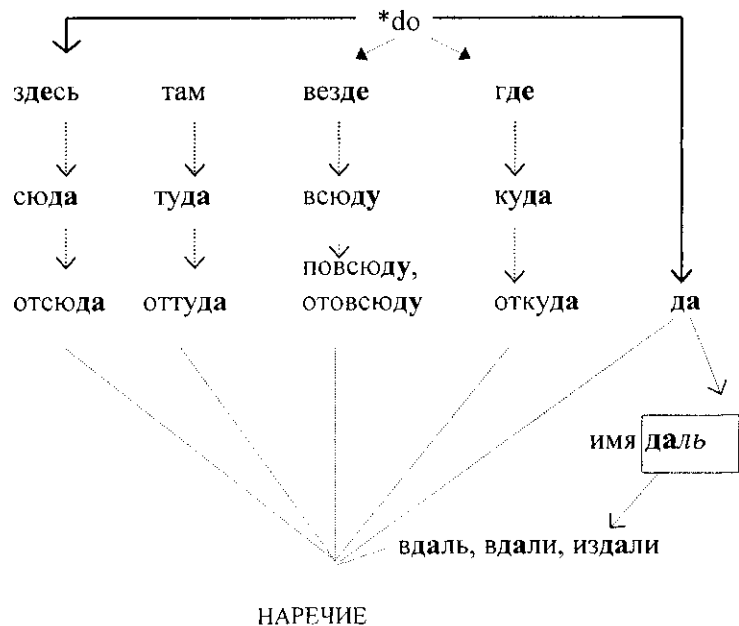

Рис. 4. Связь наречной и именной пространственной семантики

1. Смысловое различие в оппозиции *сюда/туда* связано со смысловым различием в оппозиции указательных местоимений *сей* (= этот)/ *тот*.

2. Указательные местоимения и квантификатор в наречиях, производных от *do, имеют форму вин. падежа ж. р., а от наречия *да* образуется сущ. ж. р. *даль*.

3. Модель и широта деривационной (префиксальной) парадигмы одинакова для всех наречий, производных от *do/de, включает лишь два направительных префикса *от(о)-* и *по-* (ср. простореч. *посюда, потуда, покуда*) и не совпадает с соответствующей моделью для наречий, образованных от сущ. *даль*.

Эти факты наводят на мысль о том, что праслав. (и.-е.?) d-формант изначально был именным словом (сущ. ж. р.), так как указательные местоимения *сей, тот* и квантификатор *весь* выполняют функцию детерминатива в именных группах, согласуясь с именем в падеже и роде; этим, возможно, объясняется принадлежность сущ. *даль* к ж. р.

Смысловые соотношения в группе *do-производных можно представить следующим образом (рис. 5):

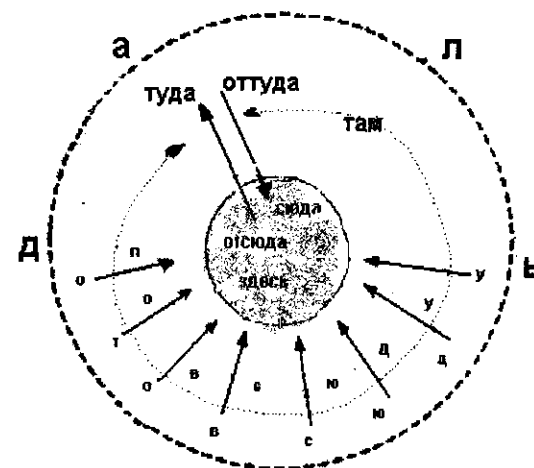

Рис. 5. Смысловые отношения в группе do-производных

Данная схема дает представление об эпистемической основе пространственных концептов, категоризованных в значении местоименных наречий места. Пространственная сфера «здесь» организована вокруг наблюдающего мир человека и включает в себя доступную восприятию действительность, частью (точнее,

центром) которой осознает себя наблюдатель. Такое осознание проявляется в психологическом феномене личного пространства — пространства, которое человек ассоциирует с собой и которое противопоставляется остальному воспринимаемому пространству («там») как не имеющему такой ассоциации. Эта ассоциация, вероятно, обусловлена реальной возможностью взаимодействия человека с доступным предметным миром. «Окрестность говорящего» можно было бы назвать **архаической** моделью пространства, поскольку она отражает восприятие пространства древним человеком, а именно — это та часть пространства, которую он способен непосредственно воспринять, в той или иной мере самостоятельно освоить и узнать» (Яковлева 1994: 64).

Пространство как данная в ощущениях реальность бытия, эмпирически выявляемая сфера всего сущего, делится человеком на две составляющие части: область реального физического опыта и область чувственного, главным образом зрительного и слухового, опыта, причем четкой границы, которую можно было бы провести между этими двумя областями и которая была бы доступна восприятию, не существует, ибо нельзя сказать с точностью: «В этой точке кончается «здесь» и начинается «там»». Деление это являет собой пример той разъятости пространства, вопросом о которой задавался М. Хайдеггер: «Пространство — однородная, ни в одной из мыслимых точек ничем не выделяющаяся, по всем направлениям равноценная, но чувственно не воспринимаемая разъятость?» (Хайдеггер 1993: 313). Вполне допустимо предположить, что эта «однородная разъятость» (в эмпирическом смысле, как вместилище различных систем отношений между предметами) лежала в основе значения *do/de, которое, в таком случае, следует рассматривать не как местоимение, но как имя, от которого в дальнейшем были образованы местоименные наречия. Однородность пространства как один из атрибутов когнитивного концепта, категоризованного в *do/de, отразилась на его словообразовательной парадигме; *здесь* не сочетается с префиксами, участвующими в формировании наречий от имени *даль*, ср: *вдаль*, *издали* — **вздесь*, **изздесь*, а направительные наречия *сю-*

да/туда, указывающие на конечную цель движения (аллатив), принимают лишь префикс *от-*, указывающий на начальную точку этого движения (аблатив), ср.: *сюда - отсюда, туда - оттуда*. Это говорит о том, что идея пространства, представленная в значении *do, была связана с его восприятием и концептуализацией как единого неструктурированного по разным измерениям целого — употребление направительных элементов *из* («изнутри» - элатив), *в* («внутри» - иллатив) возможно лишь применительно к расчлененным предметным сущностям, концептуализированным как объемы, вместилища, обладающие свойством трехмерности.

По сути дела, рассматриваемые слова отражают первичное восприятие и осознание действительности как «наличного бытия» (= *do, отсюда — *везде* как «все наличное бытие»); это «наличное бытие» или, по Хайдеггеру, пространственность существования, структурируется далее в соответствии с двумя сферами человеческого опыта (*здесь* - «этот [*do]» и *там* - «тот [*do]»), которые также осмысливаются как однородные неделимые сущности, ограниченные и в себе завершенные, т. е. как **прототипические предметы**. К ним примыкает третья пространственно-предметная сущность — «даль», выявляемая уже не столько на основе непосредственного восприятия, сколько на основе эмпирического опыта, говорящего человеку, что мир не кончается у линии горизонта.

Итак, мы подходим к логическому выводу об онтологической первичности понятия предметности, на котором строилось в дальнейшем понимание пространства как формы проявления предметов. Эта изначальная «опредмеченность» пространства проявляется иногда в просторечных употреблениях наречия *здесь* в функции имени, ср.: *Он взял меня за здесь*. Отметим, что в английском языке, например, такое употребление местоименных наречий места *here* 'здесь' и *there* 'там' вполне нормативно, ср.: *Do you live near here?*; *Hey, what are you doing in here (in there)?*

Производность понятия «место» от понятия «предмет» проявляется в морфологии наречий места, многие из которых образованы от предметных имен, ср.: *вокруг* (от *круг*), *рядом* (от *ряд*), *вперед(и)* (от *перед*), *сзади/назад/позади* (от *зад*), *сбо-*

ку/вбок/набок (от *бок*), *вверх(у)/наверх(у)/сверху* (от *верх*), *вниз(у)/снизу* (от *низ*), *вблизи* (от *близь*) и т. п. В свою очередь, такие имена, как *перед*, *зад*, возможно, являются производными от *de — напр., М. Фасмер (1986/1987) ссылается на заслуживающую внимания точку зрения А. Мейе, который связывает слав. *zadъ* с *za* и *-dъ*, соотнося последнее с греч. — *ἄα, ἄεν*. Этимологически сложным является и слово *перед* (от ст.-слав. **ПРѢДЪ** = приставка **ПРѢ** + **ДЪ**).

Учитывая, что пространственные слова относятся к древнейшему слою лексики, вероятно возможность сохранения в их структуре элементов, связанных с языковой репрезентацией первичных эпистемических концептов, к которым относится концепт, лежащий в основе значения *do/de (*de как неделимая бытийная сущность, доступная восприятию — *перед*, и ее антипод, предмет-пространство, лежащее по другую сторону, за *de, и недоступное восприятию — *зад*). Сюда, по-видимому, примыкают и предлоги *над*, *под* (ст.-слав. **НАДЪ**, **ПОДЪ**), образованные по той же словообразовательной модели “предлог + *de”. Это значит, что слова *перед*, *зад*, *над*, *под* и их производные по своему первичному эпистемическому значению могут быть включены в смысловую группу *здесь/там*.

Членение опредмеченного пространства, отраженное в системе рассматриваемых слов с пространственным значением, обуславливалось особенностями восприятия мира человеком. Познающий мир человек выступал той точкой отсчета, относительно которой ориентировалась модель мира в соответствии с наличным чувственным опытом — от этого опыта он отталкивался в порождении когнитивных концептов и их категоризации в языковых формах. Например, значение слова *перед* можно связать с областью зрительно воспринимаемого наличного пространства (*de), **через** которое (значение приставки *пере-*) движется взгляд наблюдателя. Зрительная данность этого пространства позволяет членить его дальше на составные структурные части в соответствии с накапливаемым опытом — так порождается трехмерная модель “подручного” пространства, которое начинает рассматриваться как вместилище; отсюда возможность образования сло-

ва *впереди* “внутри (этого пространства)”. Область пространства, лежащая по другую сторону ближайшей к наблюдателю границы поля зрения и, таким образом, недоступная текущему восприятию, не могла подвергаться такому членению — отсюда невозможность образования слова **взади*.

Пространственные наречия, образованные от имен посредством префиксации (не будем забывать, что пространственные префиксы суть трансформированные предлоги), не содержат указательного местоимения *этот/тот*, являющегося морфологическим компонентом местоименных наречий *здесь/там* и их производных и обуславливающего относительность их значения (т. е. пространственную характеристику относительно наблюдателя). Вместе с тем, относительность их значения очевидна, что можно проиллюстрировать следующими примерами. Если некий предмет находится в определенном пространственном отношении с другим предметом — напр., книга лежит на столе — я могу сделать ассертивное утверждение типа *Книга на столе*, которое будет истинным для любого другого человека, находящегося в этой же ситуации и имеющего возможность наблюдать предметы, о которых идет речь. Если же он возразит: *Книга под столом!*, то это будет означать только одно — что один из нас не вполне здоров и страдает психическим расстройством. Теперь предположим, что меня спрашивают о местонахождении какого-то известного мне человека и я говорю: *Вы знаете, он теперь живет вдали от города*, — однако находящийся рядом человек, который тоже знает того, о ком идет речь, возражает: *Какое вдали! Он живет совсем близко*. Очевидно, что ни я, ни мой оппонент не могут рассматриваться как люди, страдающие какими-то отклонениями психического характера, ибо мы оба можем быть в одинаковой степени правы — просто то, что для меня “далеко”, для другого человека “близко”, и связано это с особенностями индивидуального восприятия и опыта. Например, для старого немощного человека магазин в двух кварталах от дома — даль несусветная, а для его соседа-мальчишки — всего в двух шагах.

2.5. Пространственные наречия, наблюдатель и норма

В русском языке наличие индексального компонента в значении наречий места (компонента, обуславливающего относительность их значения) связано с их морфологической структурой, т. е. указание на наблюдателя как точку отсчета носит морфологизованный характер. Наречия типа *наверху, снизу, вдали* и т. п. образованы от соответствующих существительных путем добавления пространственного (локального) префикса. Отношение локации, устанавливаемое посредством пространственных элементов, предполагает эпистемическую категоризованность субъекта (бытийной) пропозиции, что в свою очередь возможно при непосредственном наблюдении положения вещей, образующего денотативную ситуацию. Эта особенность определенной части лексики в русском языке (т. е. морфологическая выраженность указания на наблюдателя) обычно ускользает от внимания исследователей.

Анализируя различия в значении и употреблении двух групп пространственных наречий (*вдалеке, вдаль, вблизи, невдалеке, вдали* vs. *далеко, недалеко, рядом*) Е. С. Яковлева, развивая высказанные Ю. Д. Апресяном соображения о наличии у слов первой группы двух “стратегий” — дейктической и недейктической — и отсутствии дейктической стратегии у слов 2-й группы, утверждает, что с нереализованной второй валентностью слова типа *вдалеке* всегда реализуют дейктическую стратегию и вступают в высказывании в согласование с другими дейктическими указателями: фраза **Здесь вдали (вдалеке)* ... некорректна в отличие от фразы *Там, вдали, за рекой* ... Наоборот, с реализованной второй валентностью слова типа *вдали* имеют недейктическую стратегию, и следующие фразы лишены противоречий: *Здесь, вдали от родины; Здесь, вдалеке от цивилизации*. Другими словами, наречия *вдалеке, невдалеке* указывают на наличие непосредственного восприятия ситуации; слова *далеко, недалеко, поблизости, неподалеку* — на отсутствие у говорящего непосредственного воспри-

ятия (Яковлева 1990). Однако вопрос, чем вызвано наличие дейктической стратегии у слов типа *вдалеке*, не ставится, так же как не рассматриваются причины, по которым наречия типа *вдали* могут употребляться недейктически.

Сравнение морфологической структуры слов типа *вдалеке* и *далеко* дает основание связать эпистемическое значение слов *вдалеке, вдали* с типом деривации, по которому они образованы: существительное с пространственным значением (*далёко, даль*) + локативный префикс (*в-*). Наречие *далеко*, являясь суффиксальным отыменным дериватом, отличается в этом плане от наречий *вдалеке, вдали*, и отношение пространственной локализованности в его значении не выражено. Наречия *неподалеку, поблизости* содержат пространственный префикс *по-*, но его прототипическое значение является не локативным, а директивным (ср.: *гулять в саду/по саду, на берегу/по берегу*, т. е. его употребление не позволяет идентифицировать пространственный предел, обозначенный именем (напр., *далёко*), как некоторую конечную пространственную величину, а указывает лишь на некоторое неопределенное направление. Существительное *близость*, от которого образовано наречие *поблизости*, лишено предметного значения (имеется в виду прототипический предмет как опредмеченное пространство), поэтому его употребление не связывается с наличием фигуры наблюдателя (наблюдать можно предметы и места), в отличие от наречия *вблизи*, образованного от пространственного сущ. *близь* 'находящееся вблизи место, пространство', которое указывает на наблюдателя.

Возникает вопрос: всегда ли и почему при реализованной второй валентности наречия типа *вдали* употребляются недейктически? Рассмотрим несколько примеров: а) *Здесь, вдали от родины; Здесь, вдали от дома; Здесь, вдалеке от цивилизации*; б) ? *Здесь, вдали от газона*; ? *Здесь, вдали от лужи*; ? *Здесь, вдалеке от автобуса*. Если фразы группы (а) вполне привычны, то фразы группы (б) воспринимаются как не совсем обычные, так как возможный контекст их употребления (в отличие от фраз первой группы) не может быть легко восстановлен. С реализованной второй валентностью наречие *вдали* употребляется, как

правило, с именами, значение которых носит антропогенный характер, т. е. эти имена обозначают некоторое пространство, в котором человек существует и в котором протекает его привычная, нормальная жизнедеятельность; напр., *родина, родные, цивилизация, (городской) шум, (мирская) суета* и т. п. Ср.: *Вдали от шума городского; Вдали от мирской суеты; Вдали от суетного света; Вдали от музыки и песен* и т. д. Нахождение вне привычной среды всегда создает какое-то новое состояние — либо со знаком “минус” (“плохо, что вне привычной среды”), либо со знаком “плюс” (“хорошо, что вне привычной среды”). И в том и в другом случае присутствует имплицитное сравнение двух состояний, из которых одно — текущее, данное в ощущениях лицу, о котором идет речь и которое необязательно является говорящим.

Несовпадение пространства говорящего и пространства наблюдателя как языковое явление отражает объективный характер психологического феномена личного пространства. Как уже отмечалось выше, это пространство является переменной величиной, зависящей от различных факторов. Личное пространство называют еще “индивидуальной территорией”, выделяя также домашнюю, интеракционную и общественную территории. Здесь важен тот момент, что членение жизненной сферы на разные типы территорий характеризует мировосприятие каждого нормального человека, независимо от его участия или отношения к тому или иному речевому акту. Отсюда следует важный вывод: если в тексте языковыми средствами осуществляется указание на некоторое физическое пространство, получающее в результате этого указания относительную характеристику, то исходной точкой данного отношения (“точкой отсчета”) является наблюдатель, который, естественно, часто (но отнюдь не всегда) совпадает с говорящим.

Так, в высказывании *Здесь, вдали от родины, он делал важное и нужное дело* наречие *вдали*, в соответствии с существующей точкой зрения, не указывает на наблюдателя, потому что другое наречие, *здесь*, указывает на наблюдателя-говорящего, который не может одновременно находиться в двух местах. Связь значения слова *здесь* с указанием на говорящего является распростра-

ненным заблуждением, порожденным эгоцентрической традицией в интерпретации указательных явлений (Кравченко 1995а). В действительности, значением слова *здесь* является указание на пространство наблюдателя, которое отождествляется с территорией того или иного типа. В нашем высказывании речь идет о двух областях пространства: «здесь» и «родина». Пространство «здесь» предстает как данное наблюдателю в текущем ощущении, т. е. как нечто сиюминутное, преходящее, в то время как пространственное понятие «родина» покрывает нормальную жизнедеятельностную сферу человека, включающую в себя все виды территорий (индивидуальную, домашнюю, интеракционную и общественную). Значение наречия *здесь* в рассматриваемом высказывании явно не охватывает все названные типы территорий, т. е. *здесь* не обозначает психологически целостного пространственного универсума, отраженного в понятии «родина», поэтому описываемое с помощью слова *здесь* положение вещей воспринимается как отрицательное отклонение от нормы, относительно которой оно и получает характеристику с помощью наречия *вдали*.

Нормативный характер понятийного пространства «родина» определяется тем эмпирическим опытом, который человек накапливает в процессе своей жизнедеятельности, и зависит от человеческого восприятия действительности как данной в ощущениях реальности бытия, формирующей различные типы психологических территорий³. Именно поэтому фразы типа *Здесь, вдали от газона (автобуса и т. п.)* воспринимаются как необычные, поскольку локативы *газон, автобус* не охватывают привычные психологические сферы человеческого бытия. Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что локативы типа *родина* в таких выска-

³ Наглядный пример этому находим во вьетнамском языке, в котором невозможно высказывание типа *Он уехал на родину*, так как по отношению к родному краю (стране, деревне, дому) позволительна только одна ориентационная оценка — “возвращение” (Ли Тоан Тханг 1993: 29).

ЯЗЫКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

3.1. Вводные замечания

званиях, как *Здесь, вдали от родины...*, также указывают на наблюдателя, характеризуя некоторый пространственный предел как сферу нормального, с точки зрения наблюдателя, положения дел, относительно которого характеризуется то или иное отклонение (текущее положение дел). Иначе говоря, реализация второй валентности у наречий типа *вдали* не влияет на дейктический (индексальный) характер его употребления. Поэтому утверждение, что фраза *Здесь, вдали...* некорректна, так как не согласуются индексальные значения двух наречий, не соответствует действительности, ср.: *Здесь, вдали, он не чувствовал себя одиноким; Ты поверь, что здесь, издалека, многое теряется из вида.*⁴

Всякий раз, когда речь заходит о представлении временных отношений в языке, возникает ряд взаимосвязанных вопросов, ответы на которые в общем и целом определяют концептуальную парадигму рассмотрения данной проблемы. К числу таких вопросов относятся следующие: 1) соотношение так называемого физического (объективного) времени и времени грамматического (субъективного), 2) языковая функция грамматического времени, 3) соотношение грамматического времени и грамматического вида.

Проблема, связанная с первым вопросом, заключается в том, что “различные временные системы многих языков не очень хорошо укладываются в давно утвердившуюся схему прошлое — настоящее — будущее: эту магическую триаду, которая является началом и концом почти каждого философского рассмотрения времени” (Weinrich 1970: 31). Количество грамматических форм глагола в том или ином языке, получающих характеристику “временных”, редко ограничивается числом “три”. Так, в хантыйском языке (среднеобский диалект) существует два времени — настоящее-будущее и прошедшее, в дунганском языке выделяют четыре времени, в китайском языке глагольные времена вообще специально не фиксированы, так же как в кхмерском и ряде других языков (Серебрянников 1988). В языке индейцев панааре насчитывают два времени (Gildea 1993), в языке кикшт — десять (Hymes 1975), в английском — двенадцать (Reichenbach 1947/1951). Поэтому уже античные лингвисты “изобрели”, по выражению Вайнриха, вид, и лингвистическая формула времени

⁴ Подробнее о картине пространства, задаваемой наречиями с семантикой ‘далеко’/ ‘близко’ в русском языке, см. Яковлева (1994).

приняла форму *tense = time + aspect*. Это, в свою очередь, породило новую проблему, а именно, проблему определения вида как грамматической категории.

В связи с тем, что во многих языках имеет место формальное совмещение показателей времени и вида (а также наклонения), а в понимании и толковании как категории времени, так и категории вида нет единства взглядов, существующие теории видо-временных систем характеризуются невероятной сложностью, и сама проблема является наиболее дискутируемой областью лингвистики (Бондарко 1971; 1990; Золотова 1975; Гловинская 1989; Маслов 1984; Hoepelman 1974; Comrie 1976; 1986; Bach 1981; Hopper 1982; Dahl 1985; Bache 1985; Brinton 1988; Bybee & Dahl 1989; Козинцева 1991 и др.).

В литературе, посвященной проблеме языкового представления времени, часто говорят о лингвистическом времени (темпоральности), подразумевая не только собственно грамматическое (глагольное) время, но также вид, таксис, лексические единицы темпоральной семантики и т. п. (Дешериева 1975). Например, Е. Траугот выделяет три подсистемы лингвистического времени: время (*tense*), последовательность (*sequencing*) и вид (*aspect*), при этом последовательность отличается от времени тем, что время связано с дейксисом говорящего, тогда как последовательность связана с привязкой событий во времени относительно друг друга, но не обязательно относительно говорящего (Traugott 1975). Однако остается неясным, что (или кто) определяет порядок последовательности, так как в самом действии никаких указаний на то, что оно предшествует или следует за другим действием, нет.

Проблема категории вида и его соотношение с временем рассматриваются в (Кравченко 1990а), а категории вида в русском языке посвящена следующая глава, поэтому в данном разделе мы не будем на этом останавливаться.

В отношении языковой функции грамматического времени также остается много неясного. В "Лингвистическом энциклопедическом словаре" дается следующее определение глагольного времени:

Грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении. Эта локализация является действительной, т. е. соотносящейся прямо или косвенно с реальным или воображаемым *hic et nunc* 'здесь и теперь'. Она заключается в указании посредством противопоставленных друг другу временных форм (глагольных времен) на одновременность, предшествование или следование события моменту речи или – в случае т. наз. относит. временной ориентации – какой-то другой точке отсчета. В некоторых языках формы В. указывают и на временную дистанцию (близость или отдаленность события). Локализация, даваемая категорией В., может сочетаться с более детальным указанием времени при помощи лексич. и синтаксич. средств (обстоятельств времени, соотв. союзов и т. д.).

(ЛЭС 1990: 89).

Если вдуматься в смысл некоторых из предлагаемых понятий и определений, то неизбежно возникает ряд вопросов. Что понимается под "объективным" временем, и что такое "субъективное" время, которому, по логике вещей, должно быть противопоставлено время "объективное"? В чем заключается "специфика" языкового отражения "объективного" времени? Что такое "темпоральная локализация" и в какой системе координат она осуществляется? Ведь если *hic et nunc* является точкой соотношения локализации и при этом в одних случаях соответствует так называемому моменту речи, а в других — какой-то другой точке отсчета (какой?), то что такое это самое *hic et nunc*, и не имеем ли мы здесь дело с двумя различными системами координат?

Представляется, что поиск ответов на возникающие вопросы нужно начинать с принципиального решения вопроса об эпистемологическом статусе понятия времени. Постановка проблемы в таком ракурсе предполагает обращение к лингвофилософскому вопросу гносеологии временных понятий.

3.2. Гносеология временных понятий

3.2.1. Объективное и субъективное время

Начнем с того, что “физическое” и “объективное” как атрибуты понятия времени обычно употребляются синонимически, т. е. “физическое” = “объективное”. В частности, можно сослаться на определение физического времени у Б. Рассела, которое он противопоставлял времени ментальному: “ментальное время [есть] время, которое возникает из отношений субъекта и объекта, ... физическое время [есть] время, которое возникает из отношений объекта и объекта” (Russell 1915: 212). Такой подход перекликается с трактовкой времени в феноменологической философии Э. Гуссерля (1994), указывавшего, что объективное время принадлежит связям предметностей опыта, а потому является трансцендентным понятием и должно быть исключено из анализа сознания времени. Две стороны понятия времени подчеркивал Г. Рейхенбах (1985), связывавший свойства самого времени со сферой психического опыта человека.

Противопоставление “объективного” времени грамматическому времени (Милейковская 1956) предполагает тождественность понятий “грамматическое” и “субъективное”, но в таком случае, коль скоро грамматическое время специфическим образом отражает время объективное, мы приходим к признанию определенной зависимости между отношениями субъект — объект, с одной стороны, и объект — объект, с другой. Что следует из этого допущения? Во-первых, что анализ сознания времени (психологического, субъективного) не может исключать объективного времени, а поскольку понятие объективного времени трансцендентно, т. е. выходит за границы возможного опыта, возникает логический парадокс, разрешение которого не представляется возможным. Во-вторых, при анализе субъективного времени мы имеем дело с ощущениями и памятью, т. е. отношениями “прошлое — настоящее — будущее”, а в случае объективного времени

— с одновременностью и следованием, т. е. отношениями “раньше — позже”, которые Г. Рейхенбах (1985) определял как фундаментальные понятия, составляющие ядро физического порядка времени (см. также Юрченко 1993). По мнению Рассела, в мире, лишенном опыта, нет прошлого, настоящего или будущего, но может быть раньше и позже (Russell 1915: 212). Однако “раньше” и “позже” суть логические конструкты, выводимые из эмпирического опыта — а основу этого опыта составляют все те же ощущения и память⁵ и мы опять оказываемся в порочном круге, ибо “если мы исследуем сознание, мы найдем там не прошедшее, настоящее, будущее, но единство, охватывающее сложность. Всякая вещь существует в сознании, и всякая вещь в сознании существует, и существует в совокупности” (Whorf 1958: 143).

Согласно словарному определению, время есть “одна из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи — последовательная смена ее явлений и состояний” (Ожегов 1990). Когда говорят об объективном времени, то имеют в виду именно это философское (материалистическое) понимание времени, хотя в западноевропейской философской традиции (в частности, в трудах Э. Канта) время понимается как форма человеческого созерцания. Материалистическое понимание времени исходит из бесспорности существования физического его аспекта, включающего в себя проблемы соотношения времени и материи, реально существующих независимо от сознания человека. “Лингвистический аспект подчинен физическому и философскому аспектам в том смысле, что с помощью языка описывается содержание последних” (Дешериева 1975: 111). Данная методологическая посылка характеризует общий подход к проблеме времени в современном языкознании, хотя в ней изначально заложено существенное логическое противоречие. Выявление

⁵ Ср. с высказыванием М. Бубера (1993: 16) о границах мира для примитивного человека, которые определяются его телесными переживаниями.

физического времени как категории естественно-научной картины мира относится к значительно более позднему этапу развития человеческих представлений о мире, поэтому лингвистический аспект времени не может быть подчинен физическому в принципе — ведь формирование языковой картины мира, и по сей день отражающей архаическое сознание человека, предшествовало формированию научной картины мира.

Объективное время измеряется отрезками пути небесных тел, а единицами такого измерения являются секунда, минута, час. Секунда равна 1/86400 суток. Сутки есть средний период времени, за который Земля делает один оборот вокруг своей оси. Однако до Н. Коперника (еще не так давно по историческим меркам) тот факт, что Земля вращается вокруг Солнца, не был частью знания человека о мире — тем не менее, понятие времени и различные языковые средства его выражения существовали задолго до создания современной научной картины мира. В частности, сутки определялись не как время обращения Земли вокруг своей оси, а как время обращения Солнца вокруг Земли, так как именно это говорил человеку его чувственный опыт: наблюдая мир, мы видим, как светило совершает свой путь по определенной траектории, идя по кругу, в центре которого находится наблюдатель. Х.-Г. Гадамер, рассматривая речевой оборот *заход солнца*, отмечал, что

он не произволен, но выражает некую действительную видимость. Так это “видится” тому, кто пребывает в неподвижности. «...» Мы не можем снять или опровергнуть эту природную видимость, посмотрев на заход солнца “глазами” ... научного рассудка. Это бессмысленно не только потому, что видимость является для нас подлинной реальностью, но также и потому, что истина, которую сообщает нам наука, сама соотнесена с определенным отношением к миру и никак не может претендовать на то, чтобы быть всей истиной целиком.

(Гадамер 1988: 519).

Регулярность кругового движения солнца по “небесной сфере”, циклический характер самого процесса, повторяющегося

снова и снова и неподвластного каким-либо видимым изменениям, послужили естественным основанием для выбора солнечного цикла в качестве мерила бытия всего сущего в человеческом мире, тем более, что и самый жизненный цикл человека и живой природы вообще теснейшим образом был связан с фазами этого цикла (смена дня и ночи, времен года). Солнечные часы, устройство которых основано на относительно постоянном характере видимого движения солнца, являются древнейшим прибором для измерения времени и наглядной иллюстрацией того, как время измеряется отрезками пути небесного тела.

Вместе с тем, циклический характер солнечного круговорота позволяет вести речь лишь о цепочке повторяющихся явлений и не более. Представление о времени как упорядоченном поступательном движении от того, что было прежде, к тому, что следует за этим “прежде”, не может отталкиваться от наблюдаемой смены природных циклов. Вопрос, что было прежде, день или ночь, зима или лето, не имеет смысла. Этим объясняется свойственное архаическим цивилизациям представление о времени как о вращении по кругу (Мурьянов 1978; Арутюнова 1992; Яковлева 1994). Но как в таком случае быть с “объективным” временем, возникающим из отношений объекта и объекта, определяемых в терминах “раньше — позже”? Если на древнем этапе развития человечества время воспринималось и мыслилось как циклическое, что могло послужить эмпирической основой возникновения и формирования представлений о линейном движении времени? Ответ на этот вопрос может дать анализ языковых единиц, семантика которых так или иначе связана с идеей времени, поскольку “языковая семантика сплошь и рядом пережиточно отражает архаическую картину мира, действительную для прасостояний культуры” (Касевич 1990б: 14).

Основной единицей измерения времени от ранних этапов развития человеческой культуры (и, соответственно, языка) по настоящее время был день. Можно предположить, что первичным значением слова день, по крайней мере в некоторых индоевропейских языках, было ‘(видимый) путь, проходимый солнцем’. На это, в частности, указывает этимология англ. *journey* ‘путь, путе-

шествие', которое является заимствованием из французского от *jour, journée* 'день', восходящего к лат. *diurnum* от *diēs* 'день, дневной путь'. Другими словами, основная единица измерения времени изначально оказывается связанной с системой пространственных понятий. Эта связь не является чем-то случайным, она уходит корнями к самым истокам формирования системы пространственно-временных понятий и отношений, что довольно хорошо прослеживается на примере славянских языков.

3.2.2. Генезис времени

Сравнение этимологических параллелей в родственных славянских языках между наречиями времени, с одной стороны, и наречиями места где, куда, с другой, вряд ли оставляет сомнения в их родственном происхождении, которое прослеживается от и.-е. *de, имевшего предметно-пространственное значение (см. предыдущую главу). Это наводит на мысль о том, что временные понятия возникли в ходе переосмысления первоначальных пространственных концептов, что нашло отражение в построении языковой модели временных отношений по пространственной схеме — свидетельством этому служит семантическая двойственность (табл. 1) многих пространственных выражений, употребляющихся в разных языках для выражения как пространственных, так и временных отношений (см. напр. Whorf 1958: 63; Needham 1975; D. Bennett 1975; Топоров 1988б; Цивьян 1990; Буслаев 1992; Ли Тоан Тханг 1993), а также своеобразная этапность в освоении языкового строя ребенком: из темпоральной лексики первыми начинают употребляться наречия, при этом наречия места появляются раньше, чем наречия времени (Гвоздев 1949).

Табл.1. Этимологическая общность местоименных наречий места и времени в славянских языках

Язык	Укр.	ст.-слав.	болг.	србхрв	словен	чеш.	(др.-)	в.-	др.-	авест
Слово							польск.	луж.	инд.	
<i>где</i>	<i>де</i>	КЪДЕ	<i>де</i>	кди	gdě kjě	kde	gdzie	(h)dze	kāha	kudā
<i>куда</i>	<i>кудá</i> <i>куди</i>	КЖДОУ	<i>къдѣ</i>	кѹда	kyd	kudy	kędy			

<i>когда</i>	<i>когда</i>	КОГДА КЪГДА	<i>когá</i> <i>коги</i>	када	kādar kadā kdá	kehdy kda kdy	gdy	hdy dy	kadā	kadā
<i>тогда</i>	<i>тогда</i>	ТОГДА	<i>тогá</i>	тада	tāda tādāj	tehda tehdy	(tegydy) tedy	tehdy	tadā	tađa
<i>всегда</i>	<i>всiгда</i> <i>всiгди</i>	ВЪСЕГДА	<i>възда</i>	свагда вазда	vazdar vezda	wzdy wezdy	vzdy	vzdy	?	?
									kadā	kadā

М. М. Бахтин ввел в оборот понятие хронотопа как существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, т. е. речь идет о неразрывности пространства и времени: “Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп” (Бахтин 1975: 235; см. также Гуревич 1984). Более того, существуют языки, в которых время и место совмещаются в грамматических категориях — например, в бирманском языке есть особая глагольная категория “другого времени/места” (Касевич 1990б).

Интерес представляет вопрос о механизме, который обусловил возникновение временного значения у производных от *где*, а, скажем, не от *здесь*-производных. Исходя из предположения, что *г-* восходит к ст.-слав. предлогу **КЪ**, соотносимому с др.-инд. *kú-*

в kúda и авест. ku- в kuda 'где', а также с *кто* (праслав. *къ-то, родственное лит. kas 'кто', др.-инд. kás, k'á; а 'кто', авест. ka-, kã-ж. 'кто, который'), его прототипическое значение можно связать с дифференцированным указанием на некоторую область предметного пространства, вычленимую из наличного пространства-бытия «*весь *de*» по определенному признаку. Таким признаком могло быть местонахождение предмета (или же сам предмет), о котором шла речь и который в силу этого приобретал статус ориентира, точки отсчета для этого подпространства, или отождествлялся с ним. Ср.: *Где? — Здесь, в лесу/ на берегу/ под столом* (— *Там, у реки/ за поворотом/ на горе*); *Куда? — Сюда, на крыльцо/ в шкаф/ к стене* (— *Туда, на полку/ за деревню/ к озеру*); *Там, где кончается лес; Я пойду туда, куда еще никто не ходил* и т. п. Смена предметов, о которых шла речь (предметов речи), влекло за собой изменение референтов пространственных наречий *где, куда*, определяя относительный характер их значения (ср. *где-то* 'в каком-то месте', *где-нибудь* 'в каком-то, точно не известном месте').

Эмпирической основой постижения пространства является движение в нем созерцающего мир человека, поскольку "виды ощущений и их взаимосвязь находятся в причинной зависимости от форм движения материи в их взаимосвязях и взаимопереходах" (Ананьев 1982: 15). Более того, самое это пространство бытия осмысливается как путь, проходимый человеком в течение жизни, ср.: *Жизнь прожить — не поле перейти; Охай, не охай, а вези до упаду* (т. е. *до смерти*); *Поколь нога ногу минует — ладно*. Время органически связано с тем, временем чего оно является, т. е. с бытием. "Время бытия может постигаться исключительно путем использования процессов движения и развития (последовательности событий) этого бытия" (Никитин 1991: 88). Однако, хотя объективно жизнь определяется как пространственная сфера движения (и, шире, деятельности) человека, субъективное восприятие всякого рода изменений как результата движения человека и иных предметов связано с тем, какая часть материального мира является наполняющим содержанием поля зрения наблюдающего мир человека.

Поле зрения как потенциальный пространственный предел, ограничивающий чувственно данную предметную реальность, характеризуется относительным размерным постоянством и является той точкой отсчета, от которой ведется определение любых предметов как сущностей, т. е. существующих, или наличествующих, вещей. То, что находится в поле зрения, есть (имеет место), то, что не входит в поле зрения — отсутствует (не имеет места), его нет, — в той мере, в какой это касается эпистемологического уровня понятийной категоризации. Поле зрения — атрибут физиологии и психологии человеческого сознания — осмысливается как область опредмеченного пространства, неразрывно связанная с самим человеком, как та первичная реальность бытия ('то первое', составляющее основу значения слова *теперь*), от которой человек отталкивается в построении модели мира. Эта особенность проявляется в том, что изменение материального наполнения поля зрения ("смена декораций"), обусловленное перемещением человека в пространстве, особенно с помощью различных транспортных средств, часто рассматривается как движение самих декораций по траектории, пересекающей поле зрения, это "окно в мир". Ср.: *Мимо пробежали поля и перелески, одинокие затерянные полустанки и унылые в своей сиротской заброшенности картофельные пятачки вдоль дороги*.

Размеры поля зрения не постоянны, они зависят от конкретных условий наблюдения, поэтому важно различать между "естественными условиями восприятия" и "искусственными условиями восприятия". Естественными называют такие условия восприятия, когда а) поле зрения наблюдателя или никак не ограничено, или ограничено лишь несущественным образом; б) в поле зрения находится не только тот предмет (предметы), восприятие которого нас специально интересует, но и другие предметы; в) все предметы достаточно хорошо и притом приблизительно одинаково освещены; г) наблюдатель воспринимает предметы бинокулярно и не прищуривая глаз (Шеварев 1982).

Варьирование размеров поля зрения, связанное с конкретными условиями осуществления восприятия, ведет к тому, что фрагменты предметного пространства, составляющие материальное

содержание поля восприятия, также характеризуются размерным разнообразием, однако их объединяет одно общее свойство: это свойство есть **последовательность** их явления чувствам. В прототипической ситуации линейно-поступательного движения наблюдающего мир человека пространственность бытия (бытие пространства?) познается как ряд последовательно сменяющихся друг друга сопряженных областей предметного пространства, образующих своеобразную ось человеческого бытия. Эта ось служит тем упорядочивающим началом, от которого идет дальнейшая концептуализация всего сущего на основе опыта. Не случайно своими историческими корнями слово *время* (ст.-слав. ВРЪМѦ) восходит к др.-инд. *vārtma* 'колея, рывина, дорога, желоб' — ср. со значением слов *туда* и *куда* в некоторых славянских языках: болг. *туда*, *тудава* 'где-то здесь', сербохорв. *tūda* 'этим путем', словен. *tōdaj*, *tōd* 'этим путем, в этой местности', чеш. *tudy* 'в эту сторону', польск. *teđy* 'этой дорогой' и под.; *куда* - болг. *къде*, сербохорв. *куда*, *куд* 'куда', словен. *kud* 'каким путем', чеш. *kudy* - то же и под. (Фасмер 1986/1987), а также англ. *always* 'всегда' от *all ways* 'все пути'. Как видим, применительно к жизни человека ось бытия (линейное представление времени) воплощается в образе пути, дороги (Арутюнова 1992а). В ряде австралийских языков вопросительные слова со значением "когда", "как долго" морфологически соотносятся с вопросительным словом *где* (Dixon 1980: 283). Такое понимание времени как пространства, преодолеваемого в процессе движения, прослеживается в функционировании многих единиц так называемой "темпоральной семантики", ср.: "Далеко до этого места?" — "Два дня ходу"; "Три недели плохой дороги измотали его вконец; Ближайшая булочная находилась всего в пяти минутах от дома и т. п.

Можно предположить, что сменяющие друг друга предметные области пространства, ограниченные полем зрения и обладающие изначальной неопределенностью вследствие вариативности размеров поля зрения, послужили основой формирования единого когнитивного концепта пространства-времени, отражающего последовательность процесса "собираания" разъятого пространства: от *do₁ к *do₂ к *do_n (*где*, ст.-слав. КЪДЕ - от предлога дат. п.

КЪ + ДЕ; ср. также *прежде* 'перед *de') до "весь *de", т. е. *везде*, и "все «где»", т. е. *всегда*.

Применительно к развитию индоевропейского мышления сейчас можно гипотетически представить, что слова, первоначально выражавшие пространственные, вещеподобные отношения мира осязаемого, на некотором этапе глоттогонического процесса были приспособлены для выражения временных отношений удивительного мира, существующего внутри человеческой головы, в ее памяти и предвидении... <...> Прямолинейность движения времени не следует понимать так, будто прямолинейно само время. Оно мыслилось как нечто объемное, или лучше сказать — всеобъемлющее.

(Мурьянов 1978: 55, 59).

Другими словами, процесс восприятия и познания окружающего мира заключался в упорядочении определенных когнитивных структур, порождаемых чувственным опытом и неразрывно связанных между собой: пространственной структуры (представление пространства как совокупности сопряженных областей сущего) и временной структуры (представление пространства как последовательности сопряженных областей сущего). Отметим, что это соответствует пониманию бытия в современной онтологии как идентичного во всем многообразии *сущего* (КФЭ 1994: 57).

Определенный интерес представляет сравнение морфологических и смысловых особенностей таких пространственно-временных предлогов, как *до* и *перед*. Предлог *до* не является производным образованием и по форме совпадает с и.-е. *do, что позволяет предположить непосредственную связь между ними. Если рассматривать предлоги типа *перед* как производные от предложно-именных групп, отражающих "разъятие" пространства, когда из единого и неделимого *do вычленяется некоторая конкретизованная область (*перед*, *над*, *под*), то следует ожидать, что смысловое содержание в общем-то синонимичных предлогов времени *до* и *перед* будет не совпадать по своему объему. Это несовпадение связано не только с морфологической структурой

самих предлогов, но и с разными типами управления (род. п. в одном случае и тв. п. в другом), и наглядно видно из следующих примеров: *До женитьбы он был весел необычайно; Перед женитьбой он был весел необычайно.*

Первое различие в значении этих двух предлогов заключается в том, что временной интервал, на который указывает *до*, представляется гораздо более широким, чем период времени, на который указывает *перед*. Во втором предложении речь идет о времени непосредственно перед событием “женитьба”, тогда как в первом предложении подразумевается промежуток времени неопределенной продолжительности, ограниченный этим событием с одного конца. Второе различие заключается в том, что в первом предложении имплицитно противопоставление двух периодов времени — “до женитьбы” и “после женитьбы”, в результате чего возникает дополнительный смысл “после женитьбы он уже не был так весел”; во втором предложении такое противопоставление отсутствует — наоборот, можно предположить, что веселость человека, о котором идет речь, была обусловлена предстоящим событием, т. е. здесь прослеживается наличие причинно-следственной связи (женитьба — причина, веселость — следствие), при этом личностно ориентированное событие-причина подразумевает вовлеченность в это событие самого субъекта, а не какого-то другого лица.

Ср: *Они встретились до рассвета; Они встретились перед рассветом.* Если в первом предложении действие “встреча” просто ориентируется на временной оси относительно события “рассвет” и смыслом предложения является “они встретились в темное время суток после полуночи и неизвестно, когда они расстались”, то во втором предложении утверждается, что встреча предшествовала рассвету, т. е. скорее всего они расстались уже после того, как рассвело. Другими словами, употребление предлога *перед* предполагает участие, вовлеченность субъекта в событие, служащее временным ориентиром, чего нельзя сказать о предлоге *до*.

Рассмотрим еще несколько примеров:

- (1) а. *Он узнал об этом за час до подписания протокола.*
- (1) б. *Он узнал об этом за час перед подписанием протокола.*

- (2) а. *За день до закладки храма он был вызван в Синод.*
- (2) б. *За день перед закладкой храма он был вызван в Синод.*
- (3) а. *Лет за 15 до сожжения Москвы он встретился с Великим Князем.*
- (3) б. *Лет за 15 перед сожжением Москвы он встретился с Великим Князем.*
- (4) а. *За полчаса до отправления поезда он провел последнее совещание.*
- (4) б. *За полчаса перед отправлением поезда он провел последнее совещание.*

В предложениях (1а) - (4а) возможна двоякая интерпретация смысла в плане отношения субъекта к событию, служащему временным ориентиром (т. е. неизвестно, кто подписывал протокол, кто закладывал храм, кто сжег Москву, кто отправлял поезд — это мог быть как сам субъект, так и другое лицо, причем в примере (4а) событие “отправление поезда” необязательно должно рассматриваться как личностно ориентированное). Предложения (1б) - (4б) имеют скорее всего ту интерпретацию, что субъект принимал непосредственное участие в событии (т. е. это он подписывал протокол, закладывал храм, сжег Москву, отправил поезд). Таким образом, в отношении выявляемых в предложении смыслов предлог *до* выступает как немаркированный показатель, а предлог *перед* — как маркированный, что соответствует противопоставлению первичных когнитивных концептов на уровне эпистемической категоризации пространства (единое и неделимое *do vs. *do/de как выделенная, “отъятая” часть *do).

Связь времени, как когнитивного концепта, с пространственными концептами, порождаемыми на основе чувственного опыта (зрения), проявляется в неспособности человека переживать “ощущение” времени при отсутствии чувственных данных о происходящих в окружающем мире изменениях. Если человека поместить в темное звуконепроницаемое помещение на длительный

срок (классический пример – герой романа А. Дюма “Граф Монте Кристо”), то по прошествии определенного периода время для него останавливается, он теряет счет времени, поскольку отсутствует тот предметно-пространственный видеоряд, который служит основой формирования “чувства” времени; соответственно, многие из временных выражений, которыми люди пользуются в нормальной жизни — напр., *сегодня, вчера, завтра, прошлой ночью, три часа назад* и под. — теряют для него всякий смысл.

Пространственная природа временных понятий прослеживается в первичной временной дихотомии “прошедшее/настоящее” (англ. *past/present*), образующей основу лингвистического времени. Указание на необходимость учета фигуры наблюдателя при анализе лингвистической сущности понятия “настоящее” эксплицировано в самих английских терминах *present, presence*, этимология которых прослеживается от лат. *sentire* — ‘воспринимать чувствами’, *sensus* — ‘чувство, восприятие’ с приставкой *prae-*, т. е. ‘перед чувством’, ‘то, что чувственно воспринимаемо’, а не от гипотетического причастия наст. вр. **esens* глагола *esse* ‘быть’, как это дает этимологический словарь (Skeat 1956). Это значение английского слова *present* сохраняет в таких его употреблениях, как *All are present* ‘Все присутствуют’.

На семантическую проблему, связанную с латинским прилагательным *praesens*, указывали многие лингвисты. “Совершенно очевидно, что *praesens* не соотносится с *praesum*. Чтобы компенсировать отсутствие причастия от *esse*... латинский язык создал составные формы с *-sens*, такие, как *absens* от *absum*. Тогда, казалось бы, рядом с *adsum* следует ожидать **adsens*. Однако в смысле, который должен был бы соответствовать **adsens*, мы находим только *praesens*. Почему?” (Бенвенист 1974:150). Отвечая на этот вопрос, говорит Э. Бенвенист, нужно начать с восстановления точного значения *praesens*, которое не вполне согласуется с его употреблением в языке классического периода. Сравнивая различные латинские тексты, он приходит к выводу, что “*praesens* употребляется по отношению к тому, что находится “на глазах, что можно видеть, что непосредственно дано” (“наличествует”), и может поэтому, не создавая плеоназма, сочетаться с *adesse*...

как в следующих фразах: *praesens adsum* (Pl. Cic.); ... *belua ad id solum quod adest quodque praesens est accomodat* “то, что присутствует и находится у него перед глазами” (Cic., Off., I, 4)” (там же, с. 151).

Видимо, лишь большая сила традиции помешала Э. Бенвенисту сделать очевидный вывод о происхождении формы *praesens*. Эта же сила традиции (т. е. игнорирование основного пространственного значения слова *present*) заставляет Р. Хадлстона утверждать, что настоящее время не имеет значения “TS (время ситуации. — А. К.) является настоящим” (“TS is present”) (Huddleston 1984: 145), хотя настоящее время как раз имеет значение “наличествования ситуации”, т. е. “S is present” (“ситуация присутствует”). Пространственное толкование значения слова *present* логически объединяет обозначаемую этим термином понятийную категорию с понятийной категорией “прошедшее” (*past*) в базовое для большинства языков мира противопоставление, прототипической моделью для которого служат пространственные отношения между движущимся субъектом и последовательным рядом сменяющих друг друга наблюдаемых фрагментов действительности. Таким образом, в общих чертах настоящее может быть охарактеризовано как фрагмент действительности, **являющийся** объектом чувственного восприятия, а прошедшее — как фрагмент действительности, **являвшийся** объектом чувственного восприятия.

Интересны размышления М. Хайдеггера на эту тему:

Что дает повод назвать рядом время и бытие? Бытие от раннего начала западноевропейской мысли до сего дня значит то же, что присутствие. Из присутствия, присутствования звучит настоящее. «...» Бытие никак не вещь, соответственно оно не нечто временное, тем не менее в качестве присутствования оно все равно определяется временем. «...» Бытие как присутствие, однако, мы начинаем ощущать никоим образом не только и не прежде всего тогда, когда вдумываемся в раннее, достигнутое греками развертывание непотаенности бытия. Мы ощути́м присутствие при всяком простом, достаточно свободном от предрассудков осмыслении

сушего в его данности и подручной близости. Подручность, равно как наличная данность — способы присутствия.

(Хайдеггер 1993: 392 и сл.)

Подчеркнем, что приведенное нами выше толкование понятия времени не относится к времени как философской категории, в рамках которой принято выделять объективное время, измеряемое отрезками пути небесных тел, и субъективное время, основанное на сознании времени, или физическое и психологическое время (Ducrot & Todorov 1981; КФЭ 1994; Гуссерль 1994). Не идет здесь речь и о собственно грамматическом (глагольном) времени в том смысле, в каком оно понимается в современной лингвистике. В данном случае под временем понимается та базовая когнитивная структура, вокруг которой (и над которой) строятся все существующие модели и интерпретации временных отношений — будь то философия, физика, психология, лингвистика или поэтика. В этом смысле роль времени как первичной когнитивной структуры, участвующей в построении различных моделей мира, аналогична роли кирпича, из которого строится то или иное здание в соответствии с его функциональным назначением и отвечающим этому назначению проектом. Такой подход может показаться на первый взгляд упрощенческим, однако если мы зададимся целью проследить истоки той или иной модели временных отношений, мы неизбежно придем к общей для всех случаев отправной точке — концептуальному единству понятий пространства и времени. Не случайно в современной физике время рассматривается как всего лишь координата в четырехмерном континууме (Берке 1985), ибо, согласно современной теории пространства, между событиями различных движущихся систем не может быть никакой одновременности, потому что в материальном мире нет никакого времени; ему не присуща никакая временность. Как подчеркивал А. Венцль, “единственным реальным событием являются переживаемые (одно за другим) восприятия субъекта, переходящего континуум “вдоль мировой линии своего тела”. Но для физикалистского мира, для объекта восприятия не подходит больше никакая временность, в нем ничего не происхо-

дит, он просто есть” (КФЭ 1994: 270). Другими словами, время вне человека не существует.

Но что же, в таком случае, представляет собой лингвистическое время, то время, которое принято противопоставлять времени объективному, и которое конституируется различными языковыми единицами так называемой “временной семантики”? Даже если не принимать в расчет тот факт, что естественнонаучное понимание времени ставит под сомнение самое существование “объективного” времени как самостоятельного атрибута материального мира, все равно остается почва для противопоставления по крайней мер двух сторон идеи времени, связанных с его пониманием как некоего “континуума жизни” и как системы абстрактных отношений, проявляющихся в языковых средствах представления этого континуума⁶. Материальной почвой для такого противопоставления служит наличие в некоторых языках разных слов для обозначения “времени жизни” и лингвистического (грамматического) времени, например, *time* и *tense* в английском, *Zeit* и *Tempus* в немецком.

Ответ на вопрос нужно искать на эпистемологическом уровне различия между временем как базовым когнитивным концептом и временем как абстракцией, позволяющей рассматривать и описывать материальный мир как систему отношений в отвлечении от конкретных предметно-пространственных манифестаций объектов, составляющих эту систему. На уровне чувственных переживаний, предшествующих гуссерлевому “внутреннему сознанию времени”, время “является” человеку в одном виде: это настоящее, то «теперь», которое переживается как непосредственная данность (говоря словами Т. Элиота, “все время есть время настоящее”); “будущее, настоящее, прошедшее суть абстракции от этого естественного понятия времени” (КФЭ 1994: 77; см. Close 1959).

⁶ Подробнее о различных подходах к описанию времени см. (Яковлева 1994).

Любая абстракция строится на определенной совокупности конкретных фактов, составляющих эмпирический опыт человека и образующих основу всякого знания вообще. Построение языковой системы времени человеком основано на рефлексии, объектами которой выступают объекты текущего и предшествующего восприятия — именно поэтому языковое время во многих языках мира формировалось как система бинарных противопоставлений (“настоящее/прошедшее”), отражающая сферу человеческого опыта. Другими словами, время как понятийная категория есть способ категоризации опыта, данного в ощущениях, оно антропогенно по своей природе, существует в сознании человека и не является отражением трансцендентной сущности под названием “объективное время”.

3.3. Языковая функция грамматического времени

3.3.1. Темпоральная локализация и точка отсчета

Обычно сущность категории времени определяется как локализация действия (состояния) на временной оси (Горшкова, Петрухина 1990; Козинцева 1991), однако при интерпретации понятия временной локализованности возникают определенные трудности. По определению, линейная система координат, в которой осуществляется такая локализация, имеет своей точкой отсчета *hic et nunc* говорящего (так называемое абсолютное время), либо какую-то другую точку (относительное время), т. е. фактически речь идет о двух действительных системах координат. Каково соотношение между ними? Как они сопрягаются, и что влияет на выбор той или иной точки отсчета?

В соответствии с общепринятой традицией, настоящее трактуется как член темпоральной трихотомии “прошедшее/ настоя-

щее/будущее”, образующей, в соответствии с классической интерпретацией, геометрическую “ось времени”:

Рис. 6. Геометрическая ось времени

Настоящее рассматривается как точка отсчета временной оси, а сама эта точка отождествляется с прагматическим фактором, получившим название “момент речи” (Bull 1960; Prior 1967; Prior & Fine 1977; Langacker 1991; Givón 1993; Trask 1993), который является референтом слова *сейчас* (Kamp 1971). Соответственно, референтом грамматического времени ПРОШ. является время “до момента речи” (“перед *сейчас*”), а референтом грамматического времени БУД. — время “после момента речи” (“после *сейчас*”) (Jespersen 1929; Quine 1964; Huddleston 1984; Bache 1985; Fleischman 1989; Кирвалидзе 1989 и др.). Референт слова *сейчас* обычно отождествляют с моментом его озвучивания (В. Taylor 1985: 62), в связи с чем утверждается, что каждое последующее произнесение *сейчас* обозначает другое время (Gale 1968: 214; Zemach 1972). Каждое последующее произнесение слова *сейчас* происходит (объективный факт) в другое время, но из этого не следует, что *сейчас* обозначает (языковая функция) другое время.

Утверждение, что каждое последующее произнесение *сейчас* обозначает другое время, исходит из того, что всякое высказывание характеризуется определенной протяженностью во времени. Но это значит, что произнесение каждого последующего слова в высказывании происходит в другое время, ср.: *Сейчас он понимал всю нелепость своих подозрений.* В данном высказывании все слова, следующие за словом *сейчас*, озвучиваются в моменты

времени, отличные от времени озвучивания *сейчас*, поэтому если значение *сейчас* связано только с моментом его произнесения, оно не может характеризовать пропозицию, выраженную в высказывании, и вопрос о языковой функции слова *сейчас* попросту повисает в воздухе.

Если озвучивание каждого последующего слова в высказывании происходит в определенный момент времени, тогда озвучивание всего высказывания происходит в *n* моментов, которые составляют определенный период времени. Другими словами, время речевого действия соотносится не с точкой, а с ограниченным процессом (Langacker 1982: 286); “настоящее не мимолетно, не преходяще: оно присутствует и длится” (Бубер 1993: 11). Таким образом, “момент речи” отнюдь не моментален (Зельдович 1995), поэтому термин не имеет четкого смыслового наполнения — неслучайно на его неудобство неоднократно указывалось в литературе (Милейковская 1956; Benthem 1980; Q. Smith 1989; Попов 1989). Соответственно модель временных отношений, в которой настоящее представляется точкой (рис.6), не позволяет дать последовательного объяснения особенностям функционирования форм настоящего времени, так как зачастую в разных языках эти формы употребляются для обозначения событий, которые логически относятся к сферам прошлого или будущего. Ср. *Как говорит Сократ, ничто не может повредить хорошему человеку; Завтра я еду в Иркутск*. В этой связи часто говорят о немаркированном характере формы настоящего времени как члена грамматической категории (Ivič 1962; Chrystal 1966; Frege 1967).

Противоречие между осознаваемым интервальным характером настоящего и моментом речи как точкой отсчета системы так называемых “абсолютных” времен наглядно прослеживается в схеме временных отношений, предложенной Т. И. Дешериевой (рис. 7). Она дает следующие определения трех временных планов: прошлое (П) — временной интервал, бесконечный слева от момента отсчета (МО) и ограниченный им справа; будущее (Б) — интервал, бесконечный справа от МО и ограниченный слева этим моментом; настоящее (Н) — любой временной интервал, содер-

жащий в себе МО (Дешериева 1975: 114). Таким образом получается (и это хорошо видно на схеме), что настоящее включает в себя одновременно и часть прошлого, и часть будущего, т. е. с точки зрения логических отношений мы имеем дело с явной антиномией.

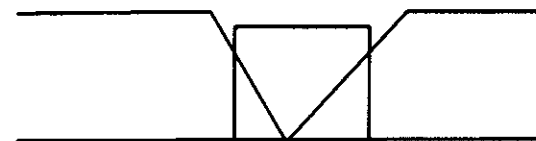

Рис. 7. Интервальная модель настоящего

Неясность существует и в отношении дополнительной точки отсчета, привлекаемой для интерпретации так называемых “относительных” времен — таких, как формы перфекта и прогрессива в английском. В свое время Г. Рейхенбах (Reichenbach 1947/1951) предложил модель временных отношений, инкорпорирующую обе точки отсчета (собственно момент речи, или *hīc et nūnc*, и вторую точку отсчета, или точку соотнесения [point of reference]). Хотя эта модель получила широкое распространение, она все же страдает существенным недостатком. Интуитивно понимая недостаточность момента речи как аргумента грамматической функции времени и указывая на необходимость привлечения дополнительного фактора, Г. Рейхенбах не пытался раскрыть прагматическую сущность этого фактора, поэтому, как справедливо указывает Дж. Динсмор, эта “точка соотнесения” остается, по сути, “вещью в себе” (Dinsmore 1982). Предпринимавшиеся же иногда попытки объяснить природу этой точки соотнесения — в частности, через такие понятия, как “самосознание рассказчика”, “взгляд камеры” (Couper-Kuhlen 1989) — нельзя признать до конца удовлетворительными.

Мы не будем здесь подробно рассматривать вопрос о природе точки соотнесения и останавливаться на анализе значения слов *здесь* и *сейчас*, а лишь отошлем заинтересованного читателя к работам (Кравченко 1992а; 1995б), в которых этот и другие связанные с ним вопросы рассматриваются довольно подробно, и где делается следующий вывод: центром координации, или точкой отсчета, различных видов указания (не только временного, но и указания на место и на лицо) является человек как субъект познания окружающей действительности, или субъект восприятия. Этот прагматический фактор играет важнейшую роль в формировании языковой картины мира, а потому должен учитываться в любом серьезном исследовании языка.

Итак, точкой отсчета временного указания является фигура наблюдателя. Из этого положения вытекают весьма важные для временной теории следствия. Первое из них заключается в том, что в основе понятия “настоящее” лежит соотнесение того или иного действия не с моментом речи, а с моментом наблюдения, и уже в силу одного этого факта настоящее следует рассматривать не как абсолютную исходную точку определения временного плана, который в этом случае обычно характеризуется как “абсолютное время” (Кр. рус. грам. 1989), но как относительный центр координации осуществляемого временного указания, обладающий шифтерным характером (рейхенбаховская “точка соотнесения”). Этим объясняется употребление форм будущего времени в русском языке в примерах типа *Он уже вчера знал, что в поход его не возьмут*, которые в грамматиках квалифицируются как относительное время: “форма *возьмут* обозначает действие как будущее не по отношению к моменту речи, а по отношению ко времени осуществления процесса, названного формой *знал*. Это значение будущего действия формы *возьмут* и является ее относительным значением” (там же, с. 279). С подобным утверждением нельзя согласиться, поскольку а) все временные значения по своей природе относительны, б) точкой отсчета в приведенном примере является не процесс *знал*, а настоящее, определяемое как время осознания осуществляемого “им” восприятия. С точки зрения языка, настоящее есть осознаваемое наблюдателем воспри-

ятие того или иного фрагмента действительности, оно ориентировано на наблюдателя как источник сообщаемой в высказывании информации⁷ — поэтому в приведенном примере, где таким наблюдателем является лицо “он”, форма *возьмут* отсылает ко времени, ориентированному относительно момента наблюдения (т. е. настоящего), она выполняет свою естественную языковую функцию, и говорить об абсолютном (первичном) или относительном (вторичном) значении временной формы глагола в данном случае неуместно.

Вообще, понятия “абсолютное” и “относительное”, применяющиеся для характеристики временных отношений, напрямую заимствованы из сферы пространственных отношений, где различают абсолютную и относительную удаленность предметов, т. е. удаленность от наблюдателя или одного предмета относительно другого (Логвиненко, Столин 1982). Однако, когда мы говорим *Предмет А удален от предмета В на Х метров*, означает ли это, что фигура наблюдателя при этом никак не учитывается? Выражение *Предмет А удален от предмета В на Х метров* предполагает, прежде всего, что предмет В идентифицирован в некоторой системе координат, что позволяет противопоставлять предмет А именно предмету В, а не предмету С или D. Такая идентификация в общем случае основана на зрительном восприятии, устанавливающем определенную связь между наблюдателем и наблюдаемым предметом, при этом предмет А не может находиться на векторе взгляда, направленного на предмет В, так как в этом случае мы бы сказали *Предмет А ближе предмета В на Х метров* либо *Предмет В удален от предмета А на Х метров*.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, пространственные отношения не существуют вне человека; выражение же *Предмет А удален от предмета В на Х метров* устанавливает такое отно-

⁷ На это указывал У. Булль в своей известной работе: “Любой акт наблюдения, реальное переживание любого события автоматически становится осью ориентации. Этот акт есть объективный референт термина “настоящий момент” (point present)” (Bull 1960: 17).

шение, помещая эти предметы на одной геометрической линии, точкой отсчета которой является предмет В. Откуда возникает эта линия? Очевидно, что эта линия репрезентирует вектор направления взгляда наблюдателя, как если бы он помещался в той же точке пространства, что и предмет В, т. е. говорящий (он же наблюдатель) проецирует свое местоположение на точку, в которой находится предмет В. Следовательно, относительная удаленность также предполагает учет фигуры наблюдателя, и схема пространственных отношений имеет следующий вид (рис. 8):

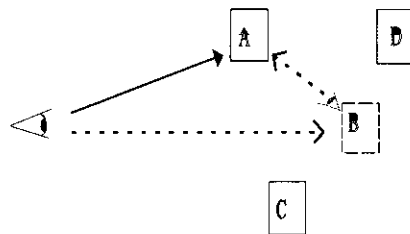

Рис. 8. Абсолютная и относительная удаленность предметов

Эта схема дает представление о том, откуда берется и что собой представляет та точка отсчета, на которую ориентированы так называемые относительные времена.

Можно ли говорить о том, что грамматическое время служит для темпоральной локализации обозначенного глаголом события или состояния? Ср.: *Иван пришел домой; Иван придет домой*. Референциальные сферы ПРОШ. и БУД. (рис. 9) представляют собой открытые (потенциально бесконечные) пространства, поэтому количество возможных референтов для соответствующих грамматических форм практически не ограничено. Речь в данном случае следует вести не о темпоральной локализации, а о

темпоральной ориентации, так как референт грамматической формы не является, строго говоря, фиксированным (локализованным). Референтная сфера НАСТ. также представляет собой пространство, а отнюдь не точку, причем пространство это по своей природе аналогично размытым множествам, поскольку не имеет четко фиксированных границ. Его конкретные размеры определяются тем, какую сферу опыта говорящий/наблюдатель включает в свое личное пространство⁸. Личное пространство как психологический феномен есть отражение базовой когнитивной структуры, лежащей в основе порождения всех других структур человеческого знания о мире (см. предыдущий раздел), в том числе структуры временных отношений. Личным пространством обладает каждый человек, оно является той сферой подручного опыта, которой противопоставляются все остальные знания и представления о мире. Системный характер пространственных когнитивных структур отражается, в частности, в особенностях функционирования местоименного наречия *здесь*, значением которого является указание на пространство наблюдателя.

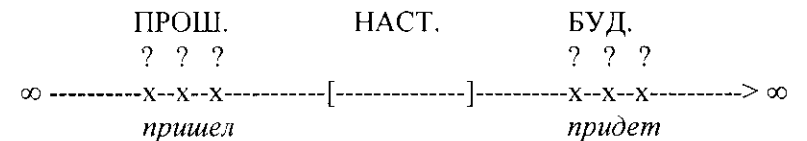

Рис. 9. Ориентация событий на временной оси

Соотношение между факторами “наблюдатель” и “говорящий”, определяющее прагматическую перспективу высказывания и проявляющееся в его синтаксической организации, влияет на

⁸ Подробнее о личном пространстве и его роли в интерпретации местоименных наречий места и времени см. (Кравченко 1992а: 29 и сл.).

выбор временной формы глагола. Ср.: *Он осмотрелся. Работы здесь **предстояло** много* = *Он осмотрелся и увидел* (= 'пришел к выводу'), *что работы здесь **предстоит** много*. Оба высказывания эквивалентны по своему пропозитивному содержанию, хотя и различаются по форме (два простых предложения в одном и одно сложноподчиненное в другом). Это формальное различие обусловлено разной прагматической перспективой: в первом случае в предложении *Работы здесь **предстояло** много* мы имеем дело с одновременным указанием на две различных точки отсчета: *здесь* указывает на наблюдателя как источник информации, образующей пропозитивное содержание предложения, тогда как форма прошедшего времени *предстояло* указывает на говорящего/ наблюдателя, личное пространство (и, соответственно, настоящее время) которого отличны от личного пространства и настоящего времени наблюдателя, т. е. для говорящего *здесь* равнозначно *там*. Другими словами, говоря *Работы здесь **предстояло** много*, говорящий сообщает информацию, указывая при этом, что источником этой информации является другое лицо, а самый акт категоризации этой информации предшествует моменту осуществления высказывания. В случае сложноподчиненного предложения указание на говорящего осуществляется формами прошедшего времени глаголов *осмотрелся* и *увидел*, а форма *предстоит* в придаточном предложении отсылает к наблюдателю, вступая в эпистемическое согласование с индикатором места *здесь* именно потому, что *работы здесь **предстоит** много* не является самостоятельным предложением, а зависит от когнитивного глагола *увидел*, моделирующего ситуацию непосредственного восприятия.

В придаточных изъяснительных, следующих за глаголом восприятия в основном значении в прош. времени и описывающих воспринимаемое событие, как правило употребляются формы наст. времени, ср.: *Он услышал, как за стеной кто-то плачет/*плакал; Она заметила, что Петр делает/*делал что-то не то* и т. п. Форма наст. вр. в придаточном предложении ориентирует обозначенное глаголом действие относительно момента восприятия, или настоящего времени наблюдателя, т. е. ситуация

описывается с точки зрения субъекта восприятия, а не с точки зрения говорящего, который в принципе не может знать, что чувствует другое лицо. Употребление в главном предложении глаголов восприятия несовершенного вида ведет к возможности употребления как наст., так и прош. времени в придаточном предложении, ср.: *Он слышал, что за стеной кто-то плачет/плакал; Она видела, что Петр делает/делал что-то не то*. Наст. время в придаточном предложении указывает на то, что обозначенное глаголом действие ориентировано на субъект "он" ("она"), т. е. глагол восприятия в главном предложении употреблен в своем основном значении, а придаточное "изъясняет" ощущения субъекта восприятия. Прош. время в придаточном предложении ориентирует обозначенное глаголом действие на говорящего как наблюдателя, т. е. пропозиция в придаточном предложении строится на информации, которой располагает говорящий, поэтому придаточное "изъясняет" отношение говорящего к тому, что сообщается в главном предложении. Это ведет к семантическому сдвигу в значении глагола восприятия, который приобретает значение, свойственное ментальным предикатам ('знать', 'понимать', 'осознавать'), т. е. 'Он знал, что P', 'Она понимала, что P', а высказывание в целом приобретает оценочный характер: *Он слышал, что за стеной кто-то плакал* ('но не обратил на это внимания'); *Она видела, что Петр делал что-то не то* ('но ничего не приняла').

3.3.2. Грамматическое время и когнитивные структуры

Понимание когнитивной природы понятия "настоящее" дает ключ к интерпретации явлений, связанных с функционированием форм настоящего времени глагола. Так, в "Краткой русской грамматике" формы настоящего делятся на: 1) собственно настоящее (актуальное), когда речь идет о процессе, совпадающем

с моментом речи: *Ребенок спит; Девочка поет песенку*; 2) несобственно настоящее (неактуальное), имеющее значение настоящего постоянного, когда осуществление процесса не имеет временных ограничений (*Поселок окружают горы; Реки впадают в моря и океаны*), и настоящего абстрактного, обозначающего повторяющиеся, типичные процессы, проявление которых не связано с определенным временным планом (*Физически не закаленные люди часто простужаются; Обычно я гуляю в саду*) (Шведова, Лопатин 1989: 280; Горшкова, Петрухина 1990). Кроме того, в русской грамматической традиции принято выделять так называемое “настоящее в значении будущего”⁹.

Нетрудно видеть, что такая классификация форм настоящего времени полна противоречий и не способствует пониманию того, в чем же заключается собственно языковая (грамматическая) функция настоящего времени. Эта противоречивость объясняется, в первую очередь, тем, что грамматическое значение настоящего времени, да и категории времени вообще, выводится на семантических основаниях, и самая грамматическая категория времени толкуется как семантическая категория, что является следствием неверно выбранной методологии. (Заметим, что это в равной степени относится и к грамматической категории вида, о чем речь пойдет в следующей главе).

Разные “значения” форм настоящего времени не являются содержанием грамматической формы глагола типа *поет* или *гуляю*, они представляют собой всего лишь семантические конструкты, выводимые из смысла предложения, в котором эти формы употреблены. В простом нераспространенном предложении, дающем минимальный контекст для возможной интерпретации, семантические критерии неприменимы, ср.: *Она поет*. Идет ли здесь речь о процессе, совпадающем с моментом речи, или о повторяющемся процессе? Мы этого сказать не можем. Тем не менее, форма

⁹ О необоснованности такого подхода в толковании значения настоящего времени глагола в предложениях типа *Завтра она улетает в Прагу* см. (Булыгина, Шмелев 1992).

поет обладает определенным грамматическим значением, поскольку ей противостоят формы прош. и буд. времени (*пела, будет петь*) — ведь именно это противопоставление составляет основу выделения морфологической категории глагольного времени.

Большая часть противоречий и алогизмов в толковании значения категории времени (ср., напр., такой алогизм, как “отсутствие временных ограничений у действия, обозначенного формой настоящего времени”) проистекает из того, что неверно понимается точка отсчета, относительно которой ориентируются те или иные действия (события). Как было показано выше, грамматическое время есть языковое отражение определенной когнитивной структуры, формируемой на основе пространственного опыта. Весь эмпирический опыт делится на две сферы — сфера наличного (подручного по Хайдеггеру) опыта, образующая личное пространство субъекта, и сфера опыта, лежащая за пределами этого пространства. В этом делении — истоки первичной временной дихотомии “настоящее/не-настоящее”, которая проявляется в морфологических особенностях категории глагольного времени.

Во многих языках морфологически оформленным является противопоставление “настоящее/прошедшее”, при этом маркированным членом оппозиции как правило являются формы прошедшего времени. В русском языке это обычно суффикс *-л-*, в английском *-ed*, в немецком *-te*. Когда же речь заходит о формах будущего времени (в тех языках, где такие формы выделяются грамматистами), в среде лингвистов-теоретиков нередко возникают споры об их отнесенности к собственно категории времени. Так, в английском языке форма прошедшего времени Past Simple образуется синтетическим способом с помощью суффикса (*work - worked*), а форма будущего времени Future Simple — аналитическим способом с помощью вспомогательного глагола *will* (*work - will work*), который в своем основном значении функционирует как модальный глагол волеизъявления.

Приверженцы строгих принципов выделения грамматических категорий по формальным основаниям считают, что форму *will*

work нельзя рассматривать как собственно временную форму, поскольку, с одной стороны, она представляет собой модальное выражение, аналогичное выражениям с другими модальными глаголами (*can work, must work* и т. п.), а с другой стороны, сочетания типа *will work* могут одновременно выражать как будущее, так и прошедшее время (так называемое “будущее в прошедшем” — *would work*), что в терминах грамматической категории представляется бессмыслицей (Бархударов 1975). Другие лингвисты, исходя из того, что временные отношения, выражаемые посредством глагольных форм, основаны на двух разных типах формальных оппозиций, говорят о двух временных категориях в английском языке, например, ретроспективном (первичном) и проспективном времени (Blok 1983: 139).

В русском языке наблюдается аналогичная картина. Прошедшее время глаголов, определяемых в русской грамматической традиции как глаголы несовершенного вида (НСВ), таких, как *работать, делать* и под., образуется синтетическим способом (*работал, делал*), тогда как будущее время имеет аналитическую форму, где в качестве особого показателя времени употребляется вспомогательный глагол *быть* (*будет работать, будет делать*). Будущее время глаголов, определяемых как глаголы совершенного вида (СВ), таких, как *отработать, сделать* и под., имеет синтетическую форму (*отработает, сделает*), но в плане морфологической структуры такие формы есть формы настоящего времени, подвергшиеся функциональному сдвигу, поэтому с точки зрения механизмов языковой категоризации они не могут рассматриваться как показательные для грамматической категории глагольного времени.

Исторически, становление временных систем во многих языках проходило в два этапа. На первом этапе формировалось первичное противопоставление “прошедшее/настоящее”, которое отражало членение действительности в соответствии с двумя сферами человеческого опыта, категоризируемого на основе базовых когнитивных структур пространства и времени. Одной из этих сфер является личное пространство субъекта, или сфера на-

личного опыта, которая образует область референции настоящего:

Настоящее — не та точка, которая лишь обозначает отмечаемое каждый раз в мыслях окончание “протекшего” времени, видимость зафиксированного конца, а подлинное, наполненное настоящее — существует лишь тогда, когда осуществляются присутствие, встреча, отношение.

(Бубер 1993: 11).

Другую сферу образует сфера опыта, лежащая за пределами личного пространства, т. е. пространство пройденного опыта. На втором этапе, по мере накопления знаний об устройстве мира, выявления в нем причинно-следственных связей и т. п., происходило дальнейшее членение сферы наличного опыта на сферы опыта реального, данного в ощущениях и переживаниях, и опыта прогнозируемого, предполагаемого, “лежащего впереди”. Как отмечал Б. Уорф, все, существующее в сознании человека, делится на чувственное и не-чувственное:

Мы можем назвать чувственное — то, что мы видим, слышим, осязаем — “настоящим”, в то время как в не-чувственном обширный образный мир памяти получает название “прошедшего”, а другая сфера верований, интуиции и неопределенности — название “будущего”.

(Whorf 1958: 143).

Необходимость разграничения этих сфер, обусловленная потребностями прагматически направленной деятельности человека, привела к становлению специальных языковых форм, получивших название будущего времени. Отметим, что во многих примитивных языках временные отношения представлены двухчленной структурой “прошедшее/настоящее” или “прошедшее/не-прошедшее”.

Дискуссии о том, являются ли формы будущего времени в языках с трехчленной временной структурой собственно грамматическими формами времени или нет, не имеют принципиально-

го характера. Если исходить из того, что языковые формы отражают определенным образом категоризованные когнитивные структуры, то вопрос о грамматическом статусе форм будущего времени может быть разрешен двояким способом, в зависимости от того, берем ли мы за основание системы языкового времени лишь базовые когнитивные структуры, построенные на чистом опыте — в таком случае временные отношения предстают как оппозиция “прошедшее/ настоящее”, либо также и вторичную когнитивную структуру, построенную на абстракции — и тогда мы имеем дело с привычной трихотомией “прошедшее/настоящее/будущее”. Распространенный способ представления временных отношений в виде геометрической оси есть не что иное, как графическая репрезентация процесса познания и категоризации действительности посредством опыта.

3.4. Время и имя

3.4.1. Временной компонент в значении имени

В предыдущих разделах, посвященных проблеме языкового времени, речь преимущественно шла о когнитивной природе концепции времени и функциональном предназначении грамматической категории глагольного времени, обусловленном этой природой. То, что временные понятия и отношения порождаются на основе определенных когнитивных структур, связанных с категоризацией пространственного опыта, заставляет признать необходимость рассмотрения того, каким образом эти структуры проявляются в значении и функционировании не только грамматических (временных) форм глагола, образующих систему выражения межпредметных отношений в отвлечении от конкретных предметно-пространственных манифестаций объектов, эту систему составляющих, но и номинативных единиц (именных

групп), поскольку имя — в логическом понимании этого термина — “выражает свойство, которое предидируется, как правило, непосредственно внеязыковому объекту (референту имени)” (Кронгауз 1989: 5).

По выражению Р. Лангакера, “значение [языковых единиц. — А.К.] нужно искать в сфере когнитивных процессов”, ассоциируемых с когнитивными областями, из которых основными являются человеческий опыт пространства и времени (Langacker 1987: 56). Как было показано во 2-й главе, понятие предметности самым непосредственным образом связано с понятием места, но коль скоро временные отношения в языке строятся по пространственной модели, когнитивные временные структуры так или иначе должны затрагивать сферу функционирования именных единиц, в частности, их референциальные особенности. В качестве герменевтического обоснования этого положения можно привести следующий тезис Х.-Г. Гадамера:

Человек, живущий в мире, не просто снабжен языком как некоей оснасткой — но на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть м и р . Для человека мир есть “тут” в качестве мира; ни для какого другого живущего в мире существа мир не обладает подобным тут-бытием. Однако это тут-бытие мира есть бытие языковое. Не только мир является миром лишь постольку, поскольку он получает языковое выражение, — но подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нем выражается мир. Таким образом, исконная человечность языка означает вместе с тем исконно языковой характер человеческого бытия-в-мире. «...» В языке выражает себя сам мир. Языковой опыт мира “абсолютен”.

(Гадамер 1988: 512-513, 520).

Для человека мир как тут-бытие есть сущность, отражаемая и представляемая в языке через призму восприятия. Первичными объектами восприятия выступают предметы и места, поэтому понимание времени как когнитивной структуры пространственной природы (последовательность сопряженных областей сущего, являющихся восприятию) подразумевает включенность пред-

метных сущностей в структуру концептуального представления времени. Предметы со свойственными им признаками вступают в отношения, именуемые временными и категоризируемые посредством языка как система грамматических временных форм; но если межпредметные связи в их отношении к наблюдающему мир субъекту образуют реальную основу системы языкового времени, то и сами предметы, вступающие в такое отношение, не могут не обладать свойством временности. В этой связи вполне правомерна постановка вопроса о том, что семантическая характеристика имени должна включать временной компонент:

Грамматические глагольные и неграмматические временные показатели времени устроены с точки зрения семантики по существу одинаково: они ориентируют событие, действие или обладание свойством во времени относительно некоей временной точки, так называемой точки отсчета (например, прошедшее время глагола и слово *бывший* свидетельствуют о том, что событие, обладание свойством и т. д. предшествовало точке отсчета).

(Кронгауз 1989: 5).

Грамматическое время глагола осуществляет референцию к той или иной сфере человеческого опыта, порождающим ядром которой служит перцептуальное пространство. Материальным наполнением перцептуального пространства являются предметные сущности в их конкретно-чувственной манифестации, т. е. они обладают свойством временности. Тот факт, что имя выражает временное свойство, означает, что референт данного имени обладает этим свойством лишь в определенный период времени. “Понятие временного свойства относительно и зависит от того, что понимается под объектом-обладателем свойства. ... Выражать временное свойство способны не только имена *пьяный, всадник* и т. п., но и, например, *человек* [ср.: *В предыдущем рождении он был человеком.* — А.К.]. Понимаемую таким образом “временность” следует отличать от понятия временной локализованности” (там же, с. 6).

Наличие временного компонента в семантике имен весьма существенно для интерпретации особенностей функционирования именных групп, поскольку смысла именной группы — например, *ректор МГУ, чемпион мира по шахматам, президент США* и т. п., — используемой для конкретной референции, часто бывает недостаточно для того, чтобы выделить тот самый единственный объект, с которым она соотносится. Как отмечает М. А. Кронгауз (1988), в каждый момент времени они обозначают не более одного объекта, так что их экстенционал являет собой ряд объектов, упорядоченных во времени. Каждому объекту соответствует период времени, в который данный объект обладает данным свойством, причем эти периоды не пересекаются.

Временной компонент в семантике имени довольно часто проявляется в эпистемическом согласовании именных и глагольных показателей времени. Так, например, в английском языке особенности категориальной семантики перфекта, обусловленные когнитивным содержанием категории вида (см. Кравченко 1990а), требуют эпистемического согласования субъекта, выраженного конкретно-референтной именной группой, с предикатом, поскольку употребление формы Present Perfect (в отличие от Past Simple) предполагает, что референт субъекта существует в настоящем. Нарушение этого условия ведет к семантической аномалии, и высказывание становится неприемлемым, ср.: *The Hittites produced few great sculptors; *The Hittites have produced few great sculptors; Einstein visited Princeton; *Einstein has visited Princeton.*

Аналогичные явления отмечаются в русском языке: *Древние римляне были большими мастерами по части инженерных сооружений; *Древние римляне — большие мастера по части инженерных сооружений.*

Примером имен с ярко выраженным временным компонентом в значении (т. е. имен, чьи референты всегда обладают свойством временности) являются русские причастия, занимающие промежуточное положение между глаголом и собственно именем, и чье функционирование в высказывании определяется общей прагматической перспективой, обусловленной соотношением наблюда-

теля и говорящего. Употребление причастия наст. вр.¹⁰ в предложении с предикатом прош. времени моделирует когнитивную ситуацию, в которой субъектом восприятия выступает субъект действия, обозначенного глаголом: *Иван подошел к плачущему мальчику*. Высказывание такого рода обладает сложной прагматической перспективой: с одной стороны, говорящий (автор высказывания) описывает двухсобытийную ситуацию со своей точки зрения как имевшую место в прошлом — на это указывает форма прош. вр. глагола *подошел*; с другой стороны, второе событие (“плач мальчика”) характеризуется как наличествующее в перцептуальном пространстве (т. е. в сфере настоящего) субъекта *Иван*, на что указывает форма причастия наст. вр. *плачущий*. С помощью этой формы говорящий указывает на то, что источником информации о втором событии является *Иван*, на чей чувственный опыт и ссылается говорящий. Употребление причастия прош. времени, временное свойство референта которого согласуется с временным показателем глагола, выравнивает прагматическую перспективу предложения, ориентируя оба действия относительно настоящего времени говорящего, при этом источник информации о втором событии остается неэксплицированным: *Иван подошел к плакавшему мальчику*.

В качестве примера эпистемического согласования временных показателей имени и глагола можно привести следующее высказывание: *По словам очевидцев аварии, человек, сидевший/ *сидящий рядом с водителем, умер сразу*. Несмотря на то, что в высказывании имеется прямое (лексическое) указание на источник информации (*очевидцы*) о событии “авария”, причастие наст. вр., указывающее на этот источник, не может быть употреблено, так как с его помощью предикцируется признак референта, отсутствующего в наблюдаемой очевидцами ситуации: человек, о ко-

¹⁰ Для удобства мы пользуемся здесь принятой в грамматиках терминологией, в соответствии с которой формы причастия делятся на прош. и наст. время, хотя такое деление не отражает собственно грамматической функции причастия.

тором идет речь, умер, он больше не существует. Фактически мы здесь имеем дело с двухступенчатой эпистемической категоризацией: прош. время глагола *умер* ориентирует объект-обладатель признака относительно времени наблюдения ситуации (референт имени *человек* бытийно принадлежит прошлому), а это временное свойство референта, в свою очередь, требует согласования временного свойства признака (*сидевший*).

3.4.2. Эпистемические показатели имен-синонимов

В русском языке существует значительное количество именных пар, образованных от одного и того же глагола, но имеющих разную морфологическую структуру — таких, как *прошлый/ прошедший, былой/ бывший, усталый/ уставший, обгорелый/ обгоревший* и т. п. Признак или свойство, предикцируемый объекту членами таких пар, один и тот же, поэтому, казалось бы, их можно рассматривать как синонимы. В пользу этого говорят и словарные дефиниции, ср.: *прошедший* - ‘прошлый, минувший’; *прошлый* - ‘предшествующий настоящему, минувший’ (Ожегов 1990). Из таких дефиниций абсолютно неясно, есть ли смысловое различие между двумя словами, а между тем такое различие есть, и оно регулярно проявляется в особенностях употребления этих слов, которые, как правило, не являются взаимозаменяемыми. Ср.: *Он порвал с прошлой/ *прошедшей жизнью; Вся прошедшая/ *прошлая жизнь промелькнула перед его мысленным взором; Он часто вспоминал былой/ *бывшее начальство; Он часто вспоминал *былого/ бывшего начальника; Уже прошел былой/ *бывший задор; Из пламени пожара вылезло ?обгорелое/ обгоревшее существо; Он сел на обгорелое/? обгоревшее бревно* и т. п. Что влияет на выбор того или иного слова, входящего в синонимическую пару?

Прежде всего, отметим морфологические различия в структуре рассматриваемых слов. Первый член пары представляет собой отглагольное прилагательное, образованное от формы прошедшего времени глагола СВ или НСВ с суффиксом *-л-*. Второй член пары — это адъективированное причастие прош. времени (так эта форма квалифицируется в грамматиках) от этого же глагола. Таким образом, в значении обоих слов временной компонент маркирован грамматическим (морфологическим) способом и указывает, что референтной областью объекта-носителя признака является временная сфера прошлого. Очевидно, что особенности функционирования парных синонимов определяются различием смыслов, закрепленных за разными морфологическими формами глагола. В чем состоит это смысловое различие? Существующие грамматики ответа на этот вопрос не дают.

Рассмотрим для начала пару слов, морфологически аналогичных приведенным выше, но не связанных отношением синонимичности, поскольку причастие не является адъективированным: *лежалый* - *лежавший*. Ср.: *В лавке торговали лежалым/ *лежавшим товаром*. И прилагательное, и причастие имеют общую основу глагола НСВ *лежать*, однако *лежалый* образовано непосредственно от формы прош. вр. *лежал*, к которой добавляется окончание прилагательного, а *лежавший* — от вариантной формы деепричастия *лежавши*, которое, в свою очередь, образовано от собственно глагольной основы с помощью суффиксального морфа *-вши-* и окончания *-й*. Следовательно, смысловое различие между прилагательным и причастием обусловлено различием грамматическим, оно связано с разным грамматическим значением форм *лежал* и *лежавши*. В чем состоит это значение? (Отметим, что поскольку временное значение у деепричастий морфологически не выражено, остается непонятным возникновение этого значения у производных от них причастий.)

“Причастие и деепричастие выражают временные значения, имеющие некоторые отличия от значения времени спрягаемых форм” (Шведова, Лопатин 1989:264). Обычно эти различия рассматриваются и интерпретируются в рамках теории таксисных отношений (Якобсон 1972; ТФГ 1987), некоторые спорные во-

просы которой мы рассматривали ранее (Кравченко 1992а). Остановимся лишь на отдельных моментах, связанных с проблемой выражения временных отношений личными и неличными формами глагола.

В рамках распространенного толкования времени как семантической категории его значение связывают с представлением процесса как уже осуществленного (прош. вр.), осуществляемого (наст. вр.) или как процесса, который будет осуществляться (буд. вр.) (Шведова, Лопатин 1989). Это ведет к неизбежным противоречиям в интерпретации частных временных значений, о чем уже упоминалось выше. Так, в предложении *Иду я вчера по улице, и вдруг вижу — человек из окна вылезит* употреблены формы наст. времени, хотя очевидно, что речь идет о процессах, уже осуществившихся. С другой стороны, хотя значение времени в деепричастии морфологически не выражено, принято выделять и классифицировать выражаемые ими временные значения как отношения одновременности, предшествования или следования по отношению к процессу, названному определенной формой глагола (таксис). Таким образом, мы имеем два разных определения сущности временных отношений, выражаемых глагольными формами, при этом во втором случае остается непонятным, как может выражаться грамматическое значение формой, не имеющей морфологического показателя этого значения.

В какой мере отношения предшествования/следования можно рассматривать как временные? Сам по себе факт предшествования одного процесса другому не может служить указанием на его отнесенность, скажем, к плану прошлого, ср.: *Он жил довольно нелюдимо, утратив связь даже с родственниками; Он живет довольно нелюдимо, утратив связь даже с родственниками*. В обоих высказываниях процесс, выраженный деепричастием СВ, логически предшествует основному действию, выраженному глаголом в личной форме, но его временная отнесенность в двух высказываниях различна и определяется временной отнесенностью основного процесса (*жил*). Следовательно, процесс, выраженный деепричастием, сам по себе временной отнесенностью не обладает, поэтому часто говорят об относительном времени дееприча-

ствий в отличие от абсолютного времени личных глагольных форм (ТФГ 1987: 240), хотя и у личных глагольных форм также различают абсолютное и относительное временное значение (см. выше).

Говоря об относительном времени, обычно имеют в виду так называемое относительное употребление временной формы, когда “время действия определяется с точки зрения времени другого действия или какого-либо момента, помимо момента речи, например, *Я видел, что он торопится*” (Бондарко 1971: 112). Подобные формулировки являют собой характерный пример коллизии между логикой теоретического построения и интуитивной логикой носителя языка. Ни действие, ни какой-то момент времени не могут иметь точку зрения на явление — эта особенность присуща человеку и обусловлена индивидуальной спецификой восприятия. Как указывает сам А. В. Бондарко, относительным считается лишь такое употребление, при котором ориентация на какой-либо момент, помимо момента речи, “выражается самой глагольной формой времени, представляя собой проявление ее грамматического значения (так, в приведенном выше примере относительное значение одновременности с моментом прошлого выражено глагольной формой настоящего несовершенного, реализующей свойственный ей семантический признак *Одн.*)” (Бондарко 1971: 113). Но если в грамматической форме глагола выражен признак “одновременность”, возникает вопрос о том, что же лежит в основе инвариантности этого признака, так как моментов, относительно которых проявляется значение одновременности выражаемого глагольной формой действия (процесса), может быть в принципе бесконечное множество. Ответ заключен в самом приводимом А. В. Бондарко примере, который недвусмысленно показывает, что инвариантную основу семантического признака “одновременность” в форме несовершенного вида составляет **момент наблюдения**: наблюдатель присутствует в любой ситуации, поэтому естественно, что различие между абсолютным и относительным временным значением (в трактовке А. В. Бондарко) проявляется лишь в конкретном высказывании благодаря взаимодей-

ствию двух прагматических факторов — говорящего и наблюдателя.

Всякий процесс, обозначенный глаголом, категоризуется в языковой форме в виде определенного концепта, возникающего в результате некоей последовательности гносеологических операций, позволяющих представить то или иное явление действительности в обобщенной, абстрагированной форме. Это обобщенное представление о процессе, классифицирующее его через совокупность свойственных именно этому процессу качественных и количественных признаков в ряду всех других процессов, есть сигнификат глагольного слова. В реальном мире каким мы его знаем процессы существуют не сами по себе, а лишь как объективно познаваемые отношения связи и взаимодействия между предметами и явлениями этого мира. Наивная модель мира, находящая отражение в различных элементах структуры языковой системы, в общем и целом строится на особенностях восприятия действительности познающим ее индивидом. Всякий процесс изначально идентифицируется как таковой на основе наблюдения какой-то конкретной ситуации, определяемой как наличие в каком-то месте предметов (явлений), связанных определенным отношением. Характер этого отношения в зависимости от конкретных условий ситуации может быть различным: это отношение может представлять как наличествующее в этой ситуации в непосредственной чувственной данности, либо как звено в причинно-следственной связи, объясняющей характер ситуации.

Если мы обратимся к примеру *В лавке торговали лежа-лым/*лежавшим товаром*, то мы увидим, что ограничение на употребление причастия связано с тем, что именная группа *лежавший товар* представляет собой неполную дескрипцию, так как отсутствует обязательное в данном случае указание на место, которому приписывается локативный предикат. Однако введение в структуру предложения локатива не позволяет избежать семантической аномалии, которая сохраняется, ср.: **В лавке торговали лежащим на полках товаром*. Эта аномалия обусловлена смысловым конфликтом, возникающим вследствие того, что значение орудийности, свойственное творит. падежу, не позволяет

приписать собирательному предмету *товар* локативный признак, предцизируемый причастием: процесс “торговля” предполагает манипулирование вовлеченными в него предметами (т. е. их перемещение в пространстве), тогда как причастие устанавливает отношение локации между предметом и местом (*полки*), вводя в значение конкретно-референтной именной группы *лежавший на полках товар* экзистенциальную пресуппозицию (пресуппозицию существования и единственности). Ср. также: **Преступник ударил жертву стоявшей на полке статуэткой*. Представляется, что именно эта способность причастия вводить дополнительный (экзистенциальный) компонент смысла в структуру значения предложения, в котором оно употреблено, влияет на особенности его употребления в атрибутивной функции. Возникновение такой пресуппозиции, по-видимому, связано с действием определенного когнитивного фактора. Допущение, что “А существует”, должно исходить из определенного опыта, имеющегося в распоряжении говорящего. В подавляющем большинстве случаев таким опытом является чувственное (зрительное) восприятие предмета, о котором идет речь, в его конкретной пространственно-временной манифестации. Собственно говоря, сам термин *причастие* указывает на то, что его референт является частью конкретной ситуации, описываемой в предложении, он “участвует” в ней, т. е. в причастии изначально заложено указание на чувственный источник информации об описываемом с его помощью положении дел.

Указание на наблюдаемый характер описываемого причастием положения вещей как часть его грамматического значения предполагает возможность идентификации фигуры наблюдателя в рамках относительно узкого контекста, при этом, как правило, таких возможностей две: это либо сам говорящий, либо другое лицо (субъект действия), на чей опыт ссылается говорящий. В последнем случае, когда говорящий как бы становится на место другого лица и смотрит на ситуацию его глазами, обычно употребляются формы, именуемые причастиями “настоящего времени”, например: *Иван стал рассматривать лежащий на полках товар*. Если указание на источник информации, отличный от фи-

гуры говорящего, отсутствует, употребляются формы, именуемые причастиями “прошедшего времени”: *Иван стал рассматривать лежавший на полках товар*. В этом случае форма причастия указывает на то, что собственно момент наблюдения описываемой ситуации не входит в пространственно-временную сферу говорящего/наблюдателя, т. е. он не принадлежит настоящему говорящего — отсюда традиция именовать такую форму формой прошедшего времени.

В прилагательных, образованных от глагола в прош. времени, компонент значения, связанный с указанием на наблюдаемость процесса, ведущего к становлению признака, отсутствует. Этот признак, которым наделяется предмет, есть такое положение вещей, которое категоризуется как следствие того, что процесс, приведший к его возникновению, имел место, т. е. как звено в причинно-следственной связи, выявляемой на основании опыта. Различие в когнитивном значении отглагольного прилагательного и соответствующего причастия наглядно видно в следующем примере: *Хозяйка поставила на стол блюдо с горелыми/ *горевшими лепешками*. Причастие здесь невозможно потому, что указание на наблюдаемость процесса, обозначенного причастием, создает смысл “лепешки, лежавшие на блюде, горели”, что противоречит человеческому опыту, охватывающему сферу “еда”. Ср. также: *пруд со стоялой/ *стоявшей водой, корзина зрелых/ *зревших вишен* и под.

В свете приведенных соображений становится возможным объяснить ограничения, накладываемые на употребление членов пар типа *прошлый - прошедший*. Так, предложение **Он порвал с прошедшей жизнью* аномально потому, что в адъективированном причастии, входящем в конкретно-референтную именную группу, сохраняется указательный компонент (отсылка к наблюдателю, в роли которого выступает субъект действия), т. е. референт именной группы по своим временным свойствам принадлежит настоящему наблюдателя, тогда как форма прош. времени глагола СВ *порвал* помещает референт именной группы вне этого настоящего. Предложение *Он порвал с прошлой жизнью*, наоборот, нормально, поскольку временные свойства референта именной

группы, определяемые временным компонентом в значении прилагательного, согласуются с временной ориентацией события, задаваемой грамматической формой глагола.

Если в предложении моделируется когнитивная ситуация восприятия, объектом которой является референт именной группы, необходимым условием семантической нормальности должно быть наличие экзистенциальной пресуппозиции, которая, как было показано выше, вводится посредством причастия; употребление отглагольного прилагательного в таком случае невозможно: *Вся прошедшая/*прошлая жизнь промелькнула перед его мысленным взором*. Соображения аналогичного характера определяют употребление отглагольного прилагательного или адъективированного причастия и в таких предложениях, как *Из пламени пожара выползло ?обгорелое/ обгоревшее существо; Он сел на обгорелое/?обгоревшее бревно; Командир с тревогой наблюдал, как *усталые/уставшие бойцы все с большим трудом двигались по разбитой в жидкую грязь дороге* и т. п.

Эпистемические особенности значения причастий влияют на их словообразовательные возможности. Если отглагольные прилагательные могут субстантивироваться (*В прошлом он был учителем; Он не любил вспоминать былое*), то адъективированные причастия такой способностью не обладают (**В прошедшем он был учителем; *Он не любил вспоминать бывшее*). Это объясняется действием общих принципов языковой номинации.

Номинация есть обозначение соответствующих предметов и явлений в их универсальности или в обобщенном качестве (Колшанский 1990: 10). Как подчеркивал Ч. Пирс (Peirce 1932), не существует прямого соответствия между знаком и единичным предметом. “Объектом номинации любого типа выступает не столько конкретный единичный объект внеязыковой действительности (вещь, явление, событие, ситуация и т. п.), сколько повторяющееся типизированное представление об этой вещи, явлении и т. п., сложившееся в данной языковой общности, определенное обобщение свойств обозначаемой знаком вещи, явления и т. п.” (ЯН 1977: 30). Это типизированное представление объекта, ситуационное представление о нем есть денотат языкового знака

(Комлев 1981), который представляет собой “идеальный объект, инвариант класса предметов, не существующий фактически в реальной действительности” (Серебренников 1988: 171).

Субстантивация отглагольного прилагательного возможна благодаря тому, что обозначаемый им признак отвлекается от конкретных единичных предметов, объединяемых по когнитивному признаку пройденного опыта, и распространяется уже на саму эту сферу в ее совокупности, приобретая статус имени с имплицитно пространственным значением. Это возможно именно потому, что в грамматическом значении отглагольного прилагательного отсутствует эпистемический показатель чувственной данности процесса, ведущего к возникновению признака. Напротив, такой компонент присутствует в грамматическом значении адъективированного причастия, т. е. его употребление в каждом отдельном случае связано с указанием на наблюдаемость процесса, ведущего к возникновению признака, что подразумевает наличие фигуры наблюдателя, который в принципе может быть идентифицирован. При субстантивации этот признак должен отвлекаться от конкретного предмета (ситуации), представая в отвлеченном виде, но поскольку эпистемический показатель в значении причастия грамматикализован (морфологически оформлен), возникает противоречие между обобщенным характером предмета и указанием на его чувственную воспринимаемость, хотя фигура наблюдателя не может быть идентифицирована. Данное ограничение в словообразовательных возможностях отглагольных прилагательных и адъективированных причастий затрагивает не только механизм конверсии, но и суффиксальную деривацию: от многих отглагольных прилагательных можно образовать абстрактные существительные с помощью суффиксов, а от адъективированных причастий — нет, ср.: *усталый* — *усталость* (**уставишь*), *обгорелый* — *обгорелость* (**обгоревишь*), *заплесневелый* — *заплесневелость* (**заплесневешь*) и т. п.

ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД И КАРТИНА МИРА*

4.1. Введение

Выделение категории глагольного вида связано с наличием в разных языках системы грамматических форм глагола, значение которых не исчерпывается отражением обычной темпоральной трихотомии “прошедшее/настоящее/будущее”, но связано, как принято считать, с дополнительной характеристикой обозначаемого глаголом действия (процесса, состояния и т. п.), или способом протекания действия. Способ, или характер протекания и распределения действия во времени рядом исследователей рассматривается как семантический категориальный признак, получивший название аспектуальность (см. напр. Пешковский 1956; Hirtle 1975; Dowty 1979; Бондарко 1983; Šeljakin 1984; Телин 1985; Томмола 1986), при этом аспектуальность трактуется как характеристика, присущая не только предикату, но и высказыванию в целом (Comrie 1976; Smith 1983). К понятию аспектуальности примыкает понятие лексического вида, противопоставляемого виду грамматическому (Гэрей 1962) и иллюстрируемого известной семантической классификацией глаголов, предложенной З. Вендлером (Vendler 1967). Высказывалось и такое мнение, что “противопоставление вселенского времени (universe time), которое включает в себя [событие. — А. К.], времени события, которое является включенным — противопоставление, соответствующее различию не природному (время всегда есть время), а различию позиционному (время с пози-

* В основу содержания главы легла одноименная статья, опубликованная в журнале “Известия РАН. Сер. лит. и яз.”.- 1995.- Т. 54, № 1.

ции вместилища и время с позиции вмещаемого) — вот ключ ко всем проблемам, связанным с грамматическим видом” (Valen 1965).

Т. Гивон, исходя из соотношения двух последовательностей — событий в реальном времени и их представления в тексте — предлагал различать два вида повествования: последовательное и контрпоследовательное (т. е. когда представление событий в тексте не отражает их реальной временной последовательности), которым соответствуют два вида — непрерывный (continuity) и антериорный (anterior) (Givón 1977), однако он не объяснял, как определяется реальная временная последовательность событий. В настоящее время его взгляд на вид приблизился к общепринятому, однако помимо основных видов в английском языке (Progressive и Perfect) он выделяет также непосредственный (Immediate) вид, связанный с изменением прагматической перспективы дискурса (Givón 1993).

В функциональной грамматике категория вида определяется как центр функционально-семантического поля аспектуальности, которая, в свою очередь, входит в более широкую сферу, связанную с идеей времени (ТФГ 1987).

В то время, как самое существование грамматической категории вида, как правило, не вызывает сомнений, семантика вида нередко определяется разными исследователями по-разному. Аспектологические исследования в разных языках зачастую отталкиваются от классической славянской системы видов, в которой морфологически закреплено основное противопоставление “совершенный вид (СВ)/несовершенный вид (НСВ)” (ВГВ 1962; Авилова 1976; Рус. грам. 1980; Маслов 1984; Горшкова, Петрухина 1990). Принято считать, что СВ обозначает целостность выраженного глаголом действия, под которой понимается точность, непротяженность действия вне всякого его становления (Бондарко 1971; 1974), при этом трактовка значения СВ опирается на понятие предела действия, с которым связано указание на достижение цели этим действием и на сохранившийся после прекращения действия его результат. “Предел — это значение полноты (исчерпанности) фиксируемого данным глаголом проявле-

ния действия во времени” (ТФГ 1987; см. также Dahl 1985; Бондарко 1990; 1991). Значение НСВ обычно связывают с указанием на продолжительность, линейность действия в его течении, не стесненное мыслью о пределе процесса в целом (Шведова, Лопатин 1989), а также с его процессной и обобщенно-фактической функцией (Храковский 1990; Падучева 1990). Отсюда принято выводить временное соотношение между глаголами СВ и НСВ, которое заключается в том, что сначала имеет место ситуация, обозначаемая глаголом НСВ, а потом — глаголом СВ (Падучева 1993).

Следует отметить, что способ протекания действия, составляющий основу противопоставления СВ и НСВ (см. ГРЯ 1953), вряд ли можно рассматривать как содержание грамматической категории глагольного вида, поскольку в разных языках (в том числе в русском) способ протекания действия может определяться контекстом (Серебренников 1988), а при исследовании семантики видо-временных форм в реальных текстах обнаруживается известное количество трудноинтерпретируемых случаев (см. Гловинская 1989). В последнее время открываются новые перспективы в изучении русского вида, связанные с появлением новых идей и методов, и проблема “подлинного” инварианта видового противопоставления стала главным вопросом конференции по аспектологии, состоявшейся в 1988 г. в Институте языкознания АН СССР (Шатуновский 1989).

Теория вида, основанная на выделении в качестве семантического инварианта видовых противопоставлений указания на “ограниченную пределом целостность” действия, в последнее время становится объектом справедливой критики. “Парадоксальность существующей в настоящее время в науке ситуации состоит в том, что вид как определенная совокупность признаков глагольной лексики выделяется строго и последовательно на ... грамматических основаниях [т. е. сочетаемость и состав парадигм. — А. К.]. Однако все усилия исследователей направлены на то, чтобы представить вид таким образом, будто бы он является собой категорию, выделяемую на семантических основаниях. Именно этой цели служит идея семантического инварианта видовой при-

надлежности, положенной в основу определения вида в “Русской грамматике” (Милославский 1989: 39).

Базовая посылка когнитивной лингвистики, состоящая в том, что в системе языка отражается то, как человек видит мир, предполагает, что вопрос о предназначенности языковых единиц и форм их существования в выражении смысла не должен рассматриваться в отрыве от определенных когнитивных факторов. Как отмечает Ю. Д. Апресян, истолковать значение какой-либо единицы языка значит эксплицировать выражаемое ею наивное понятие. “Описать наивное понятие в общем случае значит описать некий факт (например, ситуацию действительности), ситуацию восприятия (положение наблюдателя относительно описываемого факта) и ситуацию общения (оценку описываемого факта говорящим или предполагаемую говорящим оценку этого факта со стороны адресата). «...» Наивные понятия отличаются от научных еще и тем, что в первые часто входит указание положения самого наблюдателя относительно рассматриваемых предметов” (Апресян 1980: 6 и сл.). Однако если ситуация действительности и ситуация общения давно и по праву являются объектами внимания в общей теории языкового значения, ситуация восприятия (т. е. роль фигуры наблюдателя и связанных с ней факторов в формировании языкового значения) до недавнего времени оставалась как бы в стороне. Применительно к проблеме категории вида это отразилось в том, что большинство лингвистов не относят вид к сфере индексальных явлений в языке, хотя такая отнесенность должна быть очевидной: ведь если временные значения глагола — и, соответственно, грамматическая категория времени — исторически развились из видовых значений, то объяснение индексальному характеру категории времени как раз и следует искать в особенностях категориального значения видовых форм, т. е. категорию глагольного вида, как и категорию глагольного времени, следует рассматривать как индексальную категорию. Так, сравнивая два высказывания: *Я прочитал ‘Войну и мир’ еще в детстве* и *Я читал ‘Войну и мир’ еще в детстве*, Ю. Д. Апресян подчеркивает, что “различия между этими высказываниями состоят не в разной физической удаленности прошлого события от мо-

мента речи, а в том, как говорящий воспринимает время этого события. В случае совершенного вида говорящий мыслит время события как образующее единое целое со своим временем, т. е. тем временем, в котором он мыслит себя... В случае несовершенного общефактического говорящий мыслит время события как отличное от того времени, в котором в момент речи он мыслит себя” (Апресян 1986: 90). Что влияет на различное осмысление говорящим времени события?

Исходя из концептуального тождества временных и пространственных понятий — закрепленных, в частности, в значении индексальных слов здесь и сейчас (Zemach 1972) — и базового характера категории места для анализа временных отношений, можно сделать вывод, что говорящий мыслит время события как образующее единое целое со своим временем в том случае, когда пространство ситуации, частью которой является событие, пересекается с пространством говорящего (т. е. пространством ситуации, в которую входит говорящий, или его личным пространством). Приводимые Ю. Д. Апресяном примеры противопоставлены по такому же признаку, по какому в английском языке противопоставлены формы Present Perfect и Past Simple (Кравченко 1988).

Когда при анализе перфектного значения мы говорим о пересечении пространства события с личным пространством говорящего, это не означает включенности в личное пространство говорящего самого события как такового, оно воспринимается говорящим как “вышедшее” из этого пространства, т. е. как больше не наблюдаемое. Эту особенность перфекта в русском языке хорошо характеризует Н. А. Луценко (1989: 48): “В перфектной форме актуализируется представление о субъекте как наблюдателе и как бы отодвигается на второй план представление о нем как деятеле. С этим связана дифференциация временных планов действия (оставленное позади, прошедшее) и восприятия, наблюдения его результатов (настоящее)” (см. также Падучева 1993). Этим в конечном счете определяется “предельная” интерпретация действия, обозначенного перфектной формой глагола в русском языке. Подтверждение этому находим в сравнении при-

ставки *у-* в словах типа *умер, упал, украл* с генетически родственными приставками в других индоевропейских языках, например, с латинской *au* в *aufero* ‘уношу’, *aufugio* ‘убегаю’, а также с др.-инд. *ava* ‘прочь, долой’, которое показывает, что “первоначально эта приставка была связана с исчезновением субъекта или объекта действия [в простейшем случае, из поля зрения. — А. К.] и была совершенно естественна в таких глагольных формах, как *унес, ушел* и т. д. Исчезновение объекта или субъекта действия часто сопровождается прекращением самого действия. По причине такой ассоциации приставка *у-* превратилась в средство выражения сов. вида глаголов, которые сами по себе не предполагают исчезновения субъекта действия, ср. такие формы, как *упал, умер, устал, узнал* и т. д.” (РЧФЯ 1988: 91). На эту особенность значения перфекта (т. е. указание на отсутствие кого-либо или чего-либо) обращает внимание А. В. Бондарко (1971: 99). Другими словами, существуют достаточно веские основания для того, чтобы рассматривать особенности категориального значения глагольного вида как результат когнитивного исчисления (см. Kučera 1983).

В данной главе не ставится задача провести глубокое и всеобъемлющее исследование проблемы категории вида, которой уже посвящена поистине огромная литература — что, однако, не мешает продолжению споров о природе и категориальном значении видовых форм. Наша цель — попытаться посмотреть на всю проблему под несколько иным углом зрения, не углубляясь в скрупулезный анализ различных оттенков видовых значений в рамках традиционной семантической парадигмы, а обратившись к языковым фактам как они есть.

4.2. Предел и целостность действия

Начнем с того, что термин *действие*, употребляемый для обозначения референта глагольного слова, не совсем удачен. Действие — это

научный термин, экстенционал которого сужен, но интенционал усложнен. Ограниченное миром человека, понятие действия автоматически вошло в определенный жизненный цикл. В нем действию предшествует некоторая психологическая фаза, обдумывание, сравнение альтернатив, оценка, целеполагание, выбор средств, и только за принятием решения следует само действие. Пределом действия, “точкой завершения”, является результат”.

(Арутюнова 1992б: 4).

Таким образом, в семантике слова действие уже присутствует идея ограниченности (→ завершенности), хотя “никакое явление действительности, обозначенное в языке как действие, не несет в себе никаких объективных указаний на свою неограниченность или ограниченность пределом” (Степанов 1976: 413). Когда мы смотрим в окно и видим движущийся предмет (например, бегущую собаку), мы знаем, что предмет движется, благодаря его последовательно меняющемуся положению в пространстве, но ничто в самом процессе не указывает на то, что он начался в какой-то момент, предшествующий нашему наблюдению, или что он достигнет конца в один из последующих моментов. Мы видим лишь то, что мы видим — не больше, но и не меньше. Всякие рассуждения о начале или конце процесса «бег собаки» основаны не на том, что мы знаем о процессе, а на том, что мы знаем о собаках как виде животных, принадлежащих к широкому классу одушевленных предметов, составляющих часть нашей картины мира. Ср.:

(1) *Иван нарисовал круг;*

(2) *Маша написала письмо;*

(3) *Лена связала пару перчаток.*

В каждом из этих предложений идея полноты (исчерпанности) процесса вытекает не из значения самой глагольной лексемы, но обусловлена нашим знанием того, откуда вообще берутся предметы, о которых идет речь. Начав рисовать дугу и продолжая один из концов пока он не соединится с другим, Иван не обязательно должен на этом остановиться. Если грифель карандаша тонкий и картинка получается плохо различимой, Иван, скорее всего, повторит процесс, пока изображение не станет отчетливым. Будет ли озвучивание высказывания (1) в таком случае (после того, как концы дуги соединились) означать, что процесс рисования завершен? Очевидно нет; оно будет означать, что в процессе определенного рода деятельности возник некоторый узнаваемый предмет, но оно не будет означать, что в момент возникновения этого предмета процесс, приведший к его появлению, прекратился. Круг может быть всего лишь частью рисунка, над которым Иван начал долгую работу — более того, он вообще может не думать о нем как о круге, и если мы спросим его: “*Что ты нарисовал?*”, он может ответить: “*Ничего. Я только начал.*”

В примере (2) описываемая ситуация не обязательно должна интерпретироваться так, что деятельность “писание” в ней больше не имеет места. Маша может продолжать писать (другое письмо, например) в момент, когда озвучивается (2) — можно ли в таком случае утверждать, что процесс “писание” исчерпал себя, достигнув внутреннего предела? Процесс написания письма может быть лишь частью деятельности, обозначенной глагольным словом, определенным ее этапом, выделяемым на основании нашего знания о том, что представляет из себя предмет “письмо”. Точно так же ситуация, описанная в (3), вовсе не исключает возможности того, что процесс “вязание” продолжается в момент озвучивания этого высказывания.

Тем не менее, подобные соображения касаются не всех глаголов СВ. Помимо производных приставочных глаголов существует еще два типа глаголов СВ: непрямые (назовем их “базовые”) и производные суффиксальные глаголы. Количество базовых

вых глаголов СВ (таких, как *бросить, пасть, дать* и под.) сравнительно невелико — это в основном глаголы движения и перемещения в пространстве; движение относится к явлениям первичного уровня познания в той мере, в какой это касается лингвистической категоризации предметов и событий. Другими словами, концепты, выраженные этими глаголами, относятся к классу семантических прототипов (см. Jackendoff 1983; Taylor 1989; Geeraerts 1989).

Производные суффиксальные глаголы СВ, такие, как *прыгнуть, дунуть, метнуть* и под. вместе с базовыми глаголами СВ представляют собой собственно грамматические формы СВ — в противоположность лексико-грамматическим формам в случае большинства приставочных глаголов. Эти глаголы, как правило, обозначают мгновенные события, которые больше не могут быть наблюдаемы в момент употребления глагола в соответствующем высказывании, ср. (4) - (7):

(4) *Лиза бросила куклу;*

(5) *Таня дала мне книгу;*

(6) *Иван прыгнул вниз;*

(7) *Она метнула на меня сердитый взгляд.*

Бросила отсылает не к движению самого предмета, а к действию (способу), каким это движение вызывается к жизни, при этом в момент высказывания каузирующее действие не наблюдается (отсюда — понятие законченности или исчерпанности действия). Аналогичным образом, *прыгнул* и *метнул* описывают характер действий, каузирующих определенные процессы (перемещение Ивана в пространстве, движение ее глаз и головы). В (5) описывается изменение отношения обладания между предметом и его владельцем, что в прототипическом случае связано с утратой предметом физического контакта с прежним владельцем и вступлением в физический контакт с новым владельцем. Форма *дала* указывает, что такая последовательность имеет место (т. е. 'книга теперь в моих руках'), но она не отсылает конкретно ни к одному из составляющих эту последовательность действий, они

предстают как единое событие, предшествующее озвучиванию высказывания (5).

Как видно из приведенных примеров, значение некоторых глаголов СВ (но отнюдь не всех) можно связать с понятием предела и целостности действия, при этом аутентичными носителями этих признаков являются лишь базовые глаголы СВ, поскольку глаголы на *-нуть* производны от глаголов НСВ. Если допустить, что "предельность" (в смысле исчерпанности действия) действительно является семантическим признаком базовых глаголов СВ, то остается неясным сам процесс возникновения этого признака, особенно учитывая тот факт, что "предельность" не является обязательным признаком многих приставочных глаголов СВ. Не погружаясь в забытые пески семантических изысканий, обратимся к более материальным предметам.

4.3. Грамматика вида

4.3.1. Морфология вида

Предложения (1) - (3) содержат глаголы, образованные от соответствующих глаголов НСВ путем добавления приставки. В плане продуктивности префиксация является главнейшим средством перфективизации глаголов НСВ. Большинство таких префиксов имеют локативный характер и часто сохраняют свое изначальное лексическое значение, особенно в глаголах движения: (8) *вы-, у-, при-, за-* + НСВ *идти* = СВ *выйти, уйти, придти, зайти* и т. п.

Предложения (4) - (5) содержат базовые глаголы СВ; при добавлении префиксов к таким глаголам их лексическое значение может модифицироваться в плане направления движения, но грамматическое значение СВ остается неизменным. Суффиксальные и приставочные глаголы СВ производны от глаголов

НСВ, поэтому последние можно также отнести к базовым. Таким образом, имеется два типа базовых глаголов, СВ и НСВ. Базовые глаголы СВ всегда имеют коррелят в форме НСВ, но не наоборот:

(9) а. СВ:	<i>бросить</i>	<i>дать</i>	<i>пасть</i>	
	↓			
НСВ:	<i>бросать</i>	<i>давать</i>	<i>падать</i>	
б. НСВ:	<i>прыгать</i>	<i>дуть</i>	<i>идти</i>	<i>делать</i>
	↓			
СВ:	<i>прыгнуть</i>	<i>дунуть</i>	<i>прийти</i>	<i>сделать</i>

Это наводит на мысль о существовании определенной иерархии между базовыми глаголами СВ и НСВ и характеризует глагол СВ как маркированный член категории.

Базовые глаголы НСВ ведут себя иначе: существует целая серия глаголов, образующих лексические пары, подобные парам СВ/НСВ, но отличающиеся тем, что оба парных глагола — несовершенного вида (НСВ₁/НСВ₂): *идти* - *ходить*, *бежать* - *бегать*, *ползти* - *ползать*, *лететь* - *летать* и т. п. Лексическое значение таких парных глаголов одинаково — для чего, в таком случае, две разных формы? В свое время было предложено несколько объяснений.

А. Потемня определял значение глаголов НСВ₁ как “конкретное” и противопоставлял его значению “обычности” или “регулярности” глаголов НСВ₂ (Потемня 1977). Р. Якобсон объяснял это явление различием между определенным (determinate) и неопределенным (indeterminate) видом (Jakobson 1971). В современной литературе эти глаголы противопоставляют либо по признаку “направленности” (направленный НСВ₁ vs. ненаправленный НСВ₂), либо по двойному признаку “дуративность/фреквентативность” (дуративный НСВ₁ vs. фреквентативный НСВ₂). Однако ни одно из этих объяснений нельзя признать удовлетворительным. Ср.:

- (10) а. *Лена идет в школу.*
 б. *Лена ходит в школу.*

и

- (11) а. *Я иду.*
 б. *Я хожу.*

В (10) в обоих предложениях направленность является частью смысла, чего нельзя сказать о примерах (11а) и (11б).

Противопоставление “дуративность/фреквентативность” не является оппозицией в собственном смысле слова, так как сопоставляются разные признаки. Оппозицией может быть либо противопоставление “дуративный/недуративный”, либо “нефреквентативный/фреквентативный” — но тогда НСВ₁ будет маркированным членом в первом случае и немаркированным во втором. Кроме того, в обоих следующих примерах идея длительности является компонентом смысла:

- (12) а. *Он бежит по дорожке уже целый час.*
 б. *Он бегает по дорожке уже целый час.*

Объяснения, предложенные А. Потемней и Р. Якобсоном, в принципе схожи, хотя остается неясным, что понимается под “конкретностью” или “определенным видом”. И все-таки, все эти подходы в определенной степени (большей частью интуитивно) оправданы, хотя и не дают четкого представления о главном (категориальном) признаке, по которому такие глаголы противопоставлены, и который проявляется в интуитивно выделяемых признаках конкретности, детерминативности, направленности, длительности и фреквентативности. Подробнее речь об этом категориальном признаке пойдет в одном из последующих разделов.

Помимо перечисленных выше деривационных моделей есть еще одна модель суффиксальной деривации, затрагивающая только базовые глаголы НСВ₂, принимающие суффикс *-ыва-*:

- (15) *ходить* → *хаживать*, *летать* → *лётывать*,
делать → *делывать*, *писать* → *писывать* и т. п.

Этот суффикс выполняет чисто грамматическую функцию, не влияя на лексическое значение глагола и не изменяя его видового статуса. Частью значения глаголов с этим суффиксом является указание на то, что референт глагольного слова (действие, событие и т. д.) представляется как нечто, имеющее место в какое-то неконкретизованное время в прошлом и не связанное ни с каким конкретным пространственно-временным контекстом как частью настоящей действительности. В современном русском языке глаголы на *-ыва-* в этом значении употребляются только в прошедшем времени, и частотность такого употребления невысокая, что позволяет говорить об их постепенной архаизации (в дальнейшем — с пометой †).

Итак, существует три группы морфологически противопоставленных форм русского глагола, в каждой из которых различие является не лексическим, а грамматическим:

(16) А.	НСВ ₁	НСВ ₂	НСВ ₃
	<i>идти</i>	<i>ходить</i>	† <i>хаживать</i>
	<i>вести</i>	<i>водить</i>	† <i>важивать</i>
	<i>лететь</i>	<i>летать</i>	† <i>лётывать</i>
Б.	СВ ₁	НСВ ₂	НСВ ₃
	<i>бросить</i>	<i>бросать</i>	† <i>брасывать</i>
	<i>пустить</i>	<i>пускать</i>	-----
	<i>пасть</i>	<i>падать</i>	-----
В.	СВ ₂	НСВ ₂	НСВ ₃
	<i>прыгнуть</i>	<i>прыгать</i>	† <i>прыгивать</i>
	<i>толкнуть</i>	<i>толкать</i>	† <i>талкивать</i>
	<i>метнуть</i>	<i>метать</i>	† <i>мётывать</i>

Оставим в стороне формы НСВ₃, так как они не входят в систему регулярных противопоставлений в виду ущербности их морфологической парадигмы. Если теперь сравнить контрастные пары в каждой из трех групп, то не подлежит сомнению, что формы НСВ₂ являются слабыми членами оппозиции. Однако ес-

ли в группах Б и В их противочлены маркированы по так называемому “сов. виду” (выражающему, как принято считать, “предел” и “целостность” действия), о группе А этого сказать нельзя. Возникает естественный вопрос: что общего (если это общее есть) между формами НСВ₁, с одной стороны, и формами СВ₁ и СВ₂, с другой? В зависимости от ответа на этот вопрос вся концепция вида как грамматической категории, выражающей семантическое различие между действиями, ограниченными пределом, и действиями, которые таким пределом не ограничены, может быть подвергнута серьезному пересмотру.

Приведенные в (16) видовые формы (НСВ₁, НСВ₂, НСВ₃, СВ₁, СВ₂) служат основой дальнейшей деривации посредством префиксации. Здесь мы сталкиваемся с интересным феноменом: то, что на первый взгляд представляется тривиальным случаем лексической деривации, неожиданно ведет к коренному изменению грамматического значения глаголов НСВ₁, таких, как *идти*, тогда как добавление префикса к глаголам НСВ₂ типа *ходить* всего лишь видоизменяет лексическое значение глагола, не влияя на его грамматический статус:

(17) *вы-, у-, при-, за-* + НСВ₂ *ходить* = НСВ_{2д} *выходить, уходить, приходить, заходить* и т. д.

Приставочные глаголы НСВ₃ в группе А также сохраняют свой видовой (в традиционном смысле) статус, но префикс иногда утрачивает свое исходное пространственное значение — напр., *выхаживать* ‘шагать с важным видом’ — или же значение приставочного глагола меняется целиком как результат метафорического переноса, напр. *ухаживать* ‘оказывать помощь, заботиться’.

В группе Б добавление пространственного префикса к глаголу СВ₁ есть чисто лексический деривационный процесс: базовый глагол СВ₁ сохраняет свое видовое значение, но лексическое значение глагола модифицируется так же, как и в случае приставочных глаголов НСВ₂, ср.:

(18) *бросить* → *выбросить*

пасть → *упасть*

сесть → *засесть* и т. п.

Глаголы НСВ₂ в группе Б ведут себя подобным же образом, т. е. при добавлении префикса они не меняют своего видового значения (хотя в некоторых случаях имеются ограничения, когда тот или иной глагол не сочетается с определенным префиксом):

(19) НСВ ₂	НСВ _{2д}
<i>пускать</i> →	<i>выпускать, отпускать, перепускать</i>
<i>падать</i> →	<i>выпадать, отпадать, перепадать</i>
<i>давать</i> →	<i>выдавать, отдавать, передавать</i>

Некоторые глаголы, напр., *бросать*, представляются исключением, так как добавление пространственного префикса ведет к изменению видового статуса: (20) НСВ₂ *бросать* → СВ *забросать, сбросать, перебросать, набросать* и т. д. Место трансформированного глагола НСВ₂ (а также недопускаемых форм типа **выбросать*) в видовой парадигме занимает приставочный глагол на *-ыва-*, компенсируя утрату:

(21) НСВ₃ †*брасывать* → НСВ_{3д} ***выбрасывать, сбрасывать, перебрасывать, набрасывать*** и т. п.

Наконец, в группе В префиксация влияет на глаголы СВ₂ и НСВ₂ так же, как и на глаголы СВ₁ и НСВ₁ в группе Б, за исключением случаев сочетаемости ограничений.

Суммируем наш краткий обзор морфологии вида.

1. Вид в русском языке есть грамматическая категория, представленная регулярными морфологическими оппозициями двух разных глагольных форм, имеющих одинаковое лексическое, но разное грамматическое значение.

2. Существует три основных типа видовых противопоставлений, выделяемых по строго грамматическим (морфологическим) основаниям: а) базовые глаголы СВ₁ vs. базовые глаголы НСВ₂;

б) производные суффиксальные глаголы СВ₂ vs. базовые глаголы НСВ₂; в) базовые глаголы НСВ₁ vs. базовые глаголы НСВ₂.

3. Понятия “предела” и “целостности” действия, связываемые с грамматическим значением сов. вида, применимы лишь к глаголам СВ₁ и СВ₂, но не могут объяснить значение приставочных глаголов СВ₃, составляющих основную массу глаголов СВ в современном русском языке.

4. Глаголы НСВ₂ являются слабыми, а глаголы СВ₁ и СВ₂ — сильными членами оппозиции. Отсюда следует, что глаголы НСВ₁ также должны быть маркированы по признаку, общему для глаголов СВ₁ и СВ₂ и составляющему основу видовых противопоставлений.

Помня об этом, обратимся теперь к вопросу грамматики вида, охватывающему две группы данных: а) грамматические парадигмы русского глагола; б) функциональные ограничения, накладываемые на разные видовые формы в тексте, и природа этих ограничений.

4.3.2. Грамматическая парадигма глагола

Русский глагол имеет богатую морфологию, что объясняет наличие большого количества различных грамматических форм глагола: личные видовременные формы, инфинитив, два типа причастия (действ. и страд.), каждое из которых имеет две формы (традиционно именуемые “наст. вр.” и “прош. вр.”) и два типа деепричастия. В этом разделе мы рассмотрим грамматические парадигмы трех основных типов оппозиций, представленных в (16), и влияние, которому они подвергаются в результате префиксации.

БАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ + Простр. префикс → ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ						
Морф. тип Инфинитив	НСВ ₁ <i>вести</i>	НСВ ₂ <i>водить</i>	НСВ ₃ † <i>важивать</i>	СВ ₃ <i>вывести</i>	НСВ _{2д} <i>выводить</i>	НСВ _{3д} ‡ <i>вываживать</i>
Время						
Прош.	вел	водил	† <i>важивал</i>	<i>вывел</i>	<i>выводил</i>	<i>ываживал</i>
Наст.	ведет	водит	* <i>важивает</i>	----	<i>выводит</i>	<i>ываживает</i>
Буд.	буд. вести	буд. водить	* <i>буд. важивать</i>	<i>выведет</i>	<i>буд. выводить</i>	<i>буд. вываживать</i>
ПРИЧАСТИЕ						
Наст. вр.						
Действ.	ведущий	водящий	* <i>важивающий</i>	----	<i>выводящий</i>	<i>ываживающий</i>
Страд.	ведомый	водимый	* <i>важиваемый</i>	----	<i>выводимый</i>	<i>ываживасмый</i>
Прош. вр.						
Действ.	ведший	водивший	* <i>важивавший</i>	<i>выведший</i>	<i>выводивший</i>	<i>ываживавший</i>
Страд.	* <i>веден</i>	† <i>вожен</i>	* <i>важиван</i>	<i>ыведен</i>	* <i>ывожен</i>	* <i>ываживан</i>
ДЕЕПРИЧАСТИЕ						
Наст.	ведя	водя	* <i>важивая</i>	----	<i>выводя</i>	<i>ываживая</i>
Прош.	* <i>вев</i>	* <i>водив</i>	* <i>важивав</i>	<i>ывев</i>	* <i>ыводив</i>	* <i>ываживав</i>
† - устаревшая форма						
‡ - метафоризованное значение						

Таблица 2. Грамматическая парадигма пары НСВ₁/НСВ₂

БАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ + Простр. префикс → ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ				
Морф. тип Инфинитив	СВ ₁ <i>дать</i>	НСВ ₂ <i>давать</i>	СВ ₃ <i>выдать</i>	НСВ _{2д} <i>выдавать</i>
Время				
Прошедшее	дал	давал	<i>выдал</i>	<i>ывадал</i>
Настоящее	----	даст	-----	<i>ывадаст</i>
Будущее	даст	буд. давать	<i>ывадаст</i>	<i>буд. выдавать</i>
ПРИЧАСТИЕ				
Наст. вр.				
Действит.	-----	дающий	----	<i>ывадающий</i>
Страдат.	-----	даваемый	----	<i>ывадаваемый</i>
Прош. вр.				
Действ.	дающий	дававший	<i>ывадавший</i>	<i>ывадававший</i>
Страд.	дан	† <i>даван</i>	<i>ывадан</i>	* <i>ывадаван</i>
ДЕЕПРИЧАСТИЕ				
Наст.	-----	давая	----	<i>ывадая</i>
Прош.	дав	* <i>давав</i>	<i>ывадав</i>	* <i>ывадавав</i>
† - устаревшая форма				

Таблица 3. Грамматическая парадигма пары СВ₁/НСВ₂

БАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ + Простр. префикс → ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ						
Морф. тип Инфинит.	СВ ₂ толкнуть	НСВ ₂ толкать	НСВ ₃ † толкивать	СВ _{2д} вытолкнуть	СВ ₄ вытолкать	НСВ _{3д} выталкивать
Время						
Прош.	толкнул	толкал	† толкивал	вытолкнул	вытолкал	выталкивал
Наст.	-----	толкает	* толкивает	-----	-----	выталкивает
Буд.	толкнет	буд. толкать	* буд. толкивать	вытолкнет	вытолкает	буд. выталкивать
Наст. вр.			ПРИЧАСТИЕ			
Действ.	-----	толкающий	* толкивающий	-----	-----	выталкивающий
Страд.	-----	толкаемый	* толкиваемый	-----	-----	выталкиваемый
Прош. вр.						
Действ.	толкнувший	толкавший	* толкивавший	вытолкнувший	вытолкавший	выталкивавший
Страд.	* толкнут	† толкан	* толкиван	вытолкнут	* вытолкан	* выталкиван
Наст.	-----	толкая	ДЕПРИЧАСТИЕ	-----	-----	-----
Прош.	толкнув	* толкав	* толкивая	вытолкнув	вытолкав	выталкивая
			* толкивав		* вытолкав	* выталкивав

† - устаревшая форма

Таблица 4. Грамматическая парадигма пары СВ₂/НСВ₂

В табл. 2 представлена общая картина грамматических форм парных глаголов НСВ₁/НСВ₂. Как видим, наиболее полную парадигму имеет глагол НСВ₂ — отсутствует только форма деепричастия *водив. Парадигма глагола НСВ₁ на одного члена меньше: отсутствует страд. прич. пр. вр. с результативным значением, участвующее в образовании пассивного залога, хотя такая форма легко образуется по существующей деривационной модели. Это ограничение затрагивает все переходные глаголы НСВ₁, тогда как переходные глаголы НСВ₂ образуют страд. прич. пр. вр., напр., *катать* → *катан*, *таскать* → *таскан*. Даже непереходные глаголы НСВ₂, такие, как *ходить*, *ездить*, могли когда-то употребляться в форме страд. прич. пр. вр., на что указывают сохранившиеся адъективные формы *нехоженный*, *неезженный* и безличный предикатив *хожено*, ср.:

(22) *Много было хожено по этой тропинке.*

Страд. прич. пр. вр. от глаголов НСВ₂ не имеют результативного значения, они передают идею фактивности, основанной на эмпирическом опыте, или знании.

Глаголы НСВ₃ в современном русском языке имеют одну форму — форму прошедшего времени:

(23) *Хаживал и я когда-то в рестораны; "Попрошу меня не учить, — ответил Бегемот, — сиживал за столом, не беспокойтесь, сиживал!"* (Булгаков).

Правая часть табл. 2 показывает, что происходит при добавлении к базовому глаголу пространственного префикса. Только одна парадигма (глагола НСВ₂) остается без изменений: это все тот же глагол НСВ, лексическое значение которого подверглось модификации в смысле направленности обозначенного глаголом движения. Глагол НСВ₁ становится глаголом СВ, представляя третий морфологический тип СВ₃ (помимо базовых глаголов СВ₁ и суффиксальных глаголов СВ₂). Глагол СВ₃ последовательно не допускает ни одной из форм в наст. времени. Более того, форма наст. вр. *ведет* в сочетании с префиксом (который полностью сохраняет свое лексическое значение) становится формой буд.

времени *выведет*, а отсутствующая в современном русском языке форма деепричастия **вев* восстанавливается в приставочной форме СВ *вывев*. Что касается глагола НСВ_{3д}, то в результате префиксации он полностью восстанавливает свою грамматическую парадигму, но его значение метафоризируется, и глагол выпадает из собственно видового противопоставления.

Посмотрим теперь на табл. 3. Грамматические парадигмы базового НСВ₂ и производного НСВ_{2д} глаголов идентичны соответствующим парадигмам в табл. 2, а парадигма приставочного глагола СВ₃ в табл. 2 идентична парадигме приставочного глагола СВ₃ в табл. 3, которая, в свою очередь, повторяет парадигму базового глагола СВ₁. Глагол *дать* (а также *насть*, *пустить*) не имеет формы НСВ₃, хотя у глагола *бросить* она есть: форма *брасывать* имеет такую же неполную парадигму, как и глагол *важливать* в табл. 2, и полностью восстанавливает ее в результате префиксации. Однако значение приставочного глагола в этом случае не метафоризируется, а замещается значением, свойственным формам НСВ_{2д}, и глагол *выбрасывать* заменяет отсутствующий глагол **выбросать*.

В табл. 4 картина несколько иная. Тогда как парадигмы суффиксального глагола СВ₂ и производного приставочного глагола СВ_{2д} соответствуют общей модели для глаголов СВ (за исключением ограничения на формы страд. прич. пр. вр., характерного для суффиксальных глаголов СВ₂), добавление префикса к глаголу НСВ₂ неожиданно ведет к изменению видового статуса производного глагола, который становится глаголом СВ₄, а его место в видовом противопоставлении занимает приставочный глагол на *-ыва-* (как и в случае с глаголом *бросать*).

Другой общей чертой для глаголов в табл. 2 - 4 является то, что, с точки зрения морфологии, формы буд. времени всех глаголов СВ (как базовых, так и производных) есть формы настоящего времени, что особенно хорошо видно на примере глаголов *толкать* (НСВ₂)/*вытолкать* (СВ₄): форма наст. вр. *толкает* становится формой буд. вр. *вытолкает*.

Суммируем наши наблюдения.

1. Существуют пары лексически эквивалентных глаголов (типа *вести/водить*), которые по традиции принято относить к одному виду (НСВ).

2. С добавлением пространственного префикса глагол НСВ₁ становится глаголом СВ, а глагол НСВ₂ не меняет своего видового статуса (хотя некоторые глаголы НСВ₂ могут иногда переходить в форму СВ, напр., *толкать - вытолкать*).

3. Совершенный вид несовместим с настоящим временем.

4. Морфологически, формы будущего времени глаголов СВ есть формы настоящего времени.

5. Страдательное причастие прошедшего времени с результативным значением (пассивный залог) образуется от всех глаголов СВ, как базовых, так и производных, за исключением суффиксальных глаголов СВ₂, подверженных определенным ограничениям. Страдательные причастия прошедшего времени глаголов НСВ₂ (как базовых, так и производных) постепенно выходят из употребления, а если употребляются, то в фактивном значении.

В поисках возможного объяснения перечисленным явлениям, обратимся к функциональным особенностям видовых пар в тексте.

4.3.3. Синтаксис вида

Как показала М. Я. Гловинская (1982), видовые формы и общее значение контекста, в котором они употребляются, определенным образом взаимосвязаны, и их анализ должен учитывать прагматический фактор наблюдателя. Подобное предположение высказывалось и другими авторами (Падучева 1986; Бондарко 1988; Кошелев 1988). Более того, самый термин *вид*, которым обозначается соответствующая грамматическая категория, произведен от глагола *видеть*, который этимологически связан с лат. *videre* 'видеть' и греч. εἶδпт 'то, что видимо'. Однако вопрос, ка-

ким образом значение русского глагола оказывается связанным с фактором “наблюдателя”, должного освещения не получил.

Наблюдатель является первичным прагматическим фактором, образующим ядро индексальных явлений в языке, и должен учитываться при анализе таких категорий, как лицо, время, вид, залог, таксис и др., значение которых не может быть полностью эксплицировано вне его связи с указанием на наблюдателя (Кравченко 1990; 1992а; 1992б). Посмотрим, как ведут себя видовые пары в двух типах контекста, из которых в одном имеется эксплицитное указание на осуществленное наблюдение как источник сообщаемой информации, а другой нейтрален в этом отношении.

4.3.3.1. Глаголы СВ₁/НСВ₂ и СВ₂/НСВ₂

Ср. примеры:

(24) *Посмотри, он что-то бросил/*бросал в урну.*

(25) *Каждые полчаса он *бросил/бросал в камин новое полено.*

(26) *Человек, только что давший/*дававший вам прикурить, — кто он?*

(27) *Отчим, *давший/дававший мне рубль по воскресеньям, меня не любил.*

В (24) и (26) говорящий описывает события, которые он непосредственно наблюдает — глаголы НСВ₂ здесь неприемлемы. В (25) действие, выраженное глагольной группой, хотя и представлено как единичное событие, но обстоятельственная группа *каждые полчаса* показывает, что то, о чем сообщается в высказывании, не есть конкретная (в смысле уникальных пространственно-временных координат) информация, полученная в результате разового наблюдения, но обобщенная информация, полученная в результате многократного наблюдения. Другими сло-

вами, порождение высказывания (25) основано не на том, что наблюдаемо в данный (или предшествующий) момент, а на том, что известно — глагол СВ₁ здесь не может быть употреблен. В (27) событие («дача рубля») представлено как часть неопределенной последовательности таких событий, т. е. говорящий сообщает о чем-то, известном благодаря повторяющемуся, а не разовому, опыту, и глагол СВ₁ здесь также невозможен. Еще примеры:

(28) *Ах, извините, я не хотел вас толкнуть/*толкать.*

(29) *Перестань меня *толкнуть/толкать!*

В (28) речь идет о только что свершившемся событии, результат которого наблюдаем — здесь возможен только глагол СВ₂. Однако в (29), где говорящий несомненно является наблюдателем, возможен лишь глагол НСВ₂. Почему?

Глаголы СВ₁ и СВ₂ обозначают действия, которые категоризируются как таковые при условии, что некоторое изменение (референт глагольного слова) произошло и наблюдалось до момента осуществления высказывания, содержащего соответствующий глагол (отсюда — понятия “предела” и “целостности” действия), поэтому значение глаголов *начать*, *продолжать*, *перестать* (независимо от их видовой формы) несопоставимо со значением глаголов СВ, так как нельзя начать, продолжать или перестать делать то, что отсутствует в наблюдаемой (описываемой) ситуации. В (29) описывается ситуация, в которой либо кто-то оказывает на меня физическое воздействие с целью сдвинуть с места, либо кто-то многократно вынуждает меня к такому движению, оказывая данное воздействие. В первом случае полное прекращение действия не сопровождается возникновением естественного результата (т. е. изменением моего местонахождения) — глагол СВ здесь не может быть употреблен. Во втором случае референция осуществляется к серии действий “толкания”, тогда как типичный глагол СВ отсылает к единичному событию. Как следствие этого, в обоих случаях уместен только глагол НСВ.

Предложения, в которых подлежащее выражено отрицательным местоимением — например, *никто* — как правило не допус-

кают употребления глаголов СВ в том случае, когда *никто* имеет обобщенную референцию (= 'ни одно из всех существующих лиц'), ср.:

(30) *Кто тебя толкнул, сынок? — Никто меня не *толкнул/толкал;* (31) *Кто тебя сюда пустил? — Никто меня не пускал. Я сам себя пустил.*

Негативный субъект указывает на то, что действие, о котором идет речь, не имело места. Если действие не имело места, оно не могло быть наблюдаемо, поэтому все событие (точнее, несобытие) представляется как продукт знания, а не живого наблюдения (хотя не исключено, что самое утверждение может быть ложным). Вопрос *Кто тебя толкнул, сынок?* задается потому, что говорящий наблюдает нечто, что, по его мнению, является следствием действия «толкания», направленного на объект «сынок» — здесь возможен только глагол СВ. Мальчик употребляет глагол НСВ, который не указывает на наблюдаемость названного события. В (31) контекст осуществления обоих высказываний аналогичен контексту в (30), но в последнем высказывании употреблен тот же глагол СВ, что и в вопросе, так как автор этого высказывания сообщает о событии со своей точки зрения как наблюдателя. При неопределенно-референтном употреблении местоимения *никто* (= 'ни одно из некоторого ограниченного множества лиц') требуется глагол СВ, ср.: *Чего он плачет? Никто его даже не толкнул/*толкал.*

Референтами глаголов СВ₁ и СВ₂, как правило, являются единичные события, что влияет на смысловую интерпретацию высказываний с такими глаголами. Ср.:

(32) а. *Она родила девочек.*
б. *Она рожала девочек.*

(33) а. *Он дернул за веревки.*
б. *Он дергал за веревки.*

В (32а) речь идет о родах как единичном событии появления на свет двойни (тройни и т. д.). В (32б) речь идет о родах как

неопределенном числе событий появления на свет неопределенного числа младенцев женского пола. Аналогичным образом, в (33а) *веревки* является множественным объектом единичного действия, тогда как в (33б) речь идет о неопределенном числе действий, каждое из которых направлено на неопределенное число объектов.

4.3.3.2. Глаголы НСВ₁/НСВ₂

Ср. следующие примеры:

(34) *Смотри, куда это она его ведет/*водит?*

(35) *В конце улицы показался слон, ведомый/*водимый двумя факирами.*

Контекст обоих высказываний включает эксплицитное указание на наблюдателя (глаголы *смотри* и *показался*), и в обоих случаях допустим только глагол НСВ₁. В следующем предложении отсутствует указание на наблюдателя, и глагол НСВ₁ не может быть употреблен:

(36) *Кто тебя обычно *ведет/водит в школу?*

Ср. также различие между (а) и (б) в следующем примере:

(37) а. *Охранника, вешего заключенных на прогулку, хватил удар;*

б. *Охранника, водившего заключенных на прогулку, хватил удар.*

В (37а) подразумевается, что охранника хватил удар в то время, как он вел заключенных на прогулку. Напротив, в (37б) просто утверждается, что «верно, что охранника, в чьи обязанности входило водить заключенных на прогулку, хватил удар». Еще примеры:

(38) “Что ты знаешь о животном мире?” — “Птицы *летят/летают, звери *бегут/бегают, рыбы *плывут/плавают, змеи *ползут/ползают.”

(39) *Смотри, птицы летят/*летают.*

В (38) при ответе на вопрос говорящий исходит из того, что он знает о таких предметах, как птицы, звери и т. д., тогда как в (39) описывается наблюдаемое движение таких предметов. Соответственно, в (38) возможны только глаголы НСВ₂, а в (39) — НСВ₁. Ср. также:

(40) а. *Он *плыл/плавал на торговых судах.*

б. *Он плыл/плавал на торговом судне.*

В (40а) глагол НСВ₁ нельзя употребить потому, что содержащееся в его значении указание на наблюдаемость действия исключает возможность множественного референта объекта (один человек не может одновременно плыть на нескольких судах). При единичном референте объекта возможны оба глагола (НСВ₁ и НСВ₂), но НСВ₁ имеет событийное значение, а НСВ₂ — общефактическое.

4.4. Значение вида

Список примеров, иллюстрирующих смысловое различие между глаголами в видовых парах, можно продолжать до бесконечности. Это различие носит последовательный характер и отражает контраст между двумя типами знания о событии: феноменологическим, основанным на индивидуальном чувственном опыте, и структуральным знанием, основанным на абстракции (Calver 1946; Goldsmith & Woisetschlaeger 1982; Bickerton 1992). Другими словами, грамматический термин *вид* недвусмысленно указывает на различительный признак, образующий основу видовых проти-

вопоставлений, а именно, на когнитивный статус события, обозначенного глаголом: наблюдаемые события противопоставляются событиям, референция к которым не связана с указанием на наблюдателя. Так, пары типа *идти/ходить* являются чисто видовыми противопоставлениями точно так же, как и пары СВ₁/НСВ₂ и СВ₂/НСВ₂.

Различие между когнитивным значением парных глаголов НСВ интуитивно ощущалось А. Потемной (ср. его “конкретные” vs. “обычные” действия) и Р. Якобсоном (“определенный” vs. “неопределенный” вид). Другие объяснения различия в значениях парных глаголов (“дуративное” vs. “фреквентативное” и “направленное” vs. “ненаправленное” действие) также вытекают из когнитивного значения глагола: перемещение в пространстве как событие, обозначенное маркированным по видовому признаку глаголом НСВ₁, в прототипическом случае наличествует (= существует) в момент осуществления высказывания, оно происходит в то время, как говорящий его описывает — отсюда идея длительности, ассоциируемая с таким событием. Когда объектом наблюдения является движущийся предмет, идея направленности всегда так или иначе присутствует, ибо взгляд наблюдателя следует за его траекторией. Наоборот, немаркированный в видовом отношении глагол НСВ₂ отражает знание о событии, которым обладает говорящий и источником которого может быть либо разовое наблюдение, как в (40), либо многократные наблюдения, как в (41):

(40) *Вчера Петя ходил в кино.*

(41) *Петя ходил по комнате.*

В последнем примере употреблен глагол НСВ₂ для отсылки к процессу, состоящему из числа определенных эмпирически вычленимых фаз («взад» и «вперед»); в прототипической ситуации наблюдения референция к каждой из этих фаз будет осуществляться посредством глагола НСВ₁, идти (напр., *Петя идет по комнате*). Ряд последовательных наблюдений регистрирует повторяющийся характер таких фаз — отсюда “фреквентативный” характер глаголов НСВ₂.

4.5. Совершенный вид и настоящее время

Чем объясняется несовместимость СВ и настоящего времени? Как мы видели, грамматическое значение вида отражает два различных этапа в когнитивной категоризации события: действие (процесс и т. п.), обозначенное глаголом, может быть представлено как непосредственно воспринимаемое наблюдателем (маркированная форма), либо оно представляется в отвлечении от того пространственно-временного контекста, в котором оно происходит, как нечто, существующее не как часть актуальной, т. е. данной в ощущениях, картины мира, но как часть структурированного знания о мире, которым обладает говорящий; в последнем случае употребляется немаркированная в видовом отношении форма.

В терминах экзистенциальных отношений, наблюдаемые события в окружающей нас действительности могут быть только двух типов: настоящие (present) и прошедшие (past). Настоящее событие есть такое событие, языковая категоризация которого говорящим одновременно с его когнитивной категоризацией наблюдателем (в прототипической ситуации говорящий и наблюдатель совпадают). Прошедшее событие есть такое событие, языковая категоризация которого следует за его когнитивной категоризацией. Соответственно, настоящие наблюдаемые события определяются как незавершенные и противопоставляются прошедшим наблюдавшимся событиям как завершенным.

Принятая в современной лингвистике интерпретация понятия “настоящее время” как *hic et nunc* говорящего неадекватно отражает языковую действительность, поскольку индексальные явления в естественном языке не могут быть должным образом объяснены, если их связывать с говорящим как прагматическим центром дискурса. Как уже упоминалось в предыдущих главах, данные из различных языков говорят о том, что индексальная референция — в частности, таких индикаторов, как *здесь* и *сейчас* — ориентирована относительно наблюдателя: *здесь* отсылает к об-

ласти пространства, которая осознается как таковая благодаря непосредственному чувственному восприятию; *сейчас* отсылает к времени осуществления восприятия, осознаваемому наблюдателем, т. е. ‘сейчас’ есть время, в которое мы осознаем факт осуществляемого нами зрительного (слухового и т. д.) восприятия. Лат. *praesens* имеет значение ‘то, что перед чувствами’; соответственно, “прошедшее” означает ‘то, что прошло мимо чувств (то, что позади)’ — и это как раз и есть значение русского глагола СВ. Исторически, временные значения (“настоящее”/“прошедшее”) в русском и многих других языках развились из чисто видовых противопоставлений¹¹ (Телин 1985), и несовместимость русского СВ с настоящим временем — всего лишь сохранившееся напоминание об этом.

4.6. Глаголы НСВ и префиксация

Как видно из табл. 3 и 4, префиксация обычно не влияет на грамматическое значение парных глаголов. Однако приставочные глаголы НСВ, типа *вести* становятся глаголами СВ₃, что представляется своеобразным отклонением от деривационной

¹¹ Например, в древнем арабском было только две видовых формы — перфект (*katabtu* ‘я написал’) и имперфект (*aktubu* ‘я писал’), для которых временное значение было не свойственно. Имперфект мог иметь значение настоящего, будущего и прошедшего времени. В дальнейшем присоединение к формам перфекта частицы *qad* способствовало более четкому отграничению собственно перфекта (*qad kataba* ‘он уже написал’); присоединение префикса *sa-* к формам имперфекта (*saktabu* ‘мы пишем, будем писать’) дало возможность более четко выделить будущее время и т. д. (Серебренников 1988: 208). На необязательность выражения глаголом времени в ряде языков указывал Э. Бенвенист (1974).

модели. Тем не менее, такое отклонение есть естественный эффект, обусловленный когнитивным содержанием глагола. Что происходит при соединении глагола НСВ₁ с пространственным префиксом?

Указание на “текущее” наблюдение, являющееся частью значения глагола НСВ₁, характеризует обозначенное им действие (процесс) как наличествующий в наблюдаемой ситуации. Структура фрагмента действительности, наблюдаемого и описываемого в высказывании с глаголом НСВ₁, такова, что процесс, к которому отсылает глагол, является его неотъемлемой составной частью. Пространственный префикс, например, *вы-*, есть языковая репрезентация пространственного концепта, подвергшегося когнитивной категоризации. *Вы-* имеет прототипическое значение ‘прочь (наружу)’, т. е. ‘за пределы воспринимаемого фрагмента действительности (перцептуального пространства)’: мы знаем, что нечто находится снаружи, если его нет внутри. Значением глагола НСВ₁, по определению, является ‘наличествование (в перцептуальном пространстве)’. Если говорящий, употребляющий глагол выйти, является одновременно наблюдателем события-глагольного референта, возникает логическое противоречие: сам по себе глагол указывает, что процесс “наличествует” в наблюдаемой ситуации, тогда как префикс помещает этот процесс вне наблюдаемой ситуации, за ее пределами, т. е. процесс характеризуется как “отсутствующий”. Это противоречие может быть разрешено только в том случае, если разведены оба момента наблюдения (наблюдения процесса и наблюдения места). Если я наблюдаю нечто, что может быть описано высказыванием *Он идет*, ничто в самом действии не указывает на то, что оно в какой-то момент перестанет быть наблюдаемым (наличествующим) в данной ситуации. Но, исходя из того, что я знаю о мире вообще и о возможных отношениях между предметами, местами и процессами в частности, я могу предполагать, что в какой-то из моментов после того, как наблюдение имело место, действие, о котором идет речь, не будет наличествовать. В этом случае мы приходим к той же идее “прошлости”, которая связана со значением базовых глаголов СВ, и глагол НСВ₁ с приставкой естественным

образом становится глаголом СВ₃; но поскольку момент наблюдения, имплицитный пространственным префиксом, проецируется на отрезок времени, следующий за настоящим (воспринимаемым и осознаваемым) моментом совершения события, форма настоящего времени с добавлением префикса приобретает значение будущего.

Грамматическое значение глаголов НСВ₂, образующих видовые пары с базовыми глаголами СВ₁ или НСВ₁, не меняется в результате префиксации. Наоборот, базовые глаголы НСВ₂ типа *делать*, не имеющие парных базовых глаголов СВ₁, и типа *толкать*, имеющие производные (суффиксальные) парные глаголы СВ₂, изменяют грамматическое значение в результате префиксации. Непарные глаголы НСВ₂ приобретают соответствующие пары в виде глаголов СВ₄ — как правило, с помощью грамматикализованного префикса *с-*, например, *делать, жечь, играть, *казать* (НСВ₂) → *сделать, сжечь, сыграть, сказать* (СВ₄). Тем не менее, мотивированность процесса, приведшего к грамматикализации этого префикса, может быть прослежена от его исходного посессивного значения: в прототипическом случае, возникновение грамматического значения СВ связано с тем, что глагольный референт рассматривается (воспринимается) как нечто, ведущее к возникновению и сохранению некоторого нового положения вещей, сопровождающего деятеля в дальнейшем даже после завершения события. В зависимости от характера деятельности, обозначенной глаголом, могут употребляться другие грамматикализованные префиксы, например, *на-*: *писать, рисовать, пачкать* (НСВ₂) → *написать, нарисовать, напачкать* (СВ₄).

Характерной чертой глаголов НСВ₂ является их немаркированность в видовом отношении. Как мы видели, есть два типа маркированных в видовом отношении (базовых) глаголов — НСВ₁ и СВ₁ — и один тип немаркированных глаголов; однако собственно видовые противопоставления (видовые пары) представляют собой не тернарные, а бинарные оппозиции: это либо НСВ₁/НСВ₂, либо СВ₁/НСВ₂. Последовательная унифицированность перфективизационной модели достигается за счет компен-

сирующего механизма: глаголы НСВ₁ посредством префиксации превращаются в глаголы СВ, становясь третьим членом, завершающим видовую парадигму. Для пар СВ₁/НСВ₂ и СВ₂/НСВ₂ морфологическая деривационная модель для образования недостающих глаголов НСВ, маркированных в видовом отношении (аналогичных глаголам НСВ₁), отсутствует. Грамматическое значение недостающего члена парадигмы присваивается немаркированной в видовом отношении формой НСВ₂ и актуализируется в тексте в зависимости от наличия контекстного указания на наблюдателя, ср.:

- (42) а. *Он курит;*
б. *(Смотри.) Он курит.*

4.7. Вид и пассивный залог

Как уже упоминалось выше, страдательные причастия прошедшего времени глаголов НСВ₂ не имеют результативного значения. Собственно пассивные причастия образуются только от глаголов СВ (базовых и производных), хотя некоторые глаголы, напр., *толкнуть*, представляют исключение. Глаголы НСВ₁ также не имеют форм страд. прич. пр. вр. (см. Табл. 2 - 4). Чем объясняются эти ограничения?

Значение образованного от глагола СВ страд. прич. пр. вр. — для прототипической ситуации физического действия — связано с определенными наблюдаемыми последствиями (результатом), возникающими в процессе совершения этого действия. Определенное положение вещей категоризируется как результат некоторого действия не потому, что наблюдатель/говорящий обязательно был свидетелем совершения самого действия, но на основании того, что мы знаем о предметах и их нормальных (применительно к контексту) состояниях, а также об условиях, ведущих к изме-

нению этого нормального состояния и возникновению нового наблюдаемого состояния.

Поскольку пассивное причастие отсылает к чему-то наблюдаемому, его референт всегда привязан к специфическому пространственно-временному контексту, на который имеется эксплицитное или имплицитное указание в предложении, ср.:

- (43) *Пальто было брошено/*брошено на пол.*

В данном случае подразумевается, что некто в определенное время в определенном месте видел пальто, о котором идет речь, на полу. В следующем предложении такая импликация отсутствует:

- (44) *Судя по виду, его старенькое пальто не раз было *брошено/брошено прямо на грязный пол ночлежки.*

Речь здесь не идет о наблюдаемом результате единичного действия бросания; хотя говорящий осуществляет отсылку к чему-то, что связано с предметом “пальто” и выступает в роли объекта наблюдения, это нечто не может быть охарактеризовано как результат бросания. То, что действие бросания в действительности имело место, и не один раз, выводится дедуктивно с помощью не прямых, а косвенных свидетельств (напр., грязь на пальто) на основании знания, которым наблюдатель/говорящий располагает об этом человеке и о том, как устроен человеческий мир. Именно поэтому в последнем предложении употреблен немаркированный в видовом отношении глагол НСВ₂, тогда как в первом предложении глагол маркирован по виду.

Пассивное причастие не может быть образовано от маркированного по виду глагола НСВ₁ потому, что грамматическое значение этой формы ('отсутствие действия, о котором идет речь, в наблюдаемой ситуации') несопоставимо с грамматическим значением глаголов НСВ₁ ('наличествование действия, о котором идет речь, в наблюдаемой ситуации').

Картина несколько осложняется, если мы обратимся к суффиксальным глаголам СВ₂. С одной стороны, многие из них не употребляются в пассивном залоге в простых нераспространен-

ных предложениях типа *Он был *толкнут*. С другой стороны, эти же глаголы с префиксами свободно употребляются в пассиве, ср.:

(45) *Он был оттолкнут*.

В то же время, некоторые глаголы СВ₂, такие, как *кольнуть*, *стрельнуть*, *крутнуть* вообще не принимают префиксов. Детальный анализ этих и других особенностей выходит за рамки данной книги. Однако можно предположить, что они обусловлены двумя основными факторами: 1) характером отношения между действием, обозначенным глаголом, и возможными наблюдаемыми результатами этого действия (не все действия имеют наблюдаемые результаты, а в некоторых случаях наблюдаемый результат является признаком не объекта действия, а всей ситуации в ее целостности), 2) производным характером самого глагола СВ₂, так как семантика базового глагола НСВ₂ может влиять на итоговое грамматическое значение производного глагола.

4.8. Заключительные замечания

Выше был намечен общий нетрадиционный подход к проблеме глагольного вида в русском языке, при котором грамматическое значение вида связывается с тем, как когнитивно различные концепты действий (событий) категоризируются в языковой форме. Понятия “предела” и “целостности” действия не могут рассматриваться как семантический инвариант видовой принадлежности. Язык категоризует и делит все виды событий на два когнитивных типа: наблюдаемые события и известные события. Референция к наблюдаемому событию имплицитно подразумевает наличие в данной ситуации распознаваемого источника информации об этом событии, т. е. указание на наблюдателя, в то время как референция к известному событию не сопровождается таким указанием. Это ба-

зовое когнитивное различие составляет смысловое ядро грамматической категории вида и представимо в виде противопоставления определенный/неопределенный, что позволяет говорить об определенном и неопределенном виде соответственно.

В зависимости от того, совпадает бытийно акт когнитивной категоризации события с актом его языковой категоризации, или же предшествует ему, события далее подразделяются соответственно на бытийно наличествующие и бытийно отсутствующие (present и past). Пользуясь традиционной терминологией, можно говорить об определенном несовершенном виде (глаголы НСВ₁) и определенном совершенном виде (разные морфологические типы глаголов СВ); оба они противопоставлены неопределенному несовершенному виду (глаголы НСВ₂). Идея “прошлости”, изначально присущая значению глаголов СВ, ведет к несовместимости совершенного вида с настоящим временем. Идея “наличествования”, изначально присущая значению маркированных в видовом отношении глаголов НСВ₁, ведет к несовместимости определенного несовершенного вида с пассивным залогом.

ИМЕНА И МЕСТОИМЕННИЯ

В качестве эпиграфа к этой главе можно было бы предпослать следующую глубокую мысль П. Гарда: “Грамматика языка предстает перед нами как единство, состоящее из грамматики местоимений и грамматики местоимений. Причем вторая имеет отнюдь не меньшее значение — напротив, во многих отношениях она даже более поучительна, чем первая” (Гард 1985: 225). Ниже мы рассмотрим некоторые вопросы, связанные с иллюстрацией этого положения.

Определение (личного) местоимения, исходящее из его заместительной функции, в современной языковедческой традиции является своеобразной аксиомой, не требующей (или почти не требующей) доказательства. Эта аксиоматичность обусловлена двумя основными факторами: 1) общепринятой интерпретацией значения лат. *prōnōmen* “[то, что] вместо имени”, 2) частотностью употребления местоимений в анафорической функции, когда местоимению предшествует синтаксический antecedent в виде именной группы. Как следствие этого, условие референтного употребления местоимения в дискурсе ставится в прямую зависимость от наличия именного antecedenta, в связи с чем принято говорить о референтном и нереферентном употреблении местоимений. Насколько адекватно подобный подход отражает действительное положение дел?

5.1. Логика наивной таксономии

В плане отношения, существующего между языком как знаковой системой и реальностью, которая находит отражение в этой системе (посредством механизмов категоризации, абстракции и репрезентации), именная и местоименные системы как часть лексикона естественного языка есть не что иное, как таксономические системы, в которых представлена классификация предметно-бытийных сущностей по определенному критерию. Для класса имен, в прототипическом случае, таким критерием или категориальным признаком является предметность как понятие абстрактного уровня, отражающее свойство бытийных сущностей определенного типа (тел) сохранять занимаемый ими пространственный объем во времени. Другими словами, категоризация какой-либо сущности как предмета непосредственно связана с восприятием трехмерного пространства (см. напр. Vaina 1990). Вселенная бесконечна, поэтому количество областей пространства (объективного и субъективного), категоризируемых человеком как предметы, также в принципе бесконечно, что находит отражение в открытом характере множества, которое представляет собой класс имен.

В отличие от именных систем, местоименные системы в разных языках являются закрытыми множествами знаков определенного типа. Так, личные местоимения представляют собой систему лексических единиц, служащих для классификации действительности на три типа бытийных сущностей по их отношению — как принято считать — к говорящему: 1 л. указывает на говорящего, 2 л. указывает на того, к кому обращена речь говорящего, 3 л. указывает на лицо или предмет, которые не являются ни говорящим, ни адресатом (см. Jespersen 1929; Ахманова 1966; Lyons 1968; Соколовская 1980; Рус. грам. 1980; Нитинь 1987; ТФГ 1991 и др.). Классификация эта носит универсальный харак-

тер для разных языков (Forchheimer 1953; Майтинская 1969; Trask 1993).

Итак, с одной стороны мы имеем примитивную (гениальную в своей простоте) классификацию всего сущего на три категории: «Я», «ТЫ» и «ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ». Класс объектов, образующих первую категорию, представляет собой предметное множество, всегда равное единице (различием между ед. и мн. числом местоимения 1 л. в данном случае можно пренебречь); класс объектов, образующих вторую категорию, в подавляющем большинстве случаев также представляет собой предметное множество, равное единице, хотя может быть и бóльшим. Однако класс объектов, образующих третью категорию, представляет собой открытое, потенциально бесконечное предметное множество.

С другой стороны, мы имеем гораздо более сложное членение мира на предметные сущности, в процессе которого а) конкретные физические предметы категоризируются как индивидуальные холистические представители класса (напр., *дерево, зверь, дом*), б) происходит категоризация конкретных (множественных) предметов как областей пространства, выделяемых по критерию количества и компактности сосредоточения однотипных индивидуальных предметов (*дерево* → *лес*, *зверь* → *стая, дом* → *деревня*), в) конкретные физические предметы как холистические сущности переосмысливаются в структурированные области пространства с дальнейшей дробной предметной категоризацией (*дерево* → *ствол, корни, крона, ветви, листья*; *зверь* → *голова, туловище, ноги, хвост*; *дом* → *стены, крыша, крыльцо, дверь, окна*), г) в рамках широких (универсальных) классов выделяются подклассы конкретных предметов, характеризующиеся той или иной постоянной совокупностью второстепенных признаков (*дерево* → *сосна, береза, осина*; *зверь* → *медведь, лиса, заяц*; *дом* → *изба, хижина, терем, особняк*) и т. д. Общее количество таксономических критериев, по которым происходит дальнейшее наивное членение мира, трудно определить с точностью, да в этом и нет необходимости. Интерес представляет вопрос, какие основания существуют для того, чтобы постулировать первич-

ность сложной таксономии, оперирующей абстрактными понятиями, элементарной таксономии, основанной на чисто феноменологических категориях — ибо именно в этом состоит главное различие между именной и местоименной классификационными системами естественного языка. Положение о заместительной функции личных местоимений неизбежно ведет к признанию эпистемической первичности более сложной и тонкой классификационной системы, и вторичности, производности грубой элементарной классификации, что противоречит основным принципам таксономии.

5.2. Этимология

Русское *местоимение* является переводом латинского *prō-nōten* “слово, употребляемое вместо собственно существительного, указательное местоимение” (Glare 1982). По традиции “вместо” понимается как “взамен”, т. е. сначала есть имя (напр., в предложении), которое затем заменяется на местоимение; отсюда — заместительная функция местоимений. Однако “вместо (чего-л.)” вовсе не обязательно означает “взамен (чего-л.)”, ср.: *Иван вчера ездил на рыбалку, но вместо рыбы привез раков*. Следует ли из данного предложения, что предмет *рыба* в описываемой ситуации имел место быть прежде, чем был заменен предметом *раки*? По-видимому нет, так как там, куда ездил Иван, рыбы могло просто не быть по тем или иным причинам. Ср. также: *Вместо стула он использовал старый ящик из-под консервов* (≠ “сначала был стул, который заменили ящиком”); *Он был мне вместо брата* (≠ “у меня был/есть брат, чье место он занял”); *Вместо цветов она посадила помидоры* (≠ “помидоры заняли место, где до этого были цветы”) и т. п. В подобных примерах импликация

предварительного наличия того или иного предмета в описываемой ситуации (*стул, брат, цветы*) отсутствует.

Лат. *prōnōmen* восходит к предложной конструкции *prōnōmine* (Klein 1967); основным же значением предлога *prō* является “вперед, перед”, что особенно хорошо прослеживается на примере глаголов движения с приставкой *prō-*, производной от предлога *prō*: *prōvenio* “выходить вперед”, *prōtrudō* “толкать вперед”, *prōtendō* “расстилать перед собой” и т. п. Ср. также *proavctor* “пращур, предок”, *proavia* “прабабушка” и под.: пращур — это не тот, кто заменил другого, ближайшего предка, так же как о прабабушке нельзя сказать, что она каким-то образом замещает бабушку. Речь идет о том, кто был прежде, кто предшествовал, а не о том, кто был замещен. Очевидно, что когда речь идет о функции личных местоимений, формула “вместо имени” должна пониматься не в том смысле, что сначала было имя, а в том смысле, что позиция, занимаемая в предложении местоимением, есть позиция, резервируемая языком в его современном состоянии для имени. Таким образом, логика наивной таксономии и этимология слова *prōnōmen* говорят в пользу первичности местоименного онтогенеза, подтверждая правоту К. Бругмана (Brugmann 1904), с которым категорически не соглашался К. Бюлер (Bühler 1934). Местоимение — это не то, что употребляется вместо имени, а то, что предшествует имени, или **протоним**.

В этой связи представляется необоснованным высказывавшееся в литературе мнение, что на уровне языка назначением класса местоимений является наименование предметов мыслей, а сами местоимения — это словесные знаки, понятийная соотнесенность которых превалирует над предметной, и поэтому их можно считать в высшей степени обобщенными словами (Нитинь 1987). Отличительным признаком местоимений, по которому они объединяются в класс местоименных слов, является указательная функция (Шведова, Лопатин 1989). В прототипическом случае объектами такого указания являются предметы, доступные восприятию — главным образом предметы, находящиеся в поле зрения. Выделение предмета из среды других предметов посред-

вом указания относится к числу актов первичной эпистемической категоризации в той мере, в какой это касается познавательной деятельности, поскольку такой акт основан на феноменологии в чистом виде. Обобщение же является высшим этапом когнитивной деятельности, так как представляет собой умственный переход от понятий, имеющих меньший объем, к понятиям, имеющим больший объем (ЛСД 1994). Именование предмета, навешивание на него “ярлыка” (языковая функция имени) не может предшествовать его феноменологической идентификации, т. е. выделению предмета как бытийной сущности посредством указания (языковая функция местоимения).

5.3. Анафоричность и антецедентность

Из трех форм личных местоимений, характерных для многих языков, в так называемой заместительной функции употребляются лишь местоимения 3 л., тогда как местоимения 1 и 2 л. эта функция не свойственна. Попытки уравнивать значение форм 3 л. со значением определенных дескрипций, включающих указательное местоимение этот, напр. *я = это тело* или *я = это лицо* (Wittgenstein 1960; Wierzbicka 1976) нельзя признать состоятельными, так как по отношению к значению слова *этот* значение слова *я* элементарно: значение указательного местоимения выводится через референцию местоимения *я*, но не наоборот. В нормальной ситуации речевого общения высказывание типа *Это лицо [человек] верит в бога* не может быть истолковано как относящееся к говорящему. Следовательно, так называемая заместительная функция местоимений может быть приписана лишь одному из трех членов, образующих систему — местоимению 3 л., которое заметно отличается от форм 1 и 2 л. как по формальным, так и по функциональным показателям. Это позволило ряду

лингвистов сделать вывод, что “третье лицо” не есть лицо (Wundt 1911; Бенвенист 1974; Lyons 1977).

Положение об анафорическом характере местоимений 3 л. опровергается фактами, на которые указывалось в литературе (Quine 1961; Geach 1962; Thavenius 1983), и которые подробно рассматриваются Е. В. Падучевой (1985). Приведем несколько примеров, где обратная замена местоимения на именную группу, совпадающую с антецедентом, дает предложение, имеющее другой смысл: 1) *Каждый хочет, чтобы все его уважали* (\neq “чтобы все уважали каждого”); 2) *Я знаком с одним австралийцем, и ты тоже знаком с ним* (\neq “с одним австралийцем”). Как указывает У. Куайн, “местоимения не являются заместителями (субститутами) своих синтаксических антецедентов” (Quine 1961: 4). Сравнивая следующие два предложения: а) *Человек, который оставил вам свою рукопись, ушел, но завтра он придет снова*; б) *Человек, который оставил вам свою рукопись, придет снова*, Е. В. Падучева (1985: 146) объясняет различие смыслов в них тем, что *он* в (а) скорее означает не “человек, который оставил вам свою рукопись”, а “человек, о котором идет речь” (при условии, если предложение (б) не считать аномальным). Если принять общий тезис, что местоимения 3 л. указывают на предмет речи, такое толкование вводит их в систему противопоставлений по признаку отнесенности к речевому акту (а не к говорящему *per se*), не требуя наличия в синтаксической структуре предложения именных антецедентов.

Лингвистами давно были отмечены случаи тривиального употребления местоимений в контекстах, в которых отсутствуют именные антецеденты. Местоимение 3 л. может употребляться в ситуации, когда в поле зрения говорящего (и слушающего) находится один человек, и этот человек становится предметом речи: *Что это он там делает?*; *Смотри, как она высунулась из окна! Того и гляди упадет*. В подобных случаях нельзя говорить об анафорическом характере личных местоимений, поэтому такое употребление называют демонстративным, когда *он/а = (вон)*

тот/та там (Bennett 1978: 28). Как отмечает Р. Хадлстон, приводя аналогичный пример *Она выглядит чересчур старой для канатоходца* (высказывание одного из зрителей в цирке во время выступления женщины-канатоходца), контекст высказывания таков, что “референт может быть определен просто из смысла слова *она* без необходимости дополнительной информации, которую может дать антецедентная именная группа” (Huddleston 1984: 275; см. также Hausser 1979). Смысл неанафорического местоимения заключается в том, что оно отсылает к предмету, присутствующему в ситуации высказывания и выделяющемуся по сравнению с другими предметами.

Тем не менее, неанафорические местоимения 3 л. не всегда имеют референцию к кому-то, присутствующему в ситуации непосредственного речевого общения. Представим такую ситуацию: человек ездил проведать свою мать, живущую на краю города; вернувшись вечером домой, он садится ужинать с женой, и в какой-то момент жена, вспомнив что-то, спрашивает: *Ты ей сказал, что мы уезжаем на неделю?* Референт местоимения 3 л. отсутствует в данной ситуации и предварительно не упоминался, однако затруднений в его идентификации у мужа не возникает, так как он прекрасно понимает, что речь идет о его матери. Такое употребление местоимения 3 л. аналогично особенностям употребления местоименного наречия места *здесь*, которые определяются психологическим феноменом личного пространства (Кравченко 1990б). Члены семьи и близкие родственники входят в личное пространство говорящего и наоборот, поэтому при отсутствии в ситуации высказывания возможного референта местоимения 3 л. члены семьи говорящего соотнесут это слово с человеком, входящим в их личное пространство, и проблемы отождествления референта здесь не возникает.

При наличии нескольких объектов, способных выступать в роли референтов местоимений 3 л. ед. ч., осуществляемое местоимением указание становится неоднозначным, поэтому в канонической речевой ситуации у слушающего возникает потребность в расшифровке значения местоимения с помощью определенной

дескрипции: *Куда это она так пристально смотрит? — Ты о ком? — Вон та девушка у окна, с длинными волосами.* Здесь само местоимение выступает в роли антецедента.

Здесь уместно отметить особенности функционирования указательного местоимения *этом*. В тривиальных ситуациях бытового общения разговорная речь людей, разделяющих одно общее психологическое пространство (это может быть домашняя или интеракциональная территория), часто характеризуется таким употреблением местоимения *этом*, которое нельзя назвать нормативным (т. е. в функции детерминатора именной группы). Ср.: *Послушай, где мой бумажник? — Там, на этой, где всегда; Где у нас соль? — Там, в этом* и т. п. Подобные случаи нельзя рассматривать как случаи эллипсиса: *Где у нас соль? — Там, в этом (шкафу)*, так как индексальное значение слова *этом* ('близкий') эпистемически не согласуется с индексальным значением слова *там* ('удаленный'). Другое возможное объяснение — через субстантивацию — сталкивается с проблемой определения субстантивируемых признаков референта слова *этом*, при этом подразумевается, что эти признаки уже заложены в сигнификате указательного слова.

Наблюдения над функционированием местоимений *этом*, *там* в нормативном употреблении заставляют обратить внимание на тот факт, что понятия "близкий", "далекий" не являются абсолютными, и для их реализации в речи необходимо знать, по сравнению с чем тот или иной предмет может быть охарактеризован как "близкий" или "далекий". Если нет группы сравнения (предметов или явлений, относящихся к тому же классу, что и предмет речи), то нет и самого сравнения, т. е. той реальной основы, на которой строится противопоставление "близкий/далекий". Это ведет к тому, что при наличии в речевой ситуации единичного представителя какого-то класса предметов для его идентификации (установления референциальной отнесенности между словесным знаком и соответствующим ему предметом) достаточно констатировать тот факт, что этот предмет является элементом речевой ситуации, т. е. что он зрительно (или посред-

ством других органов чувств) воспринимается участниками речевого акта. Такая констатация осуществляется употреблением слова *этом*, основной функцией которого является указание на чувственную воспринимаемость предмета или явления, о котором идет речь в высказывании.

Разделяемое участниками речевого акта общее психологическое пространство формируется на основе чувственного опыта, накапливаемого в процессе повседневного общения; в результате значение "чувственной данности" слова *этом* связывается не с текущим ощущением, а с наличием предмета в пространственной сфере, сформированной этими ощущениями. Однако само по себе указание на включенность предмета в общее пространство участников речевого акта недостаточно для его идентификации, так как предметов, составляющих материальное наполнение описываемого фрагмента действительности, обычно больше одного. Круг возможных референтов сужается благодаря употреблению родового показателя, но и этого недостаточно, ср.: *Где мои очки? — Там, на этом (столе? окне?)*. Здесь вступает в действие фактор психологической пресуппозиции, в соответствии с которым говорящий строит свое высказывание исходя из того, из чего, с его точки зрения, исходит слушающий в данной речевой ситуации. Так, вопрос X-а: *"Где у нас соль?"* говорит о том, что X не нашел ее в привычном месте — например, на столе, а в ответе У-а: *"Там, в этом"* практически однозначно сообщается, что она находится в шкафу (единственном приемлемом из числа находящихся в кухне предметов референте слова *этом*). Можно предположить, что в подобных употреблениях указательного местоимения *этом* происходит субстантивация таких признаков предмета, как "находящийся в общем для говорящего и слушающего пространстве" и "в норме являющийся местом нахождения предмета, о котором идет речь". Эти признаки традиционно не включаются в сигнификат указательного местоимения, тем не менее они играют существенную смыслообразующую роль.

На обратный характер иерархии между именем и местоимением указывал Ч. Пирс, подчеркивая, что "нет оснований говорить,

что *я, ты, тот, этот* употребляются вместо имен существительных... Имя является несовершенным субститутутом местоимения” (Peirce 1932: 163). А. Беркс пытался показать, что это справедливо лишь для местоимений 1 [и 2] л., тогда как местоимение 3 л., будучи употребленным в книге для отсылки к лицу, названному в предыдущем предложении,

указывает на объект не прямо, а косвенно, через знак в предыдущем предложении. Говоря об этом различии в духе Пирса, можно сказать, что в первом случае индекс бытийно связан со своим объектом (его объект есть вещь, вычленяемая из непосредственного окружения); тогда как во втором случае индекс бытийно связан со знаком своего объекта (его объект есть вещь, обозначенная именем собственным или дескриптивным выражением в предыдущем предложении)

(Burks 1949: 678).

Однако А. Беркс обходит стороной употребления местоимений 3 л., когда они, как и местоимения 1 л., бытийно связаны со своим объектом (см. прим. выше), и встречаются, главным образом, в устном дискурсе, который онтологически первичен по отношению к письменному дискурсу. Мало того, можно найти множество примеров художественных произведений, начинающихся с местоимений 3 л., не говоря уже о названиях и заглавиях типа “Он и она”, “Они были первыми”, “И это все о нем” и т. п.

5.4. Морфологические категории

5.4.1. Лицо

Как у местоимений, так и у имен выделяют категории рода, числа и падежа. Категория лица, которую было бы естественно ожидать если не у имен, то хотя бы у личных местоимений, фиксируется лишь как глагольная категория:

Морфологическая категория лица — это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или неотнесенность действия к участникам речевого акта. Формы лица отражают отнесенность действия к говорящему (формы 1 лица), к собеседнику (формы 2 лица) или к лицу, которое не является ни говорящим, ни собеседником, а также к неодушевленному предмету (формы 3 лица). Формы 1 и 2 л. как выражающие отнесенность действия к участникам речевого акта противопоставлены формам 3 л. как не выражающим такой отнесенности.

(Рус. грам. 1980, I: 636).

Авторы “Краткой русской грамматики” определяют лицо как словоизменительную грамматическую категорию глагола, обозначающую носителя процессуального признака и выражающую это значение в системе форм 1, 2 и 3 л., при этом предметно-личное значение формы 3 л. противопоставляется собственно личному значению форм 1 и 2 л. (Шведова, Лопатин 1989: 283), хотя пояснения этому различию значений авторы не дают. Категория лица у глагола выделяется в точности по тем же признакам и на тех же основаниях, по которым различаются между собой личные местоимения: наличие противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или неотнесенность их референтов к участникам речевого акта. Почему в таком случае не принято говорить о категории лица местоимений, хотя лицо

является их единственным универсальным противопоставлением?

Если мы обратимся к толкованию лингвистического понятия “лицо” в словарях и грамматиках, то мы увидим отсутствие какой-либо последовательности в его интерпретации, поскольку лицо понимается а) как глагольная категория, б) как лексико-грамматический разряд существительных, выделяемый в рамках более широкого класса одушевленных имен (хотя в самом имени не содержится абсолютно никаких указателей на одушевленный или неодушевленный характер его референта), в) как участник речевого акта (в этом случае 3 лицо “не есть лицо”).

В русском языке содержание термина *категория лица* связывают также с формообразовательными различиями в сфере личных существительных (Виноградов 1947; Копелиович 1991). Что же такое лингвистическое лицо?

Ясно, что в основе этого понятия не может лежать противопоставление “одушевленный предмет/неодушевленный предмет”, так как все виды личных местоимений могут употребляться для указания как на тех, так и на других. Нерелевантно для содержательной сущности понятия “лицо” и противопоставление “человек/не-человек”. Остается один признак — “отношение предмета к говорящему (субъекту речи)”: *я* — “тот, кто говорит”, *ты* — “тот (то), кому (чему) я говорю”, *он/а/о* — “не-я и не-ты”. Но и в этом случае толкования местоимений нельзя считать вполне удовлетворительными, потому что если при определении понятия “лицо” исходить из критерия “характер участия в речевом акте”, то надо признать, что местоимения 3 л. вообще не входят в систему собственно личных местоимений, а местоимения 2 л. входят в нее условно, так как их референты не всегда могут рассматриваться как участники речевого акта.

В литературе отмечалась недостаточность толкования местоимения 2 л., основанного на понятиях “слушающий” и “адресат” применительно к тем случаям, когда говорящий обращается к неодушевленному предмету (Апресян 1986). Эту проблему можно было бы решить традиционным способом, объяснив указанное

явление “персонификацией”, но возможен и другой путь. Для этого надо в качестве исходного критерия, как и в случае с местоимением 3 л., взять отнесенность референта местоимения 2 л. к ситуации речевого акта, определив этот объект как объект речи. Термин “объект речи” в силу своей нейтральности охватывает оба понятия — “адресат” и “слушающий” — и обеспечивает краткое всеобъемлющее толкование местоимения 2 л. во всех его употреблениях. Таким образом, толкования личных местоимений можно представить в следующем виде: *я* — “субъект речи”, *ты* — “объект речи”, *он/а/о* — предмет речи¹² (подробнее см. Кравченко 1992а). Под речью в данном случае понимается собственно речевое действие вне зависимости от конкретных условий его осуществления, т. е. субъект, объект и предмет речи есть соответственно субъект, объект и предмет речевого действия, которое не следует отождествлять с речью в сосюровском понимании или с речевым актом как таковым.

Предлагаемая классификация отражает общее членение говорящим предметной реальности на три класса объектов (наивная таксономия) независимо от целей, способов и характера осуществления коммуникации. Это членение находит отражение в грамматической категории лица местоимений и глаголов и объясняет отсутствие этой категории у имени, ибо протоимя (местоимение 3 л.) является лишь частью системы формальных противопоставлений, образующих эту категорию.

Здесь также интересно посмотреть на этимологию лат. *persōna*. Хотя в Оксфордском словаре латинского языка указывается, что оно, возможно, заимствовано из этрусского, его связь с греческим *πρόσωπον* очевидна, поскольку первое является калькой со второго. Оба имеют одинаковое значение ‘маска (особ. актерская); действующее лицо пьесы, драматическая роль’. Сущ.

¹² В подтверждение того, что функцией местоимений 3 л. является указание на предмет речи, можно привести экспериментальные данные Ж. Пиаже об эгоцентризме в речи ребенка: при рассказе различного рода историй в речи детей преобладают личные и указательные местоимения (Пиаже 1994: 84 и сл.).

persōna соотносится с глаголом *personō* 'издавать громкий, продолжительный звук', который, в свою очередь, коррелирует с сущ. *sonus* 'звук, шум' с приставкой *per-*, производной от предлога *per*, одно из основных значений которого — 'указание на (промежуточную) субстанцию, через которую осуществляется восприятие предмета'. Этимология греч. *πρόσωπον* менее прозрачна; однако если верно, что *πρό-* приставка, образованная от предлога *πρό* 'вперед, перед (чем-л.)', *σωπον* можно соотнести с таким глаголом, как *σωπαίνω* 'перестать говорить, замолчать'. Иначе говоря, семантика как латинского, так и греческого слова оказывается связанной с понятием "источник (продолжительного) звука", каковым мог быть поток звучащей речи, служивший классификационным критерием в делении предметов на говорящие и неговорящие (ср. с театр. термином в лат. *muta persōna* 'актер с немой ролью, статист'). Отметим, что такая классификация характерна для языка навахо: индейцы навахо делят живых существ на две категории, исходя из того, наделены ли они речью (Леви-Строс 1994: 143).

5.4.2. Род

Интересно также сравнение категории рода у имен и местоимений. Как у тех, так и у других категория рода выражена непосредственно, но непоследовательно эта различного свойства. У местоимений род выражен в формах 3 л. и не выражен у форм 1 и 2 л., причем эта закономерность прослеживается в абсолютном большинстве языков мира (исключение составляют, пожалуй, лишь семитские языки, в которых формы 2 л. имеют показатели рода). Это — прямое следствие исходной эпистемической категоризации действительности, отраженной в тройственной классификации предметных сущностей на субъект, объ-

ект и предмет речи. Первичная эпистема «я - ты» отражает первый, самый важный этап когнитивной категоризации, образующей феноменологическое ядро языка ("основное слово" по М. Буберу [1993]) как знаковой (репрезентативной) системы.

Феноменологический характер этой эпистемы делает указание на родовую принадлежность нерелевантным, так как в условиях канонической речевой ситуации (ситуации конфронтации) какая-либо неясность отсутствует. Наоборот, в формах 3 л. категоризована двоякая дифференциация предметной действительности по первичному признаку "одушевленности/неодушевленности" и вторичному признаку половой принадлежности, причем классификация эта имеет явную прагматическую направленность в том смысле, что она обусловлена двумя приоритетами человеческого бытия: это выживание (одушевленный предмет — источник повышенной опасности) и продолжение рода.

У имен — по крайней мере в русском языке — родовое различие, согласно нормативным академическим грамматикам, выражено в подавляющем большинстве случаев — исключение составляют существительные *pluralia tantum* и так называемые существительные общего рода типа *сирота, умница, работяга* и т. п. (Шведова, Лопатин 1989). "Категория рода существительного — это несловоизменяемая синтагматически выявляемая морфологическая категория, выражающаяся в способности существительного в формах ед. ч. относиться избирательно к родовым формам согласуемой (в сказуемом — координируемой) с ним словоформы" (Рус. грам. 1980, I: 465).

Вместе с тем, родовая принадлежность существительного предстает как чисто условная как по грамматическому (морфологическому), так и по семантическому критериям. Если у местоимений грамматический показатель рода последовательно морфологизован в формах ед. ч. (рус. *он/а/о*, англ. *he, she, it*; нем. *er, sie, es* и т. п.), то о существительных этого сказать нельзя. Так, в русском языке наряду с морфемами *-а, -я* (*жена, земля*) ж. р. может выражаться нулевой морфемой (*кость, плоть, шаль, сажень*), типичной для существительных м. р. (*гость, тать, кис-*

ть, плетень). В свою очередь, морфемы *-а, -я*, обычно сигнализирующие принадлежность имени к ж. р., встречаются в существительных м. р. (*мужчина, папа, дядя*). Ср. р. как правило сигнализируется морфемами *-о, -е*, но может также сигнализироваться и морфемой *-я* (*дитя, пламя, стремя, вымя, беремья*), а морфемы *-о, -е* встречаются в существительных м. р. (*домишко, голосище, подмастерье*). Во многих языках у существительных вообще отсутствуют показатели рода. Факты говорят о том, что грамматическая категория рода существительного носит в значительной мере условный характер, так как последовательный формальный критерий, по которому выделяются морфологические категории, отсутствует.

В русском языке морфологические показатели рода существительного связаны главным образом со словообразованием: *лис - лиса, волк - волчица, повар - повариха, дуб - дубина, снег - снежинка* и т. п. Во всех случаях очевидна первичность формы, ассоциируемой со значением м. р., так как словообразование идет обычно по линии м. р. → ж. р., следуя местоименной парадигме *он → она*.

В индоевропейском языке *о*-суффикс служил для указания на существа м. р., а существа ж. р. отличались *а*-суффиксом и *-ĭē-, -ī-*. По предположению К. Бругмана, первоначально ни один из этих суффиксов не был связан с полом животных; вероятно, в одном или двух словах, может быть **genā* 'жена' (= "женщина"), **mātā* 'мама' идея женской природы, заключенная в корне слова, была перенесена на суффикс, который стал употребляться для различения женской и мужской особей. Только по возникшему контрасту с *-i-* форма на *-o-* стала впоследствии обозначать мужской пол, и она постоянно продолжала оставаться главным средством обозначения любого существа без указания на родовые различия (Brugmann 1889: 429).

Выявление семантических мотивировок в отнесенности существительных к тому или иному грамматическому роду также представляется весьма затруднительным (см. Крат. рус. грам. 1989). Если для "одушевленных имен" их родовую принадлеж-

ность можно иногда оправдать половыми различиями соответствующих референтов, то к "неодушевленным" существительным этот принцип не применим. Почему *день* и *вечер* относятся к м. р., *ночь* — к ж. р., а *утро* — к ср. р.? Почему *пень, кистень, ларь* — м. р., а *сень, сажень, гарь* — ж. р.? Почему *дуб* — "он", а *береза* — "она"? Ср. также: *ложка, чашка, миска* (ж. р.) vs. *нож, ковш, жбан, кувшин* (м. р.) и т. п. На первый взгляд, отнесенность имени к тому или иному роду представляется абсолютно произвольной, лишенной всякой внутренней логики. Так ли это?

При допущении первичности местоименного онтогенеза можно предположить, что родовая дифференциация местоимений 3 л. была следующим шагом в создании классификационной модели предметного мира, когда нейтральное указание на предмет речи (*оно*) уступило место противопоставлению *он — оно* по критерию одушевленности референта. Подтверждением этому можно считать тот факт, что в большинстве случаев существительные, обозначающие живые существа (имена видов), относятся к мужскому роду: *волк, заяц, медведь, орел, голубь, воробей, карп, леиц, окунь* и т. п. Анималистское прошлое языка позволяет также объяснить, почему многие "неодушевленные" существительные — в частности, (событийные) имена натурфактов, такие как *ветер, гром, дождь, град, снег, огонь* и т. п. — относятся к м. р.: в основе наделения предмета признаком "одушевленный" лежало деление предметов на самодвижущиеся (интенциональные) и несамодвижущиеся (неинтенциональные) предметы (см. Premack 1990; Кравченко 1992а).

Сначала противопоставление *он - она* отражало, по-видимому, различие по полу человеческих объектов; затем оно было распространено на другие живые объекты и, наконец, на многие заведомо неодушевленные предметы по принципу аналогии¹³ и функционально-ассоциативной связи. Принцип аналогии прослеживается в родовой принадлежности некоторых имен натур-

¹³ Первобытное (неприрученное) мышление К. Леви-Строс (1994: 321) определяет как "аналогическое мышление".

фактов, когда прототипические признаки, отличающие мужчину от женщины, могут быть приписаны тому или иному предмету, ср.: *дуб* — “большой, крепкий, могучий” vs. *рябина* — “стройная, тонкая, податливая”, *огонь* — “сильный, опасный” vs. *вода* — “мягкая, ласковая”, *земля* — “мать всего живого” и т. п. В качестве примера действия принципа функционально-ассоциативной связи можно привести отнесение различных артефактов к м. или ж. р.: *нож, топор* — орудия мужчины как добытчика и защитника, *ложка, чашка, плошка* — орудия труда женщины как хозяйки; *лук* vs. *стрела* — отношение зависимости (иерархической подчиненности); *корень, ствол* vs. *крона, ветвь* — одно как основа и поддержка другого и т. д. Другими словами, можно с достаточным основанием предположить, что категория рода существительного (по крайней мере в русском языке) связана с действием определенной системы классификаторов, имеющих когнитивную природу (см. Lakoff 1987) и организованных вокруг вторичной эпистемической диады «он/а - оно», т. е. грамматическая категория рода существительного является языковым отражением базового категориального членения действительности, представленного в системе личных местоимений.

Интересно в этой связи сравнение родовой принадлежности существительных, обозначающих животных в русском языке. Если мы посмотрим на имена животных (см. табл. 5), наиболее типичных для территории, населявшейся восточными славянами, то их, в принципе, можно разделить на три основных группы: 1) животные, опасные для человека, 2) животные, полезные для человека (пригодные в пищу и дающие теплый мех), 3) прочие, не представляющие особого интереса. Эта классификация носит явно прагматический характер и отражает функционально-утилитарный подход к окружающему животному миру.

Существительное-название животного как вида (в соответствии с естественно-научной классификацией) принадлежит, как правило, к мужскому роду. Из названий хищных животных два видовых имени относятся к ж. р. (*рысь, лиса [лисица]*), при этом если сущ. *рысь* не имеет производного коррелята со значением

противоположного пола, то сущ. *лиса, лисица* производны от сущ. *лис*. По естественно-научной классификации видовым именем является сущ. ж. р. *лисица*, образованное от сущ. м. р. по той же модели, что и сущ. *медведица, волчица*, т. е. здесь имеет место вторичная номинация, а в значении ‘самка лисицы’ употребляется слово *лиса* (по-видимому, редуцированная форма слова *лисица*), которое также выступает в роли видового имени в наивной классификации (т. е. на уровне обыденного сознания). Таким образом, из названий четырех видов животных два относятся к м. р., а два — к ж. р., хотя логично было бы ожидать наличие видового значения у сущ. м. р. *лис*, т. е. налицо явный семантический сдвиг. Чем он обусловлен?

Если исходить из того, что слова и понятия в естественном языке порождаются на основе функциональной утилитарности (Bickerton 1990), можно попытаться объяснить это явление через действие некоторой наивной системы классификаторов. В данном случае к таким классификаторам можно отнести следующие: 1) размеры животного (крупное vs. некрупное), 2) прямая опасность для человека (животное, встреча с которым опасна для жизни vs. животное, как правило не представляющее такой опасности), 3) пригодность мяса животного в пищу (съедобное vs. несъедобное), 4) возможность использования шкуры животного для изготовления теплой одежды (животное, дающее мех vs. животное, не имеющее меха), 5) визуально различимый половой признак.

Как видно из табл. 5, различие в родовой принадлежности видовых имен хищных животных (1-я группа) отражает последовательное различие между их референтами по 1-му и 2-му признакам: медведь и волк — животные относительно крупных размеров, снискавшие дурную славу людоедов (насколько заслуженно — это другой вопрос), в то время как лисица и рысь значительно уступают им в размерах (и, соответственно, силе), а потому, как правило, не нападают на человека. Отметим, что это различие по признаку опасности аналогично различию между мужчиной и женщиной в первобытном человеческом обществе, где

главными социальными функциями мужчины были добыча пищи и ведение войны (то и другое связаны с убийством живых существ).

Видовые имена съедобных животных (2-я группа) также в основном относятся к м. р. Исключение составляют *коза*, *лань*, *косуля*. Сущ. *козел*, является видовым именем (в естественно-научной классификации), хотя и производно от сущ. ж. р. *коза* (которое, как и сущ. *лиса*, является видовым именем в наивной классификации) — очевидно, здесь имеет место выравнивание семантической парадигмы видовых имен. Морфологическое сходство ст.-слав. основ в сущ. *олень* и *лань*, а также наличие для слова *лань* этимологической параллели в чешском языке — *laně*, *laň* 'самка оленя', позволяет предположить, что слово *лань* как название вида связано с более поздним семантическим сдвигом в значении названия самки оленя. Этим, возможно, объясняется отсутствие у него морфологического коррелята со значением особи мужского пола. Отсутствие такого коррелята у слова *косуля* отражает направление, по которому действует общий механизм образования парных слов по половому признаку: сущ. м. р. + словообразовательный суффикс → сущ. ж. р. (ср. с сущ. *рысь*, которое также не имеет коррелята).

Однако существительные м. р. *тур*, *зубр*, *вепрь* не имеют производных существительных ж. р. Это можно связать с тем, что *тур* как вид является вымершим животным (и, следовательно, для современного языка дифференциация особей по половому признаку не имеет функционально-утилитарного значения), а слово *вепрь* является архаичным синонимом более позднего заимствования из тат., казах., кыпч. *кабан*, имеющего коррелят *кабаниха*. Что касается производного сущ. ж. р. от слова *зубр* (*зубриха*), то, хотя в словаре оно и не зарегистрировано, оно легко образуется по существующей модели и встречается в речи.

Отнесенность видовых имен *лань*, *косуля* (сюда же можно причислить сущ. *коза* как имя вида в наивной классификации) к ж. р. отчасти подкрепляется тем, что они обозначают животных,

Таблица 5. Наивно-таксономическая классификация диких животных

Название вида	Слово со значением проивополож. пола	Классификационный признак					
		Крупные размеры	Опасность	Пища	Теплый мех	Различ. половой признак	
1	медведь м	медведица	+	+	(+)	+	—
	волк м	волчица	+	+	—	+	—
	лиса/лисица ж	лис	(+)	(+)	—	+	—
	рысь ж	—	(+)	(+)	—	+	—
2	тур м	—	+	—	+	—	—
	зубр м	—	+	—	+	+	—
	вепрь м	—	+	(+)	+	—	—
	кабан м	кабаниха	+	(+)	+	—	(+)
	олень м	оленуха	+	—	+	+	+
	лось м	лосиха	+	—	+	+	+
	козел м	коза	(+)	—	+	+	+
	лань ж	—	(+)	—	+	—	—
3	косуля ж	—	(+)	—	+	+	—
	заяц м	зайчиха	—	—	+	+	—
	соболь м	—	—	—	—	+	—
	горностай м	—	—	—	—	+	—
	песец м	—	—	—	—	+	—
	колонок м	—	—	—	—	+	—
	хорь м	—	—	—	—	+	—
	сурок м	—	—	—	—	+	—
	барсук м	—	—	—	—	+	—
	енот м	—	—	—	—	+	—
	бобр м	—	—	—	—	+	—
	бурундук м	—	—	—	—	+	—
	крот м	—	—	—	—	+	—
	выхухоль ж	—	—	—	—	+	—
выдра ж	—	—	—	—	+	—	
куница ж	—	—	—	—	+	—	
росомаха ж	—	—	—	—	+	—	
белка ж	—	—	—	—	+	—	
норка ж	—	—	—	—	+	—	
4	еж м	ежиха	—	—	—	—	—
	суслик м	—	—	—	—	—	—
	хомяк м	—	—	—	—	—	—

значительно уступающих по размерам своим собратьям — оленю или лосю (ср. с аналогичным различием в группе хищных животных). Наличие производных существительных ж. р. во 2-й группе имен связано, по-видимому, с возможностью визуального различения особей мужского и женского пола (см. табл. 5): клыки у кабана и рога у оленя, лося, козла значительно больше по размерам, чем у кабанов, оленухи, лосихи и козы, соответственно. Что касается сущ. ж. р. *зайчиха*, то его появление можно отнести за счет продуктивности словообразовательной модели “основа сущ. м. р. + суф. ж. р.”

В 3-й группе существительных (пушные звери) большинство видовых имен также мужского рода. Из 17-ти названий наиболее распространенных животных II - мужского рода. Сущ. *норка* образовано путем метонимического переноса от сущ. ж. р. *нора*, т. е. его родовая принадлежность не связана с действием наивной системы естественных классификаторов. Слово *куница* как видовое имя производно от др.-русск. *кунá* ‘куний мех, стоящий I дир-гем’ (ср. с парой *лиса - лисица*), что наводит на мысль о возможном существовавшем первоначальном сущ. м. р. **кун*. Отнесенность сущ. *выдра* к ж. р. можно связать с прослеживаемом во многих современных примитивных языках трехчастным делением мира: **вода, воздух, земля** (соответственно, рыбы, птицы, млекопитающие). Так, предположительно, у восточных оджибве острова Парри птицы подразделялись на “небесных” и “водоплавающих”, а млекопитающие — на “сухопутных” и “водяных” (тех, что населяют заболоченные зоны, либо тех, что ловят рыбу) (Леви-Строс 1994: 51). Если допустить, что подобный принцип классификации действовал в русском языке, родовая принадлежность сущ. *выдра* выводится из отнесенности животного к сфере вода (т. е. класс “рыбы”, а *рыба* — сущ. ж. р.). Интересно отметить, что маленькие дети, не овладевшие естественно-научной классификацией мира, часто пользуются словами *рыба, рыбка* для обозначения живых существ, обитающих в воде, таких, как головастики, мелкие ракообразные и под.

Белка, согласно П. Я. Черных (1993), скорее всего является производным от *бѣла* как субстантивированного прилагательного, входившего в название *бѣла вѣверица* (др.-рус. *вѣверица* — ‘белка’). Принадлежность существительных *выхухоль, росомаха* к ж. р. представляется немотивированной — это обусловлено тем, что современное состояние языка не дает возможности проследить исходный принцип классификации, т. е. нашим незнанием “тех наблюдений, реальных или воображаемых, фактов и принципов, которые вдохновляют классификации”, ибо “принцип классификации никогда не постулируется: только этнографическое исследование, иначе говоря, опыт может выделить его a posteriori” (Леви-Строс 1994: 160, 158).

Ни одно из существительных 3-й группы, независимо от его родовой принадлежности, не имеет коррелята со значением особи противоположного пола (т. е., они не фиксируются словарем), хотя в обыденной речи такие слова легко образуются от существительных м. р. и употребляются при условии их удобопроизносимости, напр., *соболиха, сурчиха, барсучиха, бобрчиха, бурундучиха, кротиха*.

Наконец, в 4-й группе слов (прочие животные) все видовые имена — м. р., и лишь одно имеет производный коррелят: *еж - ежиха*.

Но почему в словаре зафиксирована лишь часть существительных ж. р., которые можно образовать от соответствующих существительных м. р. по существующей модели, а такие существительные, как *барсучиха, бобрчиха* и под. носят окказиональный характер? (Можно возразить, что в языке профессиональных охотников существуют слова для обозначения как самцов, так и самок животных — но в этом случае речь пойдет уже о профессиональном сленге.) Вероятно, это связано с определенной областью человеческого опыта, а именно, с тем, насколько часто человек имеет возможность наблюдать самку того или иного животного в сопровождении детенышей. У парнокопытных детеныши всегда следуют за матерью; учитывая, что в древние времена охота была основным способом добычи пропи-

тания, человек имел достаточно регулярный опыт такого наблюдения. Наоборот, животные из 3-й и 4-й группы (большинство из которых норные) ведут довольно скрытый образ жизни, а самка, покидая нору или гнездо, оставляет детенышей там. Что касается сущ. ж. р. *медведица*, *волчица*, то их существование как самостоятельных лексем также можно связать с принципом функциональной утилитарности, который влияет на особенности отражения эмпирического опыта человека посредством языка: с одной стороны, если охотник находит в лесу волчий или медвежий выводок, наиболее вероятно встреча не с самцом, а с самкой животного, с другой стороны, такая встреча более опасна, чем встреча с самцом, поскольку защищающая своих детенышей самка гораздо агрессивнее. Следовательно, различие крупных хищников по полу связано с соображениями утилитарного плана и носит информативный характер.

Есть основания полагать, что многие категории естественного языка структурированы по принципу эпистемической диады, организованной вокруг определенной точки отсчета, или центра координации (Кравченко 1993; 1995). Система местоимений представляет наиболее характерный пример из области морфологии, поскольку в ней непосредственным образом отражается членение мира на три типа сущностей по их отношению к речевому акту: субъект речи как эпистемологический центр бытия (т. е. субъект восприятия, сознания и познания), объект речи и предмет речи как основные таксономические категории бытийно-языковой реальности. Субъект и объект речи, в свою очередь, образуют единую пространственно-временную сферу субъекта, уходящую корнями в феноменологию восприятия и отражающую психологический феномен личного пространства. Сфера субъекта противопоставлена несубъектной сфере, куда входит все то, что не имеет непосредственной (прямой) ассоциации с субъектом (восприятия) и его пространством. Деление мира на две пространственно-временные сферы отражается в семантических оппозициях местоименных наречий места и времени (см. гл. 2, 3) и указательных местоимений.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Подход к языку как семиотической системе, служащей для построения, хранения и передачи информации, предполагает, в первую очередь, установление принципов когнитивной концептуализации предметов и явлений как наполняющих мир сущностей. Когнитивные концепты, формируемые в сознании человека, могут иметь разное происхождение: с одной стороны, они порождаются на уровне индивидуального взаимодействия с предметным миром, т. е. имеют феноменологическую природу и образуют ряд феноменологического знания (уровень анализа), с другой стороны, они возникают как результат осмысления этого феноменологического знания, существующего и сохраняемого в оязыковленном виде и позволяющего составить представление об общем устройстве мира (уровень синтеза). Во втором случае мы имеем дело со знанием, существующим независимо от сферы подручного опыта отдельного индивида, но извлеченным из бесконечного множества инстанций индивидуального опыта в их совокупности.

Противопоставление феноменологического знания структуральному не следует понимать в том смысле, что феноменологическому знанию не присуща определенная структура. Существование структурального знания онтологически обусловлено существованием знания феноменологического, поэтому изменения в структуре феноменологического знания неизбежно влекут за собой изменения в структуре структурального знания. Но что представляет собой структура феноменологического знания, и какова роль, отводимая ему в формировании языковой картины мира? Здесь уместно остановиться на содержательном различии понятий “языковая картина мира” и “наивная картина мира”.

С одной стороны, под языковой картиной мира понимается то, как в языке отражается видение мира человеком, как особенности концептуализации бытийных сущностей фиксируются в системе языка, в элементах его грамматического строя и лексикона. С этой точки зрения понятие “языковая картина мира” тождественно поня-

тию «наивная картина (модель) мира». С другой стороны, языковая категоризация несводима только лишь к знаковой формализации некоторого набора концептуальных фреймов как определенных когнитивных структур, порождаемых чувственным опытом. Не менее существенной частью языковой картины мира является система отношений между первичным, чувственно опосредованным знанием, и вторичным (собственно научным) знанием, синтезированным на основе совокупного эмпирического опыта, т. е. соотношение конкретного и обобщенного. Именно возможность оперирования абстрактными концептами, не связанными напрямую с пространственно-временными координатами исходного феноменологического фрейма, делает язык универсальной знаковой системой сохранения и передачи информации. Следовательно, «языковая картина мира» как герменевтическое понятие по своему содержанию шире понятия «наивная картина мира».

Наличие двух уровней когнитивной концептуализации обусловлено сложной структурой онтологической сущности, известной под названием *homo sapiens*. Важнейшими составляющими этой структуры выступают «субъект восприятия», «субъект сознания», «субъект действия» и «субъект познания», при этом различные стороны этих ипостасей так или иначе опосредуются через языковую способность человека, выступающего в роли субъекта речи.

На уровне простой феноменологии, служащей отправной точкой построения наивной картины мира, важнейшую роль в формировании когнитивных концептов играют восприятие (первичный фактор) и сознание (вторичный фактор), опосредованное через действие (интенцию). Явление предмета чувствам само по себе еще не есть сознание этого предмета: сознание наступает тогда, когда единичное ощущение, переживание приобретает интенциональный характер. Как подчеркивал Э. Гуссерль, «в одном, единственном потоке сознания переплетены друг с другом две нераздельно единые, как две стороны одной и той же вещи, друг друга требующие интенциональности. Благодаря одной конституируется имманентное время, объективное время, подлинное [время], в котором имеет место длительность и изменение длящегося; в другой - квази-временное расположение фаз потока, который всегда и с необходимостью имеет теку-

чую «Теперь»-точку, фазу актуальности, и серии до-актуальных и после-актуальных (еще не актуальных) фаз. Это феноменальная, пред-эмпирическая временность конституируется интенционально как форма темпорально конституирующего сознания и в самом этом сознании» (Гуссерль 1994: 87).

Двойственная интенциональность сознания, о которой говорит Э. Гуссерль, предопределяет структурированный характер феноменологического знания, оперирующего первичными когнитивными фреймами — фреймами, формируемыми в системе уникальных пространственно-временных координат. Так, например, понятие, зафиксированное в сигнификате слова *гроза*, отражает структуру первичного феноменологического фрейма, компонентами которого являются непосредственно наблюдаемые в определенном месте в определенное время природные явления (дождь, гром, молния), представляющие угрозу для человека, находящегося в этом же месте и в это же время. Именно осознание угрозы, исходящей от разбушевавшейся стихии, определяет в данном случае мотивацию номинации, механизм которой включает в себя два этапа: предметную категоризацию явления, воздействующего на чувства и ощущения человека (гроза = «живое существо»), и установление бытийного отношения между природным феноменом и субъектом восприятия/сознания. Таким образом, даже на феноменологическом уровне знание, извлекаемое в результате непосредственного чувственного опыта, преломляется сознанием в соответствии с уже имеющимся эмпирическим опытом: *гроза* — потому, что «угрожает», *угрожает* — потому, что «живое, осуществляющее недружелюбные/агрессивные действия», а «агрессивные действия» — потому, что направлены на человека как центр мироздания, начало и меру всего сущего.

Тем не менее, языковая категоризация рассматриваемого явления отражает первичный чувственный опыт (фаза актуальности, по Гуссерлю), что проявляется в эпистемическом согласовании имени и приписываемого ему предиката. В архаическом сознании гроза — живой предмет, обладающий свойством интенциональности, т. е. способностью к осуществлению движения в пространстве без воздействия внешних сил. Такое движение обозначается глаголами *идти* и *ходить*, однако типичным предикатом, приписываемым имени

гроза, является предикат *идти*, но не *ходить*, хотя и тот и другой обладают одинаковым лексическим значением. В 4-й главе было рассмотрено грамматическое различие между парными лексемами со значением движения, традиционно относимыми к одному виду (НСВ). Это различие заключается в указании на феноменологический статус концепта, зафиксированного в сигнификате глаголов типа *идти*, поскольку грамматическим значением таких форм является указание на непосредственную наблюдаемость обозначаемого ими действия, т. е. языковая категоризация действия протекает в одном хронотопе с его когнитивной категоризацией. В этом смысле концепт, отраженный в значении глагола типа *идти*, также относится к уровню феноменологии.

Напротив, грамматическим значением форм типа *ходить* является отсутствие указания на непосредственную наблюдаемость обозначаемого действия, т. е. действие категоризируется как таковое вне системы уникальных пространственно-временных координат как условия его бытийности — поэтому референт глагола типа *ходить* не может быть отнесен к уровню феноменологии, т. е. к эмпирическому знанию, он принадлежит уровню знания рационального (структурального). Этим в конечном итоге объясняется нормальность, привычность фраз типа *Гроза идет, Река бежит, Волна катится* и ненормальность фраз типа **Гроза ходит, *Река бегаёт, *Волна катаётся*.

Различие между двумя типами знания, представленного в языковых формах и образующего собственно языковое знание, является важнейшим фактором, обуславливающим характер системно-функциональных связей и отношений на разных участках языковой системы. Существование и значимость этого фактора определяются тем, что языку присущи как бы две “оси бытия”: **ось сознающего наблюдателя и ось познающего деятеля**; эти оси не параллельны, они пересекаются, будучи опосредованы в языке через субъекта речи. Эта опосредованность проявляется в различных языковых категориях. Как показала Э. Рош, реальный мир не хаотичен, а структурирован, в нем есть сходства, различия и прочие отношения, составляющие его онтологию. Эта онтология отражена в сознании человека в виде определенной категоризации, при этом категории суть не-

кие концептуальные структуры, среди которых выделяются “природные” категории, т. е. более или менее перцептивно обусловленные, и “семантические”, т. е. обусловленные понятийно, концептуально. По мнению Э. Рош (Rosch 1977), психологические представления о структуре категории, с одной стороны, формируются на основании объективно значимых признаков (т. е. характеристик внешнего мира), а с другой — обусловлены состоянием знания индивидов о внешнем мире. Эта двойственная структура характерна для многих грамматических категорий — таких, например, как лицо и род, вид и время, залог, наклонение и др., неотъемлемым компонентом значения которых является указание на тип знания, зафиксированного в элементах класса, образующего категорию, т. е. противопоставление перцептуального понятийному, или феноменологического — структуральному.

Значение вывода о двухступенчатом процессе когнитивной концептуализации для языкознания трудно переоценить, так как он заставляет по-новому подойти к осмыслению самой сущности языка как знаковой системы. Можно с достаточной уверенностью предположить, что в большинстве языковых явлений, понятий и категорий отражается соотношение и взаимодействие двух уровней когнитивной концептуализации, предопределяющее, в конечном итоге, ту картину мира, которая представлена в естественном языке. Детальное и всестороннее изучение механизмов такого взаимодействия — задача лингвистической науки на ближайшую перспективу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авилова Н. С. (1976). Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука.
- Ананьев Б. Г. (1982). Сенсорно-перцептивная организация человека // *Познавательные процессы: ощущения, восприятие*. М.: Педагогика.
- Ананьев Б. Г., Ломов Б. Ф. (ред.) (1959). *К проблеме восприятия пространства и пространственных представлений*. Л.
- Апресян Ю. Д. (1974). *Лексическая семантика*. М.: Наука.
- Апресян Ю. Д. (1980). Принципы семантического описания единиц языка // *Семантика и представление знаний*. Вып. 519. Тарту: Тарт. гос. ун-т.
- Апресян Ю. Д. (1986). Некоторые соображения о дейксисе в связи с понятием наивной модели мира // *Teoria tekstu*. Wroclaw, etc.: Ossolineum.
- Арутюнова Н. Д. (1988). *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. М.: Наука.
- Арутюнова Н. Д. (1992а). *Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия*. М.: Наука.
- Арутюнова Н. Д. (1992б). От редактора // *Логический анализ языка: Модели действия*. М.: Наука.
- Ахманова О. С. (1966). *Словарь лингвистических терминов*. М.: Сов. энциклопедия.
- Байков В. Г. (1990). Антропоцентризм языка и поэтика точки зрения // *Общая стилистика: теоретические и прикладные аспекты*. Калинин: Калинин. гос. ун-т.
- Бархударов Л. С. (1975). *Очерки по морфологии современного английского языка*. М.
- Бахтин М. М. (1975). *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература.
- Бахтин М. М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство.
- Бенвенист Э. (1974). *Общая лингвистика*. М.: Прогресс.
- Берке У. (1985). *Пространство-время, геометрия, космология*. М.: Мир.
- Бондарко А. В. (1971). *Вид и время русского глагола*. М.: Просвещение.
- Бондарко А. В. (1974). Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // *Универсалии и типологические исследования*. М.: Наука.
- Бондарко А. В. (1983). *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Л.: Наука.
- Бондарко А. В. (1988). Интерпретационные аспекты семантики длительности в русском языке // *Язык: система и функционирование*. М.: Наука.
- Бондарко А. В. (1990). О значениях видов русского глагола // *Вопросы языкознания*, 4.
- Бондарко А. В. (1991). Предельность и глагольный вид // *Изв. АН СССР / Сер. лит. и яз.*, 50: 3.
- Бубер М. (1993). *Я и Ты*. М.: Высшая школа.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. (1992). Идентификация событий: онтология, аспектология, лексикография // *Логический анализ языка: Модели действия*. М.: Наука.
- Буслаев Ф. И. (1992). *Преподавание отечественного языка*. М.
- Вежбицкая А. (1986). Восприятие: семантика абстрактного словаря // *Новое в заруб. лингвистике*, Вып. 18. М.: Прогресс.
- Виноградов В. В. (1947). *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. М., Л.: Учпедгиз.
- Вопросы глагольного вида* (1962). М.: Изд-во иностр. лит.
- Вольф Е. М. (1989). Эмоциональные состояния и их представление в языке // *Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. М.: Наука.
- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. (1982). *Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке*. М.: Русский язык.
- Гадамер Х.-Г. (1988). *Истина и метод*. М.: Прогресс.
- Гард П. (1985). Структура русского местоимения // *Новое в зарубежной лингвистике*, Вып. 15. М.: Прогресс.

- Гвоздев А. Н. (1949). *Формирование у ребенка грамматического строя русского языка*. М.
- Гибсон Дж. (1988). *Экологический подход к зрительному восприятию*. М.
- Гловинская М. Я. (1982). *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. М.: Наука.
- Гловинская М. Я. (1989). Диффузные видо-временные значения // *Проблемы структурной лингвистики 1985-1987*. М.: Наука.
- Горшкова К. В., Петрухина Е. В. (ред.) (1990). *Обзор работ зарубежных лингвистов по русской морфологии (1970-1985)*. - М.: МГУ.
- ГРЯ (1953). *Грамматика русского языка (1953)*. Фонетика и морфология. - М.
- Гуревич А. Я. (1984). Категории средневековой культуры. М.
- Гусев С. С. (1990). Организация текстов и смысл // *Логика и теория познания*. Л., 1990.
- Гуссерль Э. (1994). *Собр. соч. Т. 1*. М.: Гнозис.
- Гэррей Г. Б. (1962). Глагольный вид во французском языке // *Вопросы глагольного вида*. М.: Изд-во иностр. лит..
- Даммит М. (1987). Что такое теория значения? // *Философия. Логика. Язык*. М.: Прогресс.
- Демьянков В. З. (1992). Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // *Язык и структуры представления знаний*. М.
- Демьянков В. З. (1994). Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопросы языкознания*, 4.
- Дешериева Т. И. (1975). Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // *Вопросы языкознания*, 2.
- Жаботинская С. А. (1992). *Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных*. М.
- Зализняк Анна А. (1990). О понятии "факт" в лингвистической семантике // *Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста*. М.: Наука.
- Зельдович Г. М. (1995). Семантика времени: к уточнению метаязыка // *Филологические науки*, 2.

- Ильин И. П. (1992). *Loquor ergo sum, parro ergo sum: языковое обоснование "Я" в теориях постструктурализма и постмодернизма // "Я", "субъект", "индивид" в парадигмах современного языкознания*. М.
- Иоанесян Е. Р. (1984). Соотношение дейктических и недейктических компонентов в семантике французских глаголов движения *avancer, devancer, précéder, reculer, suivre* // *Семантические проблемы речевой деятельности*. - М.
- Иоанесян Е. Р. (1989). Проблемы эпистемического согласования. *Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. - М.
- Касевич В.Б. (1990а). Языковые и текстовые знания (Фрумкина Р. М., Звонкин А. К., Ларичев О. И., Касевич В. Б. Представление знаний как проблема) // *Вопросы языкознания*, 6.
- Касевич В. Б. (1990б). Язык и знание // *Язык и структура знания*. - М.
- Кирвалидзе Н. Г. (1989). *Семантика и текстообразующие функции английских дейктических слов*. - Тбилиси.
- Козинцева Н. А. (1984). Видо-временные формы предельных и не-предельных глаголов в современном армянском языке // *Теория грамматического значения и аспектологические исследования*. - Л.: Наука.
- Козинцева Н. А. (1991). *Временная локализованность действия и ее связь с аспектуальными, модальными и таксисными значениями*. Л.: Наука.
- Колшанский Г. В. (1990). *Объективная картина мира в познании и языке*. - М.: Наука.
- Комлев Н. Г. (1981). Слово, денотация и картина мира // *Вопросы философии*, 11.
- Копелиович А. Б. (1991). Категория лица и грамматический род // *Филологические науки*, 3.
- Кошелев А. Д. (1988). О референциальном подходе к изучению семантики вида (опыт референциального описания видовых значений) // *Референция и проблемы текстообразования*. - М.: Наука.

- Кравченко А. В. (1988). Past Indefinite или Present Perfect: прагматический аспект варьирования видо-временных форм английского глагола // *Вопросы грамматического варьирования*. - Иркутск.
- Кравченко А. В. (1990а). К когнитивной теории времени и вида // *Филологические науки*, 6.
- Кравченко А. В. (1990б). Логико-семантические и прагматические особенности функционирования индексальных обозначений пространства и времени в естественном языке // *Семантический и формальный анализ синтаксических конструкций русского языка*. - Иркутск.
- Кравченко А. В. (1992а). *Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность*. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та.
- Кравченко А. В. (1992б). О когнитивной неэквивалентности активных и пассивных конструкций (К проблеме категории залога) // *Филологические науки*, 1.
- Кравченко А. В. (1993). К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.*, 52: 3.
- Кравченко А. В. (1995а). Глагольный вид и картина мира // *Известия РАН. Сер. лит. и яз.*, 54: 1.
- Кравченко А. В. (1995б). *Принципы теории указательности*. Автореф. дис... д. филол. наук. - М.
- Крейдлин Г. Е. (1994). Метафора семантических пространств и значение предлога // *Вопросы языкознания*, 5.
- Крылов С. А. (1984). К типологии дейктических систем // *Лингвистические исследования / Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика*. - М.: Наука, Ч. 1.
- Кубрякова Е. С. (1992). Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // *Язык и структуры представления знаний*. - М.
- Кубрякова Е. С. (1994). Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // *Вопросы языкознания*, 4.
- Кульпина В. Г. (1985). Особенности локативного употребления личных местоимений // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*, 1.
- КФЭ (1994). *Краткая философская энциклопедия*. - М.: Прогресс.
- Лазуткина Е. М. (1994). К проблеме описания прагматических механизмов языковой системы // *Филологические науки*, 5/6.
- Леви-Строс К. (1994). *Первобытное мышление*. - М.: Республика.
- Леонтьев А. Н. (1982). Ощущения и восприятие как образы предметного мира // *Познавательные процессы: ощущения, восприятие*. - М.: Педагогика.
- Ли Тоан Тханг (1993). *Пространственная модель мира*. - М.: Инст. языкознания РАН.
- Лихачев Д. С. (1993). Концептосфера русского языка // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.*, 52: 1.
- Логвиненко А. Д., В. В. Столин (1982). Восприятие пространственных свойств предметов // *Познавательные процессы: ощущения, восприятие*. - М.
- ЛСД (1994). *Логический словарь ДЕФОРТ*. - М.: Мысль.
- Луценко Н. А. (1989). Взаимоотношение значений настоящего и будущего форм перфективного презенса в русском и других славянских языках // *Филологические науки*, 4.
- Ломтев Т. П. (1972). *Предложение и его грамматические категории*. - М.
- ЛЭС (1990). *Лингвистический энциклопедический словарь*. - М.: Сов. энциклопедия.
- Майтинская К. Е. (1969). *Местоимения в языках разных систем*. - М.: Наука.
- Маслов Ю. С. (1984). *Очерки по аспектиологии*. - Л.: Наука.
- Милейковская Г. М. (1956). О соотношении объективного и грамматического времени // *Вопросы языкознания*, 5.
- Милославский И. Г. (1989). Вид русского глагола как словообразовательная категория // *Филологические науки*, 4.
- Мурьянов М. Ф. (1978). Время (понятие и слово) // *Вопросы языкознания*, 2.
- Никитин Е. П. (1991). Время бытия и время его познания // *Время и бытие человека*. М.
- Нитинь Д. П. (1987). Местоимения в системе частей речи латышского языка // *Вопросы языкознания*, 6.
- Ожегов С. И. (1990). *Словарь русского языка*. - М.: Русский язык.
- Павилёнис Р. И. (1983). *Проблема смысла*. - М.: Мысль.

- Павилёнис Р. И. (1986). Язык: уникальность и многомерность // *Язык. Наука. Философия / Логико-методологический и семиотический анализ*. - Вильнюс.
- Падучева Е. В. (1985). *Высказывание и его соотношенность с действительностью*. М.: Наука.
- Падучева Е. В. (1986). Семантика вида и точка отсчета // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.*, 45: 5.
- Падучева Е. В. (1990). Опыт исчисления частных видовых значений // *Типология и грамматика*. - М.: Наука.
- Падучева Е. В. (1993). Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.*, 52: 3.
- Падучева Е. В., Зализняк А. А. (1982). Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // *Finitis duodecim lustris*. Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин: Ээсти Раамат.
- Панкрац Ю. Г. (1992). Пропозициональная форма представления знаний // *Язык и структуры представления знаний*. - М.
- Петров В. В. (1987). От философии языка к философии сознания // *Философия. Логика. Язык*. - М.: Прогресс.
- Пешковский А. М. (1956). *Русский синтаксис в научном освещении*. - М.: Учпедгиз.
- Пиаже Ж. (1969). *Избранные психологические труды*. - М.: Просвещение.
- Пиаже Ж. (1994). *Речь и мышление ребенка*. - М.: Педагогика-Пресс.
- Попов В. В. (1989). Интервальная уонцепция времени и изменение // *Логико-философские исследования*. - М.: АН СССР. - Вып. 1.
- Потебня А. А. (1977). *Из записок по русской грамматике*. - М.: Просвещение. Вып. 2, т. 4.
- Почепцов О. Г. (1990). Языковая ментальность: способ представления мира // *Вопросы языкознания*, 6.
- Прянишникова А. Д. (1987). Проявление семантического феномена "точка зрения" в языке и речи (наблюдения на уровне слова) // *Проблемы организации лексической системы английского языка (структурный и коммуникативный аспекты)*. - М.
- Рейхенбах Г. (1985). *Философия пространства и времени*. - М.: Прогресс.

- Резин И. Г. (1994). Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // *Вопросы языкознания*, 6.
- Рус. грам. (1980) *Русская грамматика*. - М.: Наука, Т. 1-2.
- РЧФЯ (1988). *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*. - М.: Наука.
- Серебрянников Б. А. (1988). *Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление*. - М.: Наука.
- Соколовская Н. К. (1980). Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений // *Теория и типология местоимений*. - М.: Наука.
- Степанов Ю. С. (1976). Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема 1) // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.*, 35: 5.
- Степанов Ю. С. (1985). *В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства)*. - М.: Наука.
- Степанов Ю. С. (1988). Безличность и неопределенная референция // *Язык: система и функционирование*. - М.: Наука.
- Теллин Н. Б. (1985). Вид и способ действия в русском языке // *Новое в зарубежной лингвистике*. - М.: Прогресс. Вып. 15.
- Томмола Х. (1986). Аспектуальность в финском и русском языках // *Neuvostoliittotieteiden tutkimuslaitoksen vuosikirja 28*. Helsinki.
- Топоров В. Н. (1983). Пространство и текст // *Текст: семантика и структура*. - М.
- Топоров В. Н. (1988а). Модель мира // *Мифы народов мира*. - М.: Сов. энциклопедия.
- Топоров В. Н. (1988б). Пространство // *Мифы народов мира*. - М.: Сов. энциклопедия.
- ТФГ (1987). *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. - Л.: Наука.
- ТФГ (1991). *Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость*. - С.-Петербург: Наука.
- Фасмер М. (1986/1987). *Этимологический словарь русского языка*. - М.: Прогресс. Т. 1-4.
- Фрумкина Р. М., Звонкин А. К., Ларичев О. И., Касевич В. Б. (1990). Представление знаний как проблема // *Вопросы языкознания*, 6.

- Хайдеггер М. (1993). *Время и бытие*. - М.: Республика.
- Храковский В. С. (1990). Взаимодействие грамматических категорий глагола // *Вопросы языкознания*, 5.
- Цивьян Т. В. (1990). *Лингвистические основы балканской модели мира*. - М.
- Чернейко Л. О. (1994). Способы представления пространства и времени в художественном тексте // *Филологические науки*, 2.
- Шахнарович А. М., Юрьева Н. М. (1990). *Психолингвистический анализ семантики и грамматики*. - М.: Наука.
- Шатуновский И. Б. (1989). Проблемы русского вида (обзор докладов) // *Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. - М.: Наука.
- Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (ред.) (1989). *Краткая русская грамматика*. М.: Русский язык.
- Шеварев П. А. (1982). Проблемы константности зрительного восприятия // *Познавательные процессы: ощущения, восприятие*. - М.: Педагогика.
- Юрченко В. С. (1993) Реальное время и структура языка // *Вопросы языкознания*, 3.
- Якобсон Р. О. (1972). Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя*. - М..
- Яковлева Е. С. (1990). О связи дейксиса и модальности // *Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста*. - М.
- Яковлева Е. С. (1994). *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. - М.: Гнозис.
- ЯН (1977). *Языковая номинация*. - М.: Наука.
- Anderson, J. M. (1973). *The grammar of case: towards a localistic theory*. London: Cambridge University Press.
- Atran, S. (1989). "Basic conceptual domains." *Mind and Language*, 4: 1/2.
- Bach, E. (1981). "On time, tense, and aspect: an essay in English metaphysics." In P. Cole (ed.). *Radical pragmatics*. New York, etc.: Academic Press.

- Bache, C. (1985). *Verbal aspect: a general theory and its application to present-day English*. Odense: Odense University Press.
- Bennett, M. (1978). "Demonstratives and indexicals in Montague grammar." *Synthese*, 39:1.
- Benthem, J. van (1980). "Points and periods." *Time, tenses and quantifiers*. - Tübingen: Niemeyer.
- Bickerton, D. (1990). *Language & species*. Chicago & London: The University of Chicago Press.
- Blok, H. P. (1955). "Localism and deixis in Bantu linguistics." *Lingua*, 5.
- Blokh, M. Y. (1983). *A course in theoretical English grammar*. М.: Высшая школа.
- Boas, F. (1964). "On grammatical categories." In D. Hymes (ed.). *Language in culture and society*. New York, etc.: Harper & Row.
- Brinton, L. J. (1988). *The development of English aspectual systems: Aspectualizers and post-verbal particles*. Cambridge, etc.: Cambridge University Press.
- Brugmann, K. (1889). *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. B. 2, H. 1: *Wortbildungslehre*. Strassburg: Karl J. Trübner.
- Brugmann, K. (1904). "Die Demonstrativpronomen der indogermanischen Sprachen." *Abhandlungen der königlich sächsische Gesellschaft der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*, 22: 6.
- Bull, W. E. (1960). *Time, tense, and the verb*. Berkeley, etc.: University of California Press.
- Burks, A. W. (1949). "Icon, index, and symbol." *Philosophy and Phenomenological Research*, 9:4.
- Bühler, K. (1934). *Sprachtheorie*. Jena: Gustav Fischer.
- Bybee, J. L., Ö. Dahl (1989). "The creation of tense and aspect systems in the languages of the world." *Studies in Language*, 13: 1.
- Calver, E. (1946). "The uses of the present tense forms in English." *Language*, 22:4.
- Carlson-Radvansky L. A., D. E. Irwin (1993). "Frames of reference in vision and language: Where is above?" // *Cognition*, 46:3.

Chafe, W. (1976). "Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view." In C. N. Li (ed.). *Subject and topic*. - New York : Academic Press.

Chafe, W., J. Nichols (1986). *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood, N. J.: Ablex.

Chrystal, D. (1966). "Specification and English tenses." *Journal of Linguistics*, 2:1.

Clark, H. (1973). "Space, time, semantics, and the child." In T. E. Moore (ed.). *Cognitive development and the acquisition of language*. New York & London: Academic Press.

Close, R. A. (1959). "Concerning the Present Tense." *English Language Teaching*, 13: 2.

Comrie, B. (1976). *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press.

Comrie, B. (1986). *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press.

Couper-Kuhlen, E. (1989). "Foregrounding and temporal relations in narrative discourse." In A. Schopf (ed.). *Essays on tensing in English: Time, text and modality*. Tübingen: Niemeyer. Vol. 2.

Dahl, Ö. (1985). *Tense and aspect systems*. Oxford: Basil Blackwell.

DeLancey, S. (1990). "Ergativity and the cognitive model of event structure in Lhasa Tibetan." *Cognitive Linguistics*, 1:3.

Dijk, T. A. van (1977). "Context and cognition: Knowledge frames and speech act comprehension" *Journal of Pragmatics*, 1:3.

Dijk, T. A. van (1981). *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague, etc.: Mouton.

Dinsmore, J. (1982). "The semantic nature of Reichenbach's tense system." *Glossa*, 16: 2.

Dixon, R. M. W. (1980). *The languages of Australia*. London, etc.: Cambridge University Press.

Dowty, D. R. (1979). *Word meaning and Montague grammar: The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht, Holland, etc.: Reidel.

Dretske, F. (1986). "Aspects of cognitive representation." In M. Brand, R. M. Harnish (eds.). *The representation of knowledge and belief*. Tuscon: The University of Arizona Press.

Ducrot, O., T. Todorov (1981). *Encyclopedic dictionary of the sciences of language*. Oxford: Blackwell.

Ellen, R. F. (1977). "Anatomical classification and the semiotics of the body." In J. Blacking (ed.). *The anthropology of the body*. New York : Academic Press.

Fillmore, C. J. (1986). "U"-semantics, second round." *Quaderni di semantica*, 7:1. Bologna.

Fleischman, S. (1989). "Temporal distance: a basic linguistic metaphor." *Studies in Language*, 13:1.

Fodor, J. (1976). *The language of thought*. Hassocks: Harvester.

Forchheimer P. (1953). *The category of person in language*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

Frege, G. (1967). "The thought: a logical inquiry." In P. F. Strawson (ed.). *Philosophical logic*. Oxford University Press.

Gale, R. (1968). *The language of time*. New York: Humanities Press.

Geach, T. (1962). *Reference and generality*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.

Geeraerts, D. (1989). "Prospects and problems of prototype theory." *Linguistics*, 27:4.

Geert, P. van (1983). *The development of perception, cognition and language*. London, etc.: Routledge & Kegan Paul.

Gelman, S. (1988). "The development of induction within natural kind and artifact categories." *Cognitive Psychology*, 20:1.

Gibson, B. S., M. A. Peterson (1994). "Does orientation-independent object recognition precede orientation-dependent recognition? Evidence from a cuing paradigm." *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 20:2.

Gildea, S. (1993). "The development of tense markers from demonstrative pronouns in Panare (Cariban)." *Studies in Language*, 17:1.

Givón, T. (1977). "The drift from VSO to SVO in Biblical Hebrew: The pragmatics of tense-aspect." In C.N. Li (ed.). *Mechanisms of syntactic change*. -Austin, etc.: University of Texas Press.

Givón, T. (1989). *Mind, code and context: Essays in pragmatics*. Lillsdale, etc.: Lawrence Erlbaum Associates.

Givón, T. (1993). *English grammar: A function-based introduction*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. Vol. 1-2.

Glare, P. G. W. (1982). *Oxford Latin dictionary*. Oxford: At the Clarendon Press.

- Goldsmith, J., E. Woisetschlaeger (1982). "The logic of the English progressive." *Linguistic Inquiry*, 13:1.
- Hausser, R. R. (1979). "How do pronouns denote?" In F. Heny, H. S. Schnelle (eds.). *Syntax and semantics 10: Selections from the Third Groningen Round Table*. N. Y., etc.: Academic Press.
- Hayduk, L. A. (1981). "The shape of personal space: An experimental investigation." *Canadian Journal of Behavioral Science*, 13:1.
- Henry, D., K. Henry (1969). "Koyukon locationals." *Anthropological Linguistics*, 11:4.
- Herskovits, A. (1985). "Semantics and pragmatics of locative expressions." *Cognitive Science*, 9:3.
- Herskovits, A. (1986). *Language and spatial cognition*. Cambridge University Press.
- Herskovits, A. (1988). "Spatial expressions and the plasticity of meaning." In B. Rudzka-Ostyn (ed.). *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Hill, C. A. (1975). "Variation in the use of 'front' and 'back' by bilingual speakers." *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, CA.
- Hirtle, W. H. (1975). *Time, aspect and the verb*. Québec: Les Press de l'Université Laval.
- Hoepelman, J. P. (1974). "Tense-logic and the semantics of the Russian aspects." *Theoretical Linguistics*, 1:1/2.
- Hopper, P. J. (ed.) (1982). *Tense-aspect: between semantics and pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Huddleston, R. D. (1984). *Introduction to the grammar of English*. Cambridge, etc.: Cambridge University Press.
- Hymes, D. (1975). "From space to time in Kiksht." *International Journal of Applied Linguistics*, 41:4.
- Itkonen, E. (1978). *Grammatical theory and metascience*. Amsterdam: John Benjamins.
- Ivič, M. (1962). "The grammatical category of non-omissible determiners." *Lingua*, 11.
- Jackendoff, R. (1983). *Semantics and cognition*. The MIT Press.
- Jackendoff, R. (1987). "On beyond zebra: The relation of linguistic and visual information." *Cognition*, 26:2.
- Jackendoff, R. (1989). "What is a concept, that a person may grasp it?" *Mind and Language*, 4:1/2.
- Jakobson, R. (1971). "Relationship between Russian stem suffixes and verbal aspects." *Selected writings*. The Hague, etc.: Mouton. Vol. 2.
- Jespersen, O. (1929). *The philosophy of grammar*. London: Allen & Unwin.
- Junger, J. (1987). "Psychological or communicative reality: On the speaker's point of view." In J. Verschueren, M. Bertuccelli-Papi (eds.). *The pragmatic perspective*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Kamp, H. (1971). "Formal properties of 'now'" *Theoria*, 37.
- Klein, E. (1967). *A comprehensive etymological dictionary of the English language*. Amsterdam, etc.: Elsevier Publishing Company. Vol. 1-2.
- Kučera, H. (1983). "A semantic model of verbal aspect." In M. S. Flier (ed.). *American contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Vol. 1. Linguistics*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers.
- Lakoff, G. (1987). *Women, fire, and dangerous things*. Chicago & London: The University of Chicago Press.
- Lakoff, G. (1989). "Some empirical results about the nature of concepts." *Mind and Language*, 4:1/2.
- Langacker, R. W. (1982). "Remarks on English aspect." In P. J. Hopper (ed.). *Tense-aspect: between semantics and pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Langacker, R. W. (1991). *Foundations of cognitive grammar: Descriptive application*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Langacker, R. W. (1994). "Viewing in cognition and grammar." MS
- Levinson, S. C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lewis, C. I. (1946). *An analysis of knowledge and valuation*. LaSalle, Illinois: The Open Court Publishing Co.
- Linville, K., Ring, M. (1991). "Moore's paradox revisited." *Synthese*, 87:2.
- Ljung, M. (1980). "Reflections on the English progressive." *Gothenburg Studies in English*, 46.
- Lyons, J. (1968). *Introduction to theoretical linguistics*. Cambridge, etc.: Cambridge University Press.

Lyons, J. (1977). *Semantics*. London, etc.: Cambridge University Press. Vol. 1-2.

Lyons, J. (1982). "Deixis and subjectivity: Loquor, ergo sum?" In R. J. Jarvella, W. Klein (eds.). *Speech, place, and action*. Chichester, etc.: John Wiley & Sons.

Keil, F. C. (1986). "The acquisition of natural kind and artifact terms." In A. Marras, W. Demopoulos (eds.). *Language learning and concept acquisition: Foundational issues*. Norwood, N.J.: Ablex.

McGinn, C. (1983). *The subjective view: Secondary qualities and indexical thoughts*. Oxford: Clarendon Press.

McKay, J. H. (1978). "Some problems in the analysis of point of view in reported discourse." *Centrum*, 6:1.

Merleau-Ponty, M. (1945). *La phénoménologie de la perception*. Paris: Gallimard.

Meseguer, A. G. (1992). "Language and reality." *Journal of Pragmatics*, 17: 5/6.

Minsky, M. (1975). "A framework for representing knowledge." In P. H. Winston (ed.). *The psychology of computer vision*. New York, etc.: McGraw-Hill.

Morris, C. (1946). *Signs, language and behavior*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.

Needham, P. (1975). "Temporal perspective: A logical analysis of temporal reference in English." *Philosophical Studies published by the Philosophical Society and the Department of Philosophy*, 25. University of Upsala Press.

Palmer, S. E. (1975). "Visual perception and world knowledge: Notes on a model of sensory-cognitive interaction." In D. A. Norman, D. E. Rumelhart (eds.). *Explorations in cognition*. San Francisco: W. H. Freeman & Co.

Palmer, S. E. (1990). "Modern theories of Gestalt perception." *Mind and Language*, 5:4.

Peirce, C. S. (1932). *Collected papers of Charles Sanders Peirce* (ed. by C. Hartshorne & P. Weiss). Cambridge: Harvard University Press. Vol. 2. *Elements of logic*.

Perry, J. (1993). *The problem of the essential indexical*. New York, etc.: Oxford University Press.

Premack, D. (1990). "The infant's theory of self-propelled objects." *Cognition*, 36:1.

Prior, A. (1967). *Past, present and future*. Oxford: Clarendon Press.

Prior, A. (1968). *Papers on time and tense*. Oxford: Clarendon Press.

Prior, A., K. Fine (1977). *Worlds, times and events*. Amherst: University of Massachusetts Press.

Quine, W. V. (1961). "Logic as a source of syntactical insight." *Structure of language and its mathematical aspects*. Providence.

Quine, W. V. (1964). "Time." In J. J. C. Smart (ed.). *Problems of space and time*. New York, etc.: Macmillan, etc.

Quine, W. V. (1975). "The nature of natural knowledge." In S. Guttenplan (ed.). *Mind and Language*. Oxford: Clarendon Press.

Reichenbach, H. (1947/1951). *Elements of symbolic logic*. New York: Macmillan.

Rosch, E. (1977). "Human categorization." In N. Warren (ed.). *Studies in cross-cultural psychology, 1*. New York; London.

Russell, B. (1905/1956). *Logic and knowledge* (ed. by R. C. Marsh). London: George Allen & Unwin.

Russell, B. (1915). "On the experience of time." *The Monist*, 25: 2.

Rauh, G. (1984). "Aspekte der deixis." *Sprachwissenschaft*, 9: 1/2.

Ryle, G. (1954). "Feelings." In W. Elton (ed.). *Aesthetics and language*. N. Y.: Philosophical Library.

Sapir, E., M. Swadesh (1964). "American Indian grammatical categories." In D. Hymes (ed.). *Language in culture and society*. New York, etc.: Harper & Row.

Schaefer, R. P. (1985). "Toward universal semantic categories for human body space." *Linguistics*, 23:3.

Schwartz, S. (1979). "Natural kind terms." *Cognition*, 7:3.

Sgall, P. (1977). "Sign meaning, cognitive content, and pragmatics." *Journal of Pragmatics*, 1:3.

Sgall, P. (1980). "Towards a pragmatically based theory of meaning." In J. R. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch (eds.). *Speech act theory and pragmatics*. Dordrecht, etc.: Reidel.

Slane, S., R. Petruska, S. Cheyfitz (1981). "Personal space measurement: A validation comparison." *Psychological Record*, 31:2.

- Slobin, D. I., A. A. Aksu (1982). "Tense, aspect, and modality in the use of the Turkish evidential." In P. J. Hopper (ed.). *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins.
- Smith, C. S. (1983). "A theory of aspectual choice." *Language*, 59:3.
- Smith, Q. (1989). "The multiple use of indexicals." *Synthese*, 78:2.
- Sommer, R. (1969). *Personal space: The behavioral basis of design*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- Svorou, S. (1994). *The grammar of space*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Sweetser, E. (1990). *From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge, etc.: Cambridge University Press.
- Šeljakin, M. (1984). "On the essence of the category of aspectuality and its lexical-semantic level in Russian." In C. de Groot, H. Tommola (eds.). *Aspect bound*. Dordrecht, Holland, etc.: Foris.
- Taylor, B. (1985). *Modes of occurrence: Verbs, adverbs and events*. Oxford: Basil Blackwell.
- Taylor, J. R. (1989). *Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory*. Oxford: Clarendon Press.
- Thavenius, C. (1983). *Referential pronouns in English conversation*. CWK Gleerup.
- Trask, R. L. (1993). *A dictionary of grammatical terms in linguistics*. London, etc.: Routledge.
- Traugott, E. C. (1975). "Spatial expressions of tense and temporal sequencing: A contribution to the study of semantic fields." *Semiotica*, 15:3.
- Ullmann, S. (1963). "Semantic universals." In J. Greenberg (ed.). *Universals of language*. Cambridge : The MIT Press.
- Vaina, L. M. (1990). "'What' and 'where' in the human visual system: two hierarchies of visual modules." *Synthese*, 83:1.
- Valen, R. (1965). "Les aspects du verbe français." *Mélange Rossetti*. Bucarest.
- Vendler, Z. (1967). *Linguistics in philosophy*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.
- Weinrich, H. (1970). "Tense and time." *Archivum Linguisticum*, 1.
- Weissenborn, J., W. Klein (eds.) (1982). *HERE and THERE: Cross-linguistic studies on deixis and demonstration*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Whorf, B. L. (1958). *Language, thought, and reality*. The Technology Press of MIT, etc.
- Wierzbicka, A. (1976). "Mind and body." In J. D. McCawley (ed.). *Syntax and semantics: Notes from the linguistic underground*. New York, etc.: Academic Press. Vol. 7.
- Wierzbicka, A. (1989). "Prototypes in semantics and pragmatics: explicating attitudinal meanings in terms of prototypes." *Linguistics*, 27:4.
- Wittgenstein, L. (1960). *The blue and brown books*. Oxford: Basil Blackwell.
- Wright, S., T. Givón (1987). "The pragmatics of indefinite reference: quantified text-based studies." *Studies in Language*, 11:1.
- Wundt, W. (1911). *Völkerpsychologie II. Die Sprache*. Leipzig: Alfred Kröner.
- Zemach, E. M. (1972). "'Here' and 'now'." *Mind*, 81:322.
- Zribi-Hertz, A. (1989). "Anaphora binding and narrative point of view: English reflexive pronouns in sentence and discourse." *Language*, 65:4.

Предметный указатель

- анафоричность 159
антецедентность 154, 159-160
антропоморфизм 22, 23
антропоцентризм 22
асимметрия 47, 50
 предметная ~ 52-53
 пространственная ~ 53
структурная ~ 47, 52
аспектуальность 118
вид 72, 118, 119, 120, 121,
132, 139, 144, 146, 150
 определенный ~ 128, 129,
153
 неопределенный ~ 128,
153
восприятие 12, 13, 17-20, 22,
26
время 23, 33, 75, 79, 82, 105
 абсолютное ~ 90, 92, 94,
112
 будущее ~ 89, 91, 94, 102
 вселенское ~ 118
 глагольное ~ 72, 101
 грамматическое ~ 72, 74,
96, 101
 лингвистическое ~ 72
 ментальное ~ 74
 наблюдателя 98, 109
 настоящее ~ 87, 89, 91, 92,
99-101, 114, 123, 139, 146
 объективное ~ 73, 74, 76,
88
 относительное ~ 90, 93, 94,
96, 111
 прошедшее ~ 27, 89, 91,
98, 102, 115
 психологическое ~ 88
 события 118, 122
 субъективное ~ 73, 74, 88
 физическое ~ 74
 языковое ~ 90, 104, 106
говорящий 21, 23, 26, 28, 31,
50, 56, 62, 66, 68, 72, 90, 95,
97-99, 107, 108, 112-115, 121-
122, 140-146, 150, 155, 159,
161-168
деривация
 лексическая ~ 131
 префиксальная ~ 131
 суффиксальная ~ 129
знак 8, 9, 56, 164
 языковой ~ 10, 11, 18, 116
знание 8, 11-13, 179
 деятеля 15
 наблюдателя 15
 научное ~ 180
 первичное ~ 15
 структуральное ~ 24, 144
 текстовое ~ 16, 18
 теоретическое ~ 13

- феноменологическое ~ 27,
181
 эмпирическое ~ 11
 языковое ~ 18, 32, 182
значение 9, 12, 105
 видовое ~ 119-121, 123
 временное ~ 94, 110, 112
 грамматическое ~ 100,
101, 111, 127, 132, 146, 149-
152, 182
 индексальное ~ 70, 162
 когнитивное ~ 25, 145
 лексическое ~ 58, 127, 130,
137, 182
 общефактическое ~ 144
 относительное ~ 94, 112
 прагматическое ~ 9
 пространственное ~ 64, 67,
78, 117, 131
 прототипическое ~ 55, 67,
80, 148
 результативное ~ 139
 событийное ~ 144
 эпистемическое ~ 67
 языковое ~ 11, 13, 121
индекс 164
индексальность 56, 66, 121
интерпретация 6, 9, 11, 21, 23,
27, 31-32, 40, 48, 69, 85, 88,
90, 93, 97, 100, 107, 111, 122,
142, 146, 154, 166
информация 14-16, 25, 34, 38,
45, 95, 161, 179
источник информации 23, 26,
30-32, 98, 108, 114, 140, 152
картина мира 15, 19-21, 124,
146
 архаическая ~ 77
 концептуальная ~ 16, 34
 наивная ~ 16, 179
 научная ~ 38, 76
 языковая ~ 10, 38, 94, 179
категоризация 20, 22, 155
 действительности 104
 информации 24, 98
 опыта 90
 вторичная ~ 13
 когнитивная ~ 15, 32, 146,
148, 153, 169, 182
 метафорическая ~ 22
 первичная ~ 159
 предметная ~ 156, 181
 пространственная ~ 38
 эпистемическая ~ 85, 109,
168
 языковая ~ 36, 38, 55, 102,
146, 153, 180, 182
категория
 вида 118, 119, 121, 123
 времени 101, 102, 111, 121
 лица 165
 рода 165, 168, 170
 индексальная ~ 121
 когнитивная ~ 21
когнитивная
 деятельность 10, 32
 модель 11
 наука 11, 19
 парадигма 12
 теория 11

концепт 11, 13-15
когнитивный ~ 38, 62, 64, 82, 85, 89, 179, 180
пространственный ~ 42, 47, 58, 61, 78, 148
локализация
действия 90
темпоральная ~ 73, 90, 96
локализм языковой 33
местоимение
личное ~ 155, 157-160, 165-167, 172
указательное ~ 59-61, 65, 177, 159, 162-163, 167, 178
момент
восприятия 98
наблюдения 112, 114, 124, 148, 149
описания 29
речи 21, 27, 73, 91, 99-100, 112, 122, 141, 145
наблюдаемость 23, 115, 117, 142, 144, 182
наблюдатель 15, 21, 26, 27, 29, 32, 40, 44, 51, 56, 64-70, 76, 81, 86, 94-99, 107, 112, 114-115, 117, 121-122, 140, 143-148, 150-152, 182
неопределенный ~ 23
наблюденность 30
норма 39, 44-50, 65, 69, 163
объект
восприятия 22, 35, 39, 87, 90, 105
действия 123, 152
описания 29
речи 167, 169, 178
указания 56, 158
опыт 14-16, 90, 114, 177
индивидуальный ~ 19, 65, 179
наличный ~ 97, 101-103
пространственный ~ 35, 101
психический ~ 74
чувственный ~ 11, 19, 22, 25, 27, 34, 39, 46, 57, 62, 76, 83, 108, 144, 163, 180
эмпирический ~ 18, 24, 27, 69, 75, 89, 101, 137, 178
языковой ~ 105
парадигма
грамматическая ~ 133, 137
познание 11, 14, 17, 34-35, 83, 94, 104, 126, 178
поле
восприятия 82
зрения 80-82
понимание 7, 8, 11, 21
прагматика 8-10
пространство 12, 22, 33, 35-40, 44-47, 50-55
говорящего 68
личное ~ 57, 62, 68, 97, 101-103
наблюдателя 46, 68, 69, 97
перцептуальное ~ 12, 106, 108
пространственная ориентация

абсолютная ~ 50, 53, 95, 96
относительная ~ 53, 95, 96
протоимя 158, 167
референт
возможный ~ 96, 161, 163
глагольный ~ 25, 124, 148, 149, 182
грамматич. времени 91
имени 106-107
именной группы 115-116
местоимения 161-163, 166-167
неопределенный ~ 17
обобщенный ~ 17
определенный ~ 17, 25
причастия 114, 151
референция
индексальная ~ 146
неопределенная ~ 17
определенная ~ 25
род
местоимения 165, 168
существительного 169, 172
грамматический ~ 169, 170
семантика 6, 8, 9, 12, 26, 29, 46, 168
вида 119
пространственная ~ 48
темпоральная ~ 72, 77, 82, 89, 106
синтактика 6, 8-10
событие 22, 28, 30, 72, 73, 80, 84, 88, 92, 98, 101, 106, 116
согласование
дейктическое 66
эпистемическое ~ 25, 98, 107
структура
временная ~ 97, 103, 105-106
знания 16-17, 179
когнитивная ~ 35, 46, 48, 180
концептуальная ~ 13-15, 20, 42, 183
морфологическая ~ 58, 64, 66, 102, 109
предложения 114, 160
проективная ~ 39
пространственная ~ 37
эмоционального состояния 22
языковая 16, 22
субъект 8, 21, 53, 74, 85, 87, 101, 106, 142
восприятия 14, 23, 25, 26, 29-31, 94, 99, 108, 122, 178, 181
действия 26, 35, 108, 115, 123
знания 35
логический ~ 28
неопределенный ~ 17
познания 5, 35, 94, 178
психологический ~ 16, 26, 28
пропозиции 66
речи 26, 168, 178, 180, 182

событийный ~ 28
сознания 26, 35, 178, 181
фактообразующий ~ 27
эмоции 24, 29
таксис 72, 110, 111
точка
 зрения 22, 26, 29, 31, 36,
47, 50, 64, 68, 70, 99, 108, 112,
142, 163
 отсчета 23, 35, 44, 46, 51,
57, 64, 66, 80, 81, 90-94, 98,
101, 106, 178

указание
 временное ~ 94
 на говорящего 68, 98, 155
 на наблюдателя 24, 25, 27,
66-68, 70, 98, 140, 143, 145,
152
указательность языковая 26,
69
эгоцентрики 28

Кравченко Александр Владимирович

ЯЗЫК И ВОСПРИЯТИЕ

Когнитивные аспекты языковой категоризации

Монография

Компьютерный набор и верстка А. Кравченко

Корректор Л. Н. Яковенко

Печатается в авторской редакции

ИБ № 1400. Гос. лицензия ЛР № 040250 от 13.08.1997 г.

Сдано в набор 3.02.2004. Подписано к печати 5.03.2004.

Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Бумага белая писчая. Печать трафаретная. Гарнитура Таймс. Уч. изд. л. 12,5. Усл. кр. отт. 12,7. Усл. печ. л. 12,6. Тираж 500 экз. Заказ № 526.

Государственное предприятие

Издательство Иркутского государственного университета
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 20.

Отпечатано в Глазковской типографии
Иркутск, ул. Гоголя, 53.